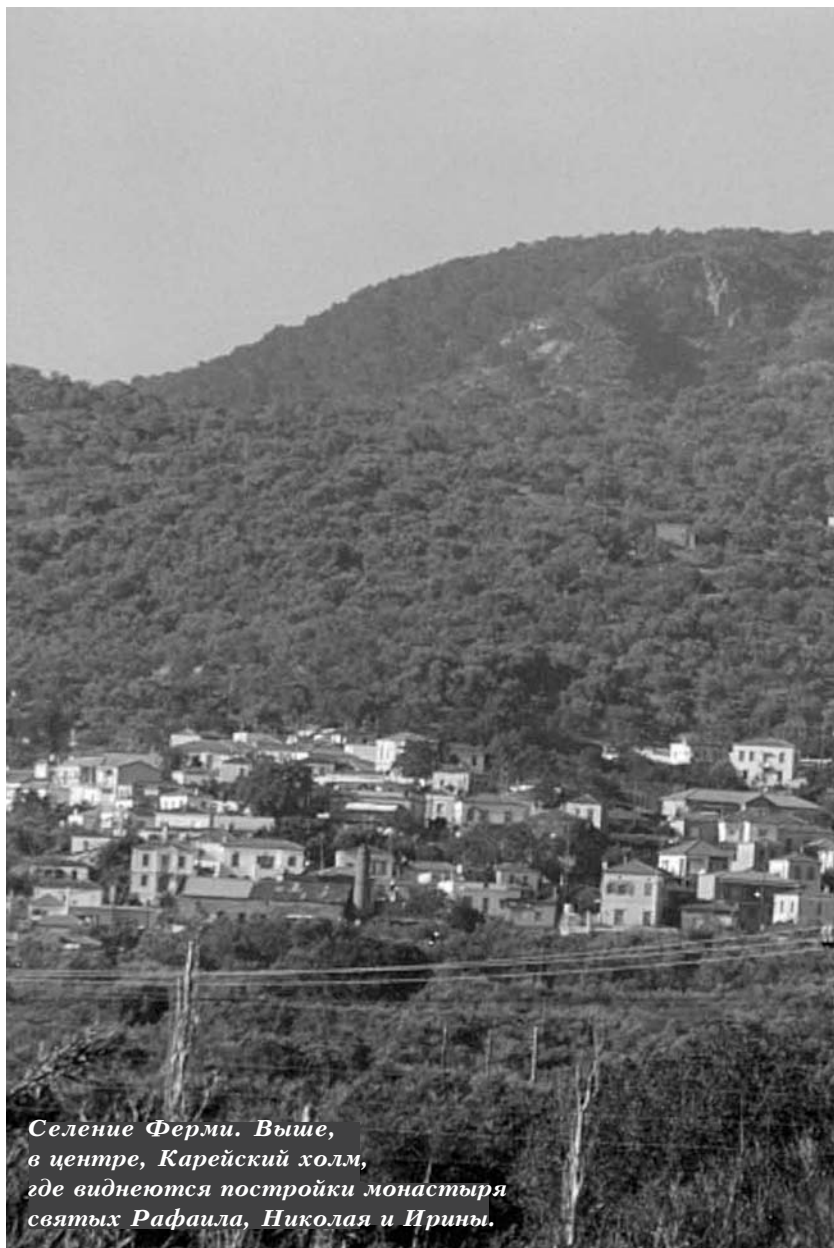

Василики Ралли

ЛЕСБОССКИЕ МУЧЕНИКИ

Издательский Дом «Святая Гора»
Москва, 2005

Перевод с греческого выполнен
переем Димитрием Валюженичем
с издания

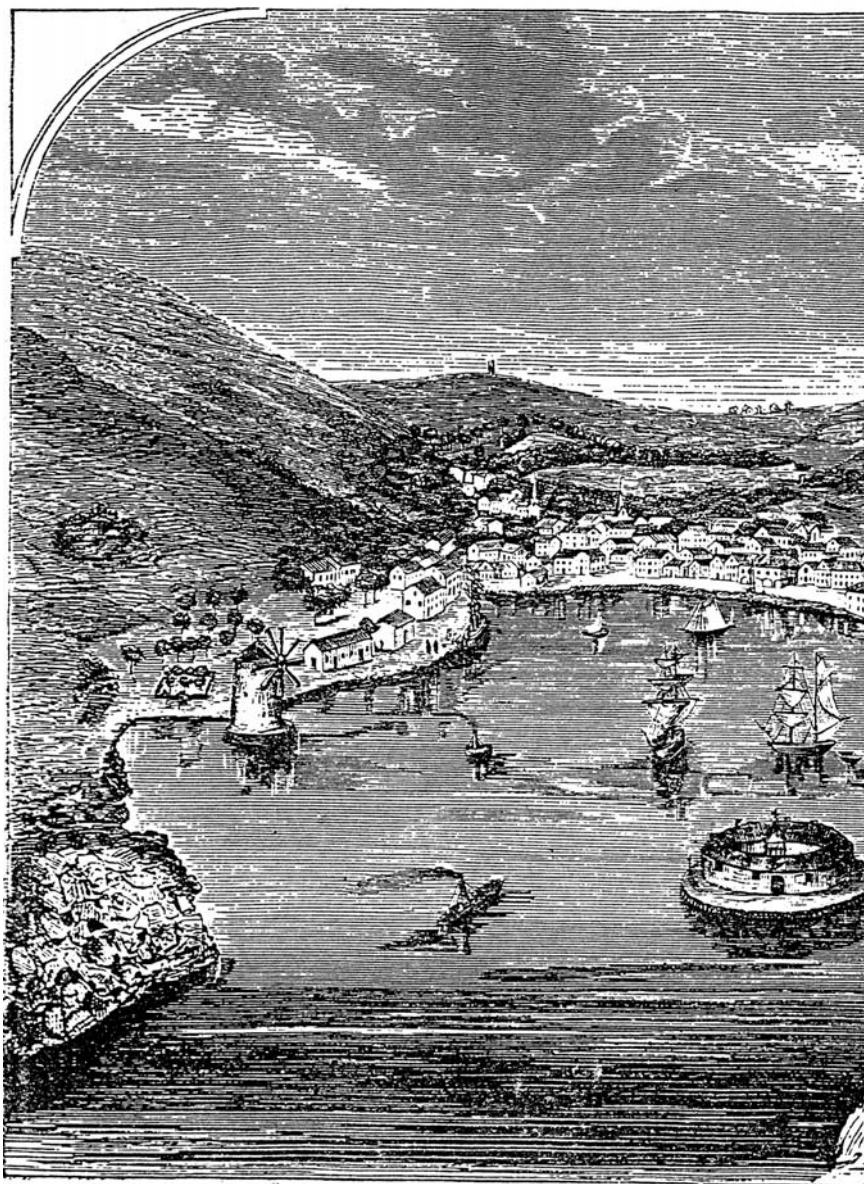
ΒΑΣΙΛΙΚΗ ΡΑΛΛΗ
ΚΑΡΥΕΣ
Ο ΛΟΦΟΣ ΤΩΝ ΑΓΙΩΝ

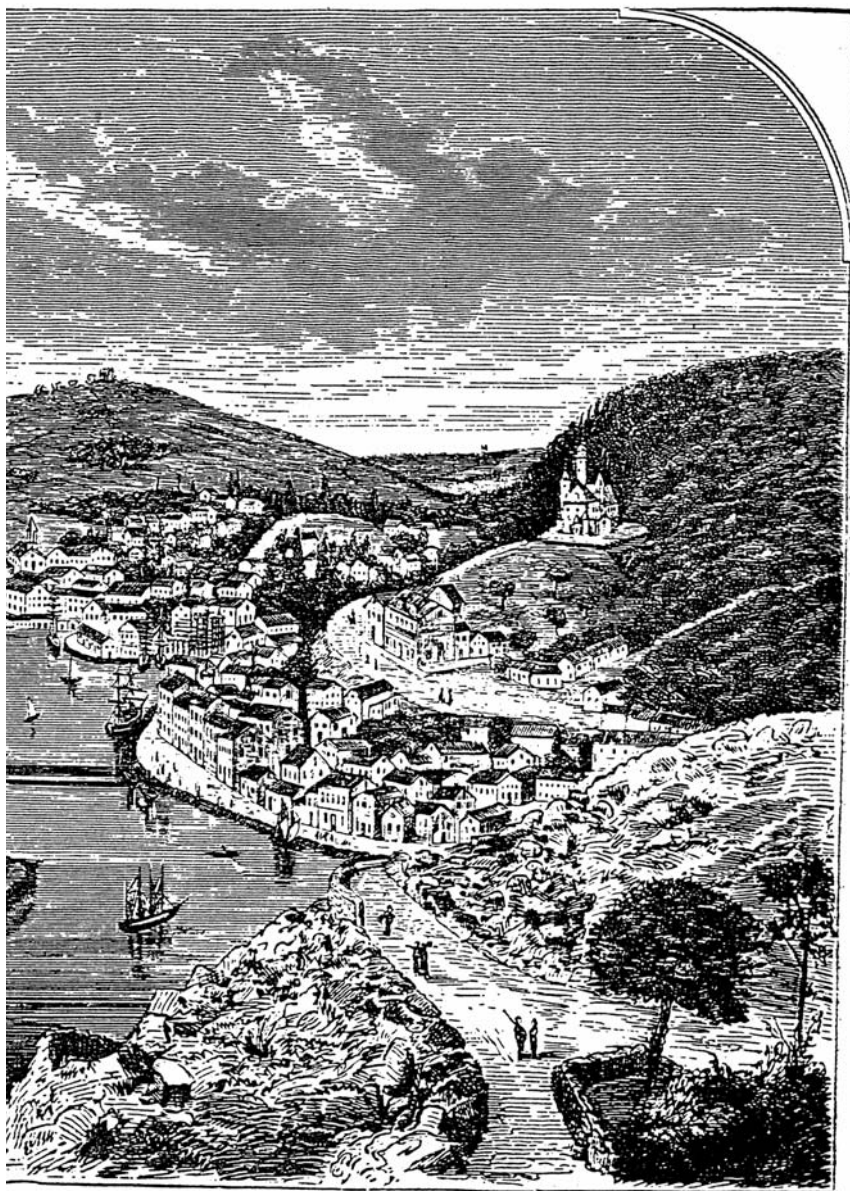
По вопросам приобретения обращаться:
Издательский Дом «Святая Гора»,
107082, Москва, а/я 93.
Адрес в Интернете: info@agionoros.ru
Тел.: (095) 540-11-40
Факс: (095) 246-69-39

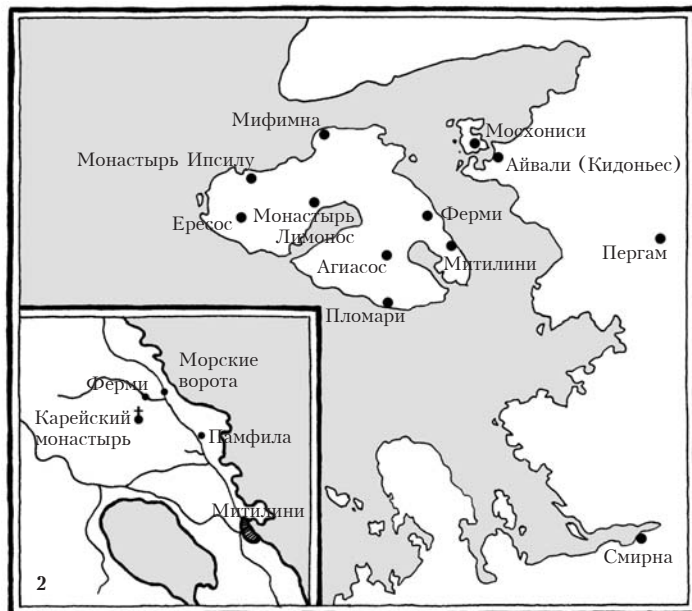
© Βασιλική Ράλλη, Θεομή Μυτιλήνης καί Εκδόσεις Ακρίτας, 2000
© Издательский Дом «Святая Гора», Москва, 2005
© перей Димитрий Валюженич, перевод, 2004

Все права защищены. Запрещается полное или частичное воспроизве-
дение настоящего издания (текста, элементов оформления, макета) ка-
ким бы то ни было способом (графическим, электронным, механиче-
ским) без письменного разрешения издателей.

*Памяти
моего супруга Ангелоса Раллиса,
чья деятельность положила начало
священной Карейской эпопее.*

1. Порт Итаки. Гравюра первой половины XIX в. На холме в центре гравюры видны мельницы — это место, где родился святой Рафаил.

2. Карта острова Митилини (Лесбос).

ПРЕДИСЛОВИЕ

«За Христа Бога на Лесбосе подвизавшиеся, освятили его обретением мощей своих, блаженные; темже почитаем вас, Рафаиле Богоносне, вкупе с Николаем и Ириною Девою, небесных заступников наших и молитвенников ко Господу»

Тропарь Фермийским¹ святым

Предисловия к своим книгам я обычно начинаю с обращения к Богу, прося Всевышнего направить моё перо и мои мысли на путь истины и разума. И ныне, выполняя просьбу моего друга, издателя Димитрия Коккиноса, написать предисловие к настоящей книге, я делаю то же самое: прошу Всесвятого Бога, молитвами святых Его, помочь мне сказать подобающее, ибо сие издание будет прочитано многими людьми, и дай Бог, чтобы плодом этого чтения было приумножение веры в их душах.

Госпожа Василики Ралли, автор нижеследующего произведения, не профессиональный литератор, но нельзя не отметить ту непосред-

1. Фермийскими мученики именуются по названию селения (Ферми), где были обнаружены их святые останки. — Прим. перев.

ственность и искренность, с которой она описывает увиденное и услышанное ею в своих многочисленных необычных сновидениях и в ходе чудесных событий, происшедших как с ней лично, так и с её покойным супругом Ангелосом Раллисом — одним из тех, кто стоял у истоков прославления Фермийских мучеников. То, о чём пишет Василики Ралли, относится к числу первых и самых достоверных личных свидетельств, поскольку мощи святых были обретены на территории оливковой рощи, принадлежавшей их семье. Сны, видения и ряд других сверхъестественных явлений взбудоражили тогда местных жителей — одни из них всею душою приняли, а другие, наоборот, не приняли тот необычный способ, который избрал Бог, чтобы явить миру Своих святых.

В случае со святыми Ферми то отрицательное отношение и сильное противодействие, которое имело место вначале, впоследствии было преодолено обретением святых мощей и других святынь, подтвердивших истинность снов и чудесных откровений. Археологические находки, чудеса и иные свидетельства явились основанием для официального церковного прославления трёх мучеников. Им, сияющим светом Божественной благодати, возносится ныне хвала «во псалмах и пениях и песнях духовных»².

Вообще говоря, разного рода сны, видения и «чудеса» зачастую не только служат соблазном

2. Кол. 3, 16. — Прим. авт.

для верующих и неверующих, но и вызывают серьёзные нестроения в церковной жизни. Церковь, конечно же, не может признать кого-либо святым на основании одних только снов или видений, за которыми может стоять не Бог, а лукавый дух или лукавые люди, желающие использовать в своих корыстных целях легкоеверие и неведение простецов. Истинные святые, подобные трём Фермийским святым, являются теми Божественными посланниками, через которых Господь утверждает, укрепляет и поддерживает верующих, а не «святыми кошельками» мошенничества и обмана, как охарактеризовал их покойный Д. Псафас в своей работе «Маленькие фарисеи».

Кроме того, существует проблема сохранения и изложения устного предания, когда люди неискушённые, движимые восхищением и «ревностью не по разуму», начинают выдумывать, добавлять от себя, искажать и извращать те или иные факты и своими рассказами о «чудесах», снах, видениях и знамениях только смущают окружающих, умножают неправду и плодят беспочвенные, фантастические слухи, несогласные с кристально чистой истиной Веры. Причём нередко подобные устные рассказы записываются и материализуются в виде брошюр и книг, которые многих вводят в заблуждение. И тогда сбывается мудрое слово Спасителя: «Оставьте их: они — слепые вожди слепых; а если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15, 14).

К счастью, это не правило, а скорее исключение. И той книге, которую вы держите в руках, нельзя предъявить претензий в легковесности или искажении фактов. Автор свидетельствует о том, что она самолично видела и пережила, оказавшись в эпицентре знаменательного события — явления миру трёх Фермийских святых. Обретённые в ходе раскопок святыни раз и навсегда заградили уста неверующих. «Дивен Бог во святых Своих» — эти слова служат как бы вечным памятником мученикам. О том, что сей памятник воздвигнут не на пустом месте, свидетельствует и помещённый выше тропарь святым, составленный знаменитым гимнографом-святогорцем, блаженной памяти монахом Герасимом из скита Малой Анны.

Следует отметить, что первой книгой, посвящённой этим святым, была книга покойного Фотия Кондоглу «Знамение велие», основу которой составили свидетельства Василики Ралли — в силу той важнейшей роли, которую довелось ей сыграть в деле обретения мощей и прославления мучеников. Фотий Кондоглу, как известно, не был легкомысленным религиозным фанатиком, склонным доверять разного рода слухам. Напротив, это был человек твёрдых убеждений, активный борец за правду и чистоту Веры. Второй публикацией (если брать хронологическую последовательность) явилась об-

ширная статья автора этих строк в афинской газете «Врадини» (за 15 декабря 1969 года), где я тогда трудился. Впоследствии, по просьбе митрополита Иакова, возглавлявшего в то время Митилинскую кафедру, эта статья была переработана в брошюру, изданную в 1970 году под названием «Гора святых» и широко распространявшуюся среди паломников монастыря. За данными публикациями последовали и другие книги о Фермийских мучениках. Напишут о них, конечно, и новые произведения — во славу Бога, в знак благоговейного почитания святых Его, которые несут свою неусыпную стражу на пограничном острове Лесбос, поддерживая здесь «сигнальный огонь» и сияя по всей Вселенной Божественной благодатью и чудесами.

Не будем вдаваться в подробности тех повествований о явлении святых, которыми заполнены страницы этой книги. И если в каком-нибудь месте у читателя возникнет недоумение, то пусть это не помешает ему увидеть за частностями главное, за деталями описания тех или иных событий — волю Всевышнего. Впрочем, у каждого читателя свои особенности восприятия. Не все одинаковым образом постигают истину, а тем более истину в чьём-либо изложении. Почему порой и находят для себя благодатную почву разного рода лжепророки, еретики и демагоги, спекулирующие на религиозном рвении простых людей.

Трое святых Ферми, которых я всей душой люблю и почитаю, являются, как мы уже сказали, для нас Божиими посланниками, даром Божиим для современного человека, жизнь которого стала бесплодной, наполнилась страхами, вышла из колеи. И не может быть даже тени сомнения в святости этих мучеников и данной им благодати чудотворений. Негаснущими маяками стоят они на горе Карея, где воздвигнут во имя их храм и женский монастырь и куда ежедневно стекаются толпы паломников.

Итак, прочитайте про этих святых, познакомьтесь с ними, полюбите их и призовите их на помощь — себе, своим близким и автору настоящих строк. Все мы имеем нужду в молитвах, и все должны молиться друг за друга. Дай Бог, чтобы святые мученики стали нашими подлинными друзьями, всегдашними «небесными заступниками нашими и молитвенниками ко Господу». Аминь.

*Панайотис СОТИРХОС,
известный в Греции духовный писатель*

СВЯЩЕННЫЙ ХОЛМ КАРЕЯ

Примерно в километре на юго-запад от селения Ферми на острове Лесбос возвышается засаженный оливами холм Карея. Помимо этого названия, он имеет еще два — Эннифтос¹ и Калогирос².

Историю каждой местности дополняют топономика, легенды, предания. Они помогают воссоздать картину минувшего. С их помощью прошлое находит своё отражение в дне сегодняшнем, а от последнего прокладывается мостик к дню завтрашнему.

Так вот, согласно преданию, Эннифтосом эта возвышенность была названа потому, что на ней в давние времена жили и подвизались монахи-исихасты. Многие из них, как гласит всё то же предание, переселились сюда со Святой Горы, из скита Карея, которому и обязан холм другим своим названием. На склонах холма, как и на соседней горе Пандера, есть пещеры, некогда служившие, по-видимому, жилищем для насельников отшельнического скита.

1. Эннифтос (греч.) — «исихаст». — Прим. перев.

2. Калогирос (греч.) — «монах». — Прим. перев.

Говорят также, что эти монахи были из числа ревностных приверженцев святителя Григория Паламы, которого Церковь величает «сыном Невечернего Света», и что Ферми они избрали местом не только уединения, но и проповедничества. Огнём православной веры, горевшим в их душах, они зажигали души жителей Лесбоса, чтобы этот остров, когда на него обрушится шквал испытаний, остался нерушимой цитаделью Православия.

Память о сих подвижниках сохранилась в названии Палама, которое носит расположенная к юго-западу от Ферми горная гряда. На ней находятся скиты святого Филиппа и святого Иоанна-Беженца — как называют его местные жители. А напротив них, на соседней горе, — скит святого Евфимия³.

Согласно другому преданию, после падения Константинополя некоторые беженцы из числа духовенства нашли пристанище в Ферми и ста-

3. Каждый из этих трёх скитов представляет собой большую пещеру. Сохранилось предание о том, что здесь в древности подвизались три иеромонаха — Филипп, Иоанн и Евфимий, которые обладали даром общаться друг с другом на расстоянии и творить чудеса. Жители Ферми и окрестностей почитают их как святых, а сами скиты стали местом паломничества. На лесистом склоне Паламы подвизался ещё один иеромонах — святой Иоанн, «что в цветах». По преданию, это имя он получил потому, что однажды в какой-то из весенних дней христиане нашли его мёртвым, лежащим на земле среди полевых цветов. Тело монаха, хотя уже и было тронuto тлением, источало дивный аромат — благоухало сильнее, чем цветы. Похоронили его на том же месте, а над кельей в память о нём соорудили церковку, руины которой сохранились и доныне. Местными жителями и этот пустынный почитается как святой. — Прим. авт.

ли подвизаться на Карейском холме⁴. О них сохранилась память как о достойных преемниках великих древних исихастов. В сердцах жителей Лесбоса они укореняли ту непоколебимую веру, которая потрясает, творит чудеса, делает возможным «невозможное человекам» (Лк. 18, 27).

Что касается третьего названия Карейского холма — Калогирос, то оно обязано своим происхождением загадочному видению, которое периодически наблюдали жители Ферми. На холме они видели монаха, ходившего тут и там с кадилом в руках, а потом внезапно исчезавшего в сиянии таинственного света.

До Малоазийской катастрофы, когда на Лесбосе ещё жили турки, на этом холме располагалась оливковая плантация одного из самых зажиточных в округе людей — Хасана-эфенди⁵. Здесь же, в его владениях, находилась и церквушка Пресвятой Богородицы, представлявшая собой одни руины, над которыми простирал свою крону старый каменный дуб. Церковке сей приписывались особые чудеса. Часто её видели озарённой неземным светом. Иной раз отсюда

4. Рассказывают, что в одну из зимних ночей на берег около Ферми волны бушующего моря выбросили лодку, заполненную беженцами. Но это произошло таким чудесным образом, как будто открылась некая таинственная дверь — и все тут же оказались на суше, нисколько не пострадав. Среди беженцев были и два монаха, поселившиеся потом на холме Карея. С той поры место, к которому причалила лодка, стало называться Морские ворота. Так его именуют и сегодня.— Прим. авт.

5. Эфенди — «господин», вежливое обращение к мужчине в Турции. — Прим. перев.

доносились удары колокола, а иногда — прекрасное небесное пение.

Свидетелями-очевидцами этих сверхъестественных явлений были не только греки-христиане, но и турки. Вот почему Хасан-эфенди позволял жителям Ферми раз в год, во вторник Светлой седмицы, приходить сюда и служить литургию. Когда кто-то из молодёжи интересовался, почему литургия совершается именно в этот день, старики отвечали: «Так заповедано нам предками».

Явления таинственного монаха, которого видели на Карейском холме, происходили и в самом селении, в доме другого местного богача — Арифа-эфенди, двоюродного брата Хасана-эфенди. В стенах дома, построенного их предками, над дверями и окнами были вмурованы мраморные плиты, взятые из церкви.

Этот огромный роскошный дом был, к сожалению, оставлен хозяевами, считавшими, что в нём живут привидения. Он стоял закрытым, необитаемым, погружённым в таинственное молчание.

Кто был сей монах или батюшка, как называли его некоторые, являвшийся то в оливковой роще Хасана-эфенди, то в доме Арифа? Что за странный «добрый призрак» представал людям? (Его облик излучал мир и благость, и никто из тех, кто сподобился видеть его, никогда не потерпел никакого вреда.) Эти вопросы оставались без ответа.

Некий чабан по имени Силивинис как-то раз пас овец во владении Хасана-эфенди. Сидя около церкви, он внезапно увидел перед собой высокого монаха, который держал в руке кадило и улыбаясь смотрел на него. Пастух растерялся, испугался, затрепетал. Но услышал обращённый к нему мягкий голос:

— Не бойся. Послушай, я поведаю тебе о тайне, которая сокрыта на этом месте.

Но Силивинис вскочил и в ужасе бросился наутёк. Потом послал кого-то за своим стадом. А сам с той поры стороной обходил Карейский холм.

Не одному только Силивинису являлся монах. И другие чабаны, пасшие овец в этих местах, или случайные прохожие, сбившиеся с пути и забредавшие сюда в поздний час, рассказывали о том, что встречали здесь какого-то батюшку с кадилом в руке. Видели его и летом — ясными лунными ночами, и зимой — во время туманов и непогоды. Кто-то успевал разглядеть лишь его силуэт, а некоторые, как, например, Фемистоклий Плакас, могли подробно описать его внешность. Но ни с кем он больше не заговаривал. Все рассказывали, что таинственный незнакомец внезапно появлялся перед ними, иногда кадил, иногда просто смотрел на них улыбаясь и так же внезапно исчезал.

В 1917 году фермийский полицейский по имени Евстратиос Ситарас решил провести тщательное расследование, чтобы пролить свет на

эту тайну. Он не верил в привидения и считал, что какой-то обманщик из Ферми облачается в монашескую одежду и прикидывается призраком, пугая турок и греков.

— Никуда он от меня не уйдёт, — заявил страж порядка. — Я поймаю его, и тогда ему несдобровать.

«Расследование» затянулось надолго. Было арестовано немало человек, на которых пало подозрение, но никакого результата это не дало.

В один из дней в полицию пришли Хасан и Ариф — уже известные нам богачи-турки.

— Эфенди, — сказали они, — закрой это дело и не трать попусту силы. Это не кто-то из ныне живущих на земле людей. Мы вдвоём отправились в Карею и с оружием в руках сидели в засаде. И видели его, эфенди... Да, на третью ночь мы увидели этого батюшку. Но как только мы бросились на него, чтобы схватить, вспышка света, будто молния, ослепила нас, и он словно растаял в воздухе. Это действительно призрак.

Полицейский был поражён. Следствие он прекратил, потому что уже порядком устал и изнервничался, но сомнения по поводу сей тайны продолжали его обуревать...

Можно было бы привести и много других случаев, связанных со сверхъестественным явлением таинственного монаха. Чтобы не утомлять читателя, я ограничусь лишь самой существенной информацией и перейду теперь к под-

робному рассказу о важнейших видениях и откровениях, имеющих отношение к житию новоявленных святых Рафаила, Николая, Ирины и других мучеников, мощи которых были обреты на Карейском холме.

ОБРЕТЕНИЕ МОГИЛЫ СВЯТОГО РАФАИЛА

Конец июня 1959 года

Начались работы по строительству церкви. Ангелос Раллис послал нашего управляющего Дуку Цолакиса вместе с рабочими Никосом Подарасом, Янисом Христодулосом и Георгием Капетаньёсом выровнять площадку, освободить участок от камней и подготовить место для закладки фундамента. Расчищая земляную поверхность внутри старого храма, Дукас обратил внимание на один длинный камень, глубоко погруженный в почву. Пытаясь его вытащить, он увидел, что камень уходит на большую глубину и стоит вертикально, словно его поместили так намеренно в качестве указующего знака. Ему стало любопытно, и он продолжал копать в этом месте, полагая, что кто-нибудь, возможно, зарыл здесь клад. Камень опирался на небольшую треснувшую колонну, которая, по-видимому, тоже находилась тут неслучайно. При дальнейших раскопках обнаружилось, что колонна покоится на каменной крышке какой-то гробницы.

Когда эта крышка была поднята, открылся человеческий скелет, который лежал в узкой могиле, обложенной по стенам небольшими продолговатыми камнями. Голова отстояла от тела сантиметров на тридцать. Нижняя челюсть полностью отсутствовала. А на её месте находилась черепица византийской эпохи с тремя высеченными на ней крестами. Руки почившего были крестообразно сложены на груди. Изголовьем служил подложенный под голову круглый чёрный камень, рядом с которым, чуть ниже, лежал бронзовый ключ.

Дука растерялся, особенно когда почувствовал нежное благоухание. «Странно, — подумал он, — никто из рабочих не пользовался одеколоном... Откуда же такой аромат?!»

Ему и в голову не приходило, что благоухание исходило из гробницы. Опустив в неё лопату, он попытался извлечь кости. Однако ни одну из них лопатой поддеть не удалось. Дука стал нервничать. Но в это время из села пришёл его восьмилетний сынишка Дима, который принёс ему еду. Отец, держа мальчика за руки, осторожно опустил его в могилу. Ребёнок аккуратно собрал все косточки и передал наверх. Дука сложил их временно под одной из маслин. Гробницу он оставил нетронутой.

Рабочие продолжали орудовать лопатами, выравнивая участок. Раскапывая место для закладки фундамента, они обнаружили несколько осколков мрамора с выгравированными на них

крестами и верхнюю часть (капитель) колонны. По окончании рабочего дня Дука сразу же отправился в центр села, на базарную площадь, нашёл там в кафе Ангелоса и сообщил ему об обнаруженной в церкви могиле. Ангелос немедленно обратился с вопросом ко всем находившимся в кафе пожилым односельчанам, не помнят ли они о том, чтобы кто-то из христиан был когда-нибудь похоронен на Холме.

— Что вы такое говорите, господин Раллис? — удивились они. — Кто бы мог дерзнуть похоронить христианина во владениях Хасана-эфенди, там, куда мы со страхом ходили только раз в год — помолиться Пречистой и отслужить литургию!

На следующий день Ангелос поехал в Епархиальное управление и уведомил о случившемся митрополита Иакова. Владыка незамедлительно послал в Ферми археолога, господина Харитонидиса, чтобы тот на месте ознакомился с ситуацией и сделал профессиональное заключение.

Археолог поднялся в Карею 3 июля. Эта дата и определена как день обретения мощей святого Рафаила. Как только учёный увидел, на какой глубине находилась могила, и ознакомился с находками: черепицей, лежавшей среди костей неизвестного покойника, кусками мрамора с изображёнными на них крестами и капителью колонны — он тут же заявил:

— Всё это относится к Византийской эпохе. Смотрите, господин Раллис, камни для строи-

тельства храма берите не отсюда, возите из отдалённого места. Будете копать в радиусе ста метров от церкви — попадёте в тюрьму, потому что данный участок является особой заповедной археологической зоной.

Ангелос пообещал ему, что не станет копать даже у подножия маслин, а камни будет возить издалека. Обещание было выполнено. Камни привозил на своём грузовике Янис Кукулас из соседнего села Мистегна, а рабочие доставляли их потом в Карею на мулах, потому что автомобильной дороги тогда ещё не было. На гору поднимались по узкой труднопроходимой тропе.

Когда началось строительство, работу возглавил мастер Янис Кемерлис.

Узнав, что в старой Карейской церкви найдены останки погребённого там христианина, мы с мамой отправились туда, чтобы увидеть их. Они по-прежнему лежали под маслиной. С трепетным чувством мы покадили их и попросили Дуку присмотреть за ними, пока мы не придём снова, омоем их и поместим в особый ковчег.

— Отец и двадцать восемь наших убиенных родственников, — сказали мы ему, — остались в Малой Азии непогребёнными. Их тела растерзали дикие звери. Наш долг — омыть с благоговением косточки сего безымянного христианина, который неизвестно почему погребён во владениях турка. Мы сложим эти останки в ящичек и отнесём на наше сельское кладбище.

Но в тот же день, к несчастью, случилось следующее. В Карею пришла помолиться Божией Матери жительница Ферми Мирсини Псани. С ней был её внук Михаил Ламбринос, который, пока Мирсини разговаривала с Дукой, рашалился, бросил камень в череп и расколол его.

Дука разгневался, понимая, что его будут ругать за недосмотр, сложил кости в мешок от цемента и поставил его около другого дерева. Закончив работу, он, всё ещё раздражённый, выругался и взялся за мешок, собираясь повесить его на дерево для большей безопасности, но... не смог сдвинуть с места. Сначала он подумал, что у него просто онемела рука от длительной работы киркой, и, продолжая ругаться, попытался поднять мешок другой рукой. Тот был словно прикован к земле. Дука растерялся. Он не мог объяснить происходящее. И тогда ему в голову пришла мысль: «Наверное, этот человек был праведником, раз я не могу поднять его кости, ругаясь». Он сел под дерево и, погружённый в такие размышления, закурил сигарету... А потом осенил себя крестным знамением — впервые за последние двадцать шесть лет. И сразу же поднял с земли мешок.

Здесь нужно заметить, что Дука Цолакис был человеком хорошим, но в Бога не верил. В детстве он отличался благочестием. Во время Малоазийской катастрофы его отца зарезали турки. Мать, оставшаяся вдовой, и трое её маленьких детей нашли убежище на Лесбосе. Так

получилось, что одного мальчика усыновила и дала имя Василий Гайтанидис одна жительница Ферми — Елена Цолаки, недавно похоронившая своего сына. Она воспитала Дуку в христианской вере. Но во время оккупации, когда он сражался в рядах Сопротивления и был ранен немцами в бою около Олимпа, судьба свела его с одним человеком, из «образованных», который преподавал ему уроки атеизма. Дука ему поверил. И с тех пор никогда уже больше не крестился и не ходил в церковь. А над своей верующей женой, когда она зажигала перед образами лампадку, подсмеивался.

Нечто похожее случилось и с другим нашим рабочим, Леонидом Сидерасом. Когда ещё мешок стоял под деревом, Леонид подвинул его ногой. И сразу же почувствовал, что нога полностью онемела, а из мешка совершенно отчетливо слышался человеческий стон. Рабочий перепугался и, бледный как полотно, присел на землю у дерева. Чтобы его не подняли на смех, он не стал никому ничего говорить и, сославшись на нездоровье, хромя, спустился с Карейского холма. О случившемся он рассказал только своей жене. И добавил:

— В следующий раз, в воскресенье, я не пойду на эту стройку, которую затеял Раллис. На том месте действительно живут привидения.

А ночью ему приснился сон.

В дверь его дома постучался какой-то монах и попросил хлеба. Леонид изъявил готовность

поделиться с ним тем немногим, что у него было. Тогда монах сказал ему:

— Не надо, Леонид. Оставь это для своих детей. И пусть, по милости Божией, всегда в твоём доме будет хлеб.

— Кто ты, отче? Откуда? Со Святой Горы? — спросил Леонид.

— Нет, я пришел с горы Карея... Мои кости ты пнул вчера ногой. Никогда больше не делай того, что сделал...

Об этом сне Леонид опять же поведал одной лишь своей супруге, попросив её хранить рассказ в тайне. Но на гору Карея он больше не ходил работать... Испугался.

Не только с Леонидом Сидерасом и Дукой Цолакисом случались чудесные события. То кто-то из рабочих слышал позвякивание кадила, то ощущал запах ладана. То вдруг слышали приглушённый звук шагов кого-то невидимого, то стоны. Как-то раз мастер-строитель Янис Кермерлис даже сказал Ангелосу:

— Такие чудеса творятся... Какая же тайна сокрыта на этом месте?..

Однажды воскресным утром Дука Цолакис в одиночку взойшёл на Карейский холм, чтобы подстрелить лисицу, задравшую его козу. Неподалёку от церкви он присел покурить. Вдруг он увидел какого-то офицера, молча приближавшегося к нему. Дука первым поздоровался, но ответа не получил. «Глухой он, что ли?» — подумал он про себя и снова поприветствовал не-

знакомца. Тот опять не ответил, только очень строго смотрел Дуке прямо в глаза. Дука испугался и, думая, что офицер замышляет против него что-то недоброе, схватился за ружьё. Но в тот же миг офицер исчез. Дука вскочил и бросился бежать обратно в село. Прибежав домой, он рассказал обо всём жене и просил её никому ни о чём не говорить, чтобы ему не стать посмешищем. «Это и впрямь место призраков», — сказал Дука. Но от своих атеистических воззрений тогда ещё не отказался.

Найденные в церкви косточки неизвестного мы с мамой и Марией Цолаки омыли, высушили на чистой скатерти и поместили в небольшой ящичек. Потом пригласили из Ферми священника, отца Евфимия Цолоса, отслужить литию. Он посоветовал нам не относить кости на сельское кладбище, а оставить их в алтаре строящегося храма, раз они и были здесь найдены.

Ночью я увидела во сне монаха. Улыбаясь он говорил мне:

— Ты вытащила меня из грязи, Василики. Но пока ты не знаешь, кто я!..

Эти слова он повторил три раза. Но я не успела спросить его, кто он, потому что проснулась. Когда утром я рассказала родным о своём сне, никто не смог объяснить мне его значения. «Какого монаха я вытащила из грязи?» — недоумевала я. Так это и осталось тогда загадкой.

Июль 1959 года.

Работы продолжались. Как-то раз в полдень Мария Цолаки, взяв с собой своего пятилетнего сынишку Панайотиса, поднялась на гору и принесла мужу обед. Когда рабочие после еды прилегли отдохнуть в тени маслины, Мария взяла ребёнка за руку и пошла на то место, где были сложены оставшиеся от старой церкви камни и куски мрамора с крестами, найденные во время закладки фундамента. Там она зажгла две свечки и стала молиться. Вдруг ей послышалось, что к ней сзади кто-то подошёл. Обернувшись, она с удивлением увидела священника высокого роста. Ей показалось, что из глаз его исходит некое сияние. Ещё не успев ничего толком понять, она вдруг увидела его без головы!.. Мария в ужасе закричала, и священник исчез. По её свидетельству, он стоял там, где рос дуб¹. Схватив ребёнка за руку, вне себя от страха, женщина бросилась бежать, боясь оглянуться. Увидев её бегущей, рабочие спросили мужа:

— Дука, почему Мария бежит? Змею она, что ли, увидела?

Дука начал кричать:

— Мария!.. Мария!..

Но та не останавливалась, пока, наконец, не скрылась из виду. Ей казалось, как она потом рассказывала, что кто-то её преследовал.

1. Через два года на этом месте открылся святой источник. — Прим. авт.

Запыхавшаяся Мария прибежала в наш дом и, всё ещё дрожа от страха, поведала нам о случившемся.

— Никогда я больше не пойду туда, наверх! — повторяла она. — До конца своих дней я не забуду тот ужас, который пережила. Правильно говорят, что это место призраков... Этого священника, который многие годы являлся и туркам и грекам, увидела сегодня и я — как живого. Если бы он не предстал передо мной без головы, я бы поклонилась ему, чтобы облобызать его десницу...² Ноги моей больше не будет на Карейской горе — пусть что хочет Дука говорит!

— Послушай, Мария, в своём ли ты уме? Странные ты вещи рассказываешь! Может, тебе показалось? — спросила её моя мама.

— Как это «показалось», тётя Ангелики? Передо мной был батюшка огромного роста! Что я, сумасшедшая, чтобы ни с того ни с сего испугаться и бежать, не останавливаясь, до села? Я и ребёнка тащила за руку — чудо, что мы не упали и не разбились насмерть! На гору Карея я больше никогда не поднимусь... там живут привидения!

Мария ушла, оставив нас с мамой в растерянности и глубокой печали.

— О Господи! Что же это за таинственное такое место? — недоумевали мы. — Дело-то мы задумали благое — строительство церкви, но те-

2. Традиционный для греков способ выражения почтения к духовному сану. — Прим. перев.

перь, после всех этих рассказов, нам страшно ходить туда одним.

Слова Марии о «батюшке огромного роста» напомнили об одном, до той поры не нашедшем объяснения, событии, которое произошло с её свекровью — Еленой Цолаки.

Это случилось осенью, когда собирали маслины. Дука, занимавший пост управляющего нашими имениями, каждый вечер сообщал женщинам, в какую из оливковых рощ они пойдут завтра. Однажды, опасаясь дождя, Дука принял решение прервать сбор маслин на горе Карея и отправить работниц в другую рощу, расположенную в местечке под названием Дракос, где много маслин попадало на землю. Как всегда, накануне он предупредил об этом женщин, но забыл оповестить собственную мать. На следующий день, рано утром, она взяла свою корзину и поднялась на Карею. Проходя мимо церкви Божией Матери, госпожа Елена увидела в ней священника, склонившегося перед святым престолом и что-то тихо шептавшего, как во время проскомидии.

«Служится литургия», — подумала женщина, поставила корзину на землю и перекрестилась. В этот момент священник оглянулся и первый с улыбкой поприветствовал её — словно давнюю знакомую. А потом произнёс:

— Не трудись понапрасну, Елена, поднимаясь ещё дальше вверх. Маслины женщины сегодня собирают не здесь. Они пошли в Дракос.

— Странно, батюшка, — сказала она и, поклонившись, поцеловала его руку, — почему же сын мне об этом ничего не сказал?

— Забыл. Иди в Дракос и там всех найдёшь.

— Благодарю, отче, что ты меня об этом известил. Я бы только без толку их тут повсюду искала.

Взяв опять свою корзину и ещё раз поблагодарив его, она отправилась в Дракос (а это довольно далеко от горы Карея). Когда наконец, усталая, она добралась туда, то стала с раздражением выговаривать сыну, по вине которого ей пришлось сделать такой крюк:

— Хорошо, что там был священник, служивший в церквушке литургию. Не сообщил бы он мне, что вы находитесь в Дракосе, я бы вас там искала по всей горе. Дай Бог ему здоровья!

— Какой священник, мама? Отец Евфимий? — поинтересовался Дука.

— Нет, какой-то другой, незнакомый мне... Высокий, красивый... Дай Бог ему здоровья за то, что он избавил меня от напрасного труда — подниматься наверх, в оливковую рощу, и вас там искать.

— Может быть, это был священник села Пирги? — снова спросил Дука.

— Да нет же, я тебе говорю. Это был другой батюшка, которого я не знаю. А он меня, получается, знал, потому что назвал по имени.

— Откуда же ему стало известно, что мы находимся в Дракосе?

— Почём мне знать? Если бы ему не было это известно, он не послал бы меня сюда и я бы вас не нашла.

— Ну и ну! С ума можно сойти с этой женщиной!

Вечером, после окончания работы, сгорая от любопытства, он обратился с вопросом к отцу Евфимию. Тот ничего не знал.

— Даже если и предположить, что какой-то другой священник отправился туда служить литургию, — сказал отец Евфимий, — он обязательно бы мне об этом сообщил, потому что церковь находится в моём приходе.

В полном неведении был и иерей соседнего села отец Пахомий, с которым беседовал Ангелос. Так для всех нас данное происшествие и осталось тогда покрытым завесой тайны.

А сейчас мы подумали: не был ли этот высокий, красивый и кроткий священник, которого видела Елена, тем «добрым призраком» — как называли его турки и греки, — что многие годы то тут, то там являлся на горе Карея с кадилом в руке? Может быть, именно он предстал и Марии? А ей от страха показалось, что у него нет головы? Какая же тайна сокрыта на этом месте?..

В середине того самого дня, когда Марии Цолаки было сие видение, я поднялась в спальню, чтобы уложить ребёнка. Сидя на кровати с ним на руках, я задремала. И увидела первый знаменательный сон.

Будто бы очутилась я на горе Карея. Но всё там выглядело совершенно иначе. Маслин не было, а вместо той церкви, которую мы отстраивали, стояла другая — большая, наполовину разрушенная и почерневшая от пожара. Во дворе располагались монашеские кельи. Я стояла и недоумевала, полагая, что заблудилась и нахожусь в каком-то другом месте. В это время открылась дверь одной из келий и из неё вышли три человека духовного звания. Двое были высокого роста, а третий — маленький.

Двое улыбаясь поприветствовали меня кивком головы и вошли в полуразрушенную церковь. А один, высокий, подошёл ко мне и склонился над грудой обломков и разбитых камней, словно ища что-то среди развалин... И наконец нашёл то, что искал! Он поднял с земли терновый венец. Глаза его были полны слёз.

— Василики, — обратился он ко мне, — вот тайна, которую ты хочешь разгадать. Это место мученичества!.. Если желаешь узнать больше — войди в храм.

Сказав это, он внезапно исчез, а у меня в руках остался терновый венец... Растерянная и взволнованная, стараясь не споткнуться, я пробралась через каменные завалы и вошла в разорённую церковь. Что я увидела... Горы камней и осколков мрамора, обугленные доски... Запомнилось, что на стенах, которые не подверглись разрушению, были фрески. Слева я увидела образ Рождества Пресвятой Богоро-

дицы. Справа — икону святой мученицы Параскевы Пятницы, написанную в розовых тонах. Рядом с ней висела мраморная доска с выгравированным на ней большим текстом. Я прочитала, что сия церковь была построена в 1433 году некоей Мельпоменой, а ниже, среди слов, которые я так и не смогла разобрать, разглядела слово «Превандорион»... В этот момент в комнату вошла моя мама и, увидев, что я сплю сидя, разбудила меня, так что прочая часть надписи на доске осталась непрочитанной. Я сразу же поведала маме о своём сне и записала дату — 1433 год, — чтобы не забыть. Муж, узнав о случившемся, посоветовал мне никому больше об этом не говорить, потому что незадолго до того его вызвал к себе митрополит Иаков и сказал:

— Что это за видения, Ангелос, в твоём поместье, о которых столько разговоров? Смотри, чтобы наша вера не сделалась посмешищем, ибо сатана часто является в образе ангела света.

Подобного рода вопросы ему задавал и заместитель начальника жандармерии Патрикакис. Я обещала мужу хранить молчание и рассказала обо всём только священнику нашего села на исповеди. Но в душе я почувствовала некое облегчение... Сей сон хоть в какой-то мере рассеял непроницаемую тьму, окутывавшую долгие годы гору Карея.

На следующий день утром к нам снова пришла Мария Цолаки и сообщила о сновидении,

которое ей было в эту ночь. Ей явилась одетая в чёрное Жена и сказала:

— Тебе не стоило так пугаться, Мария. Монах, которого ты видела, не был призраком. Он жил в нашем монастыре и был убит турками. Однажды он откроет своё имя и расскажет о себе. Там, наверху, была обитель, посвящённая Мне и святой мученице Параскеве. Я хочу, чтобы в этом месте горела неугасимая лампада. Там сокрыта Моя икона и другие церковные реликвии.

Этот сон был ещё одним лучиком света, пробившимся через завесу тайны, покрывавшую Карейский холм.

В начале августа 1959 года Мария Цолаки снова увидела во сне ту же одетую в чёрное Жену. Божия Матерь — а это была, по всей видимости, именно Она — поручила Марии сказать Ангелосу, чтобы он отстранил строителей церкви, в том числе и её мужа, от работы, потому что они с утра до вечера сквернословят, и заменил их другими рабочими.

— О чём ты говоришь, Мария? — сказал опечаленный Ангелос. — Как я им объясню причину увольнения? Расскажу о твоём сне? Подумай, какие неприятности тебя ждут от мужа.

— Но что же делать, господин Ангелос? Ведь они же непрерывно сквернословят.

— Я им лично посоветую прекратить сквернословие, а про твой сон ничего не буду говорить.

Так он и сделал. И рабочие послушались. К концу августа строительство церковки было завершено. Был сделан даже иконостас. Служение первой литургии назначили на 8 сентября — день празднования Рождества Пресвятой Богородицы.

ПРИБЫТИЕ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ МАЛОЙ АЗИИ НА ОСТРОВ ЛЕСБОС. КАК ОЛИВКОВАЯ РОЩА ХАСАНА-ЭФЕНДИ СТАЛА ВЛАДЕНИЕМ НАШЕЙ СЕМЬИ

Сентябрь 1922 года.

Сентябрь — трагический для малоазийских греков месяц. Чудом спасшиеся от турецкого ятагана люди переместились на остров Лесбос, как встревоженная птичья стая. На лице каждого из беженцев лежала печать страха и отчаяния.

Наша семья была из числа тех, кто больше других пострадал от турков. Турки захватили в плен моего отца. Ещё двадцать восемь наших родственников они зарезали в овраге возле Агизмат. Мосхониси¹ — остров мучеников — подвергся полному опустошению.

Моя мама вместе со своей четырнадцатилетней племянницей чудом избежали смерти, спасшись в последний момент на рыбацкой лодке, которая подобрала их в каком-то укромном месте на бере-

1. Мосхониси — островок в Эгейском море, находящийся неподалеку от Лесбоса и принадлежащий ныне Турции. — Прим. перев.

гу. Высадились они на пристани Памфил², а уже оттуда прибыли в Ферми. Столь же чудесным образом спасся и брат моего отца Константин Марангос. Селение Ферми заполнилось беженцами. В заброшенном особняке Арифа-эфенди разместились семь семей, в том числе и наша.

Местные жители не преминули сообщить беженцам, что они поселились в «доме с привидениями». А одна из наших соседок, Василики Караконстанди, поведала моей матери о том, что случилось с ней лично.

«Мой муж, — сказала она, — был сторожем во владениях Хасана и Арифа. Так как мы были бедны и многодетны, турок, чтобы как-то облегчить нашу жизнь, позволил нам поселиться в этом доме. Мы, конечно, слышали о том, что в нем живут привидения, но ни в каких призраков не верили. Однажды в субботу вечером, накануне праздника Входа Господня в Иерусалим, муж где-то сильно задержался. Я сидела у камина и вязала. Дети спали на кровати, один подле другого. Вдруг в коридоре послышались шаги, и я, думая, что это вернулся муж, выкрикнула: «Ну наконец-то, Игнатий! Сколько же сейчас времени?»

Ответа не последовало. Внезапно бесшумно отворилась дверь, и вместо Игнатия передо мной предстал высокий священник с кадилом в руке. От испуга я выронила из рук спицы и, потеряв дар

2. Памфилы — селение на острове Лесбос, расположенное на полпути между столицей острова Митилини и селением Ферми. — Прим. перев.

речи, молча смотрела на него. Он же, ни слова не говоря, совершил троекратное каждение. Сначала покадил мраморную плиту перед камином, потом моих детей, каждого по отдельности, а затем меня. И так же бесшумно, как появился, вышел из комнаты. Я продолжала сидеть, оцепенев от страха. Совершенно отчетливо до меня доносилось позвякивание колокольчиков кадильницы. Он, как можно было догадаться, ходил по всему дому и кадил. А в какое-то мгновение мне почудилось, что я слышу негромкое сладкозвучное пение: «Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя...»³ Потом в доме опять воцарилась тишина.

Когда через некоторое время пришёл мой муж, он нашёл меня сидящей всё так же без движения, застывшей на месте от ужаса и бледной как полотно. Со слезами на глазах я рассказала ему обо всём, что видела, и стала умолять, чтобы мы немедленно покинули этот дом. И уже на следующее утро мы собрали свои вещи и вернулись назад в нашу бедную лачугу.

Но в ту ночь мне приснился поразительный сон. Мне явилась Пресвятая Богородица. Пречистая была одета как монахиня. И вот что Она сказала: «Василики, священник, которого ты видела, не призрак. Это Святой... Если бы вы остались в доме, сей Угодник Божий сделал бы вам много добра. Но за твоё неверие вы всего лишились».

3. Тропарь праздника Входа Господня во Иерусалим. — Прим. перев.

«Так что, Ангелики, — добавила в заключение своего рассказа женщина, — если и вы увидите здесь священника, не пугайтесь. Это — Святой».

Моя мать перекрестилась и подумала про себя, что хорошо бы ничего подобного не увидеть, потому что ей было бы очень страшно. И тем не менее два раза в коридоре дома она сподобилась воочию лицезреть священника с кадилом в руке. Каждый раз мама вскрикивала от страха, и незнакомец исчезал.

А вот жившая вместе с нами старушка по имени Мария Карвуньяри видела его куда более часто. По её словам, она уже к нему привыкла и больше не боялась. Однажды ночью, когда она выходила из своей комнаты и он внезапно предстал перед ней, наша соседка даже осмелилась проговорить шёпотом: «Снова ты меня напугал, мил человек!..» Ни слова не говоря, священник покадил её и исчез.

В один из дней мама заявила жильцам дома:

— Вот что я думаю. Наверное, турки убили какого-то иерея и закопали его здесь. Давайте пригласим батюшку, чтобы он совершил заупокойное богослужение.

Все согласились с этим предложением, и пришедший на следующий день отец Григорий Саррис отслужил в доме литию.

В ту же ночь мама увидела во сне высокого священника, который стоял, прислонившись к двери комнаты соседей, живших прямо напро-

тив нас. С грустной улыбкой он посмотрел на мать и сказал:

— Ты права, Ангелики. Меня действительно убили турки. Но не закопали в этом особняке. Придёт час, и ты узнаешь, кто я такой, как сложилась моя судьба и где находится моя могила.

Мама проснулась крайне взволнованная и утром рассказала про свой сон нашим соседкам. Все высказали предположение, что священник похоронен где-то во дворе дома, скорее всего, в просторном саду, который примыкал к зданию с задней стороны.

В этом доме я родилась холодной январской ночью 1923 года и жила в нём около одиннадцати лет. Помню, часто отчётливо слышала звон кадильных бубенцов... Каждый раз, когда я с удивлением спрашивала маму: «Кто это у нас кадит?» — она всегда осеняла меня крестным знаменем и говорила: «Это батюшка, детка. Не бойся».

Со временем особняк обветшал и сам собой разрушился. На его месте построил себе дом один из наших соседей Константин Сахос. При этом он использовал камни и куски мрамора, оставшиеся от старого здания. Но и в новом доме продолжали происходить загадочные явления, появлялся всё тот же «призрак», пока, наконец, и сие строение не постигла участь прежнего — дом был оставлен жильцами, а по прошествии ряда лет рухнул.

В конце 1923 года, согласно Лозаннскому договору, состоялся обмен населением между Грецией и Турцией. Турки переселялись в Малую

Азию и вступали во владение собственностью бежавших оттуда греков. Тем же в качестве компенсации должны были быть розданы принадлежавшие туркам оливковые рощи, которые поступили в распоряжение Национального Банка Эллады.

Когда об этом стало известно, Василики Кароконстанди, подружившаяся к тому времени с моей мамой, сказала ей:

— Ангелики, на Карейском холме было поместье Хасана-эфенди — одно из лучших в Ферми. Там находится церковь Пресвятой Богородицы и совершаются великие чудеса. Давай вместе сходим туда. Ты помолишься и попросишь Пречистую, чтобы тебе дали участок поблизости, а не отправили куда-нибудь далеко, в худшее место.

— Церковь Пресвятой Богородицы в турецком поместье?! — удивилась мама. — Как же турок мирился с её существованием?

— О, это отдельный рассказ... Хозяин поместья был свидетелем чудес, происходивших в церкви. Собственными глазами он видел озарявший её свет, иной раз слышал доносившийся оттуда колокольный звон, а иной раз пение... И таинственный священник, который посещает ваш дом, является также и в этой церкви. Многие видели его воочию... В том числе и Хасан-эфенди вместе со своим двоюродным братом Арифом. Поэтому они и позволяли нам раз в год, во вторник Светлой седмицы, служить

в храме литургию. Раньше в этот день устраивалось большое народное гулянье, трапеза, в которой участвовали и турки. Но однажды, прямо во время праздничного застолья, убили одного турка. И с тех пор нам давалось разрешение только на служение литургии.

Рассказ Василики изумил и взволновал маму. И в тот же день, после полудня, они вместе поднялись на холм Карея.

С того места, где находилась церковь, перед ними открылся вид на далёкие, но отчетливо различимые горы нашей Родины, и мама расплакалась. Рыдая, она опустилась на колени среди руин храма, прижала к груди маленькую иконку Пречистой, стоявшую на каменной плите, которая служила престолом, и стала молиться — с верой и сердечной болью.

— Пресвятая Богородице! — говорила она. — Ты знаешь, какое меня постигло горе. Турки вырезали всю мою семью. Я потеряла мужа, всё своё имущество, родственников, Отечество... Осталась бедной вдовой с младенцем-сироткой на руках. Ты — Мать всех страждущих. Сжался надо мной... Помоги... Сделай так, чтобы мне дали клочок земли здесь, рядом с Тобой, чтобы я смогла прокормить и вырастить своего ребёнка. И я обещаю, что, когда мы выкарабкаемся из нужды, я построю Тебе церковь!..

Долго она так молилась. Потом вернулась назад в село с чувством облегчения на сердце. В ту же ночь ей приснился сон.

Перед ней стояла одетая в чёрное Жена. Лик Её был необычайно ласков и приветлив. В руке Она держала испещрённый буквами лист бумаги. Мама с удивлением глядела на Незнакомку, а Та подала ей бумагу и сказала:

— Возьми, Ангелики. Это документ на владение земельным участком. Есть воля Божия на то, чтобы сия земля перешла к тебе — перенесшей столько страданий, но сохранившей неколебимую веру. Смотри, не забудь об обете, который ты дала, — построить Мне церковь.

Тогда мама поняла, что перед ней Пречистая, и упала Ей в ноги. И в тот же миг проснулась.

Она встала с постели, преклонила колена и вознесла к Небу горячую молитву. Не смыкала глаз до утра. А на следующий день рассказала о сновидении своей племяннице, брату моего отца и нашим соседям. То, что ей привиделось, все объяснили её горячим желанием получить где-нибудь поблизости земельный участок. Сон, однако, сбылся. Когда через несколько лет Национальный банк распределил между беженцами принадлежавшие туркам оливковые плантации, земля Хасана-эфенди, на которой располагалась церковь Пресвятой Богородицы, отошла моей матери — Ангелики Марангу, а непосредственно примыкавший к этой земле участок — брату моего отца, Константину Марангу. Последний умер бездетным и завещал его мне. Так что почти все владения Хасана-эфенди оказались собственностью нашей семьи.

СВЯЩЕННАЯ МИССИЯ

Прошли годы... Я выросла и вышла замуж за Ангелоса Раллиса — благочестивого христианина из села Петра, где находится прославившаяся чудесами, построенная на высокой скале церковь Пресвятой Богородицы. Обет, который дала мама, ещё не был выполнен.

Ангелос Раллис сделался спутником моей жизни и стал, по Промыслу Божию, у истоков дела обретения мощей. О его избранничестве свидетельствуют два сна, заслуживающие того, чтобы рассказать о них подробно. Первый приснился моей маме, ещё до моей помолвки, а второй — иеромонаху Феологу Сакалису, священнику храма Рождества Богородицы в селе Панагуда острова Лесбос.

Сон Ангелики Марангу

В 1947 году в праздник Рождества Христова, на рассвете, мама увидела во сне святую мученицу Параскеву. Святая повела её в Петру — в Богородичный храм, который вдруг превратился

в Вифлеемскую пещеру. В ней была Пресвятая Дева Мария с Богомладенцем Христом на руках. В великом трепете мама упала Ей в ноги и стала просить устроить мою личную жизнь. Тогда Матерь Божия сказала ей, что, по воле Господа и Её, спутником моей жизни должен стать Ангелос Раллис, который избран для выполнения некоей священной миссии. Какой именно — Пречистая не уточнила. Мама пробудилась от этого сна чрезвычайно взволнованная. С Ангелосом Раллисом она в то время ещё не была знакома.

Сон иеромонаха Феолога Сакалиса

После кончины моего супруга отец Феолог видел во сне святого Рафаила, который сказал ему дословно следующее:

— Феолог, Ангелос был «исполнением времен». Он был тем человеком, которого ожидал Господь, чтобы открыть через него наши гробницы.

Вот о какой «священной миссии» возвестила некогда Пречистая моей матери. Ведь кто знает, нашёлся ли бы другой человек, который бы со столь пламенной верой и самоотверженностью посвятил себя служению этому делу, с такой великой и святой ревностью относился бы к нему, несмотря на всевозможные трудности и препятствия, насмешки и кривотолки — плоды царившей тогда общей атмосферы неверия.

НАЧАЛО ОТКРОВЕНИЙ

Июнь 1959 года.

Прошло несколько лет со дня кончины моего дяди Константина Марангоса. И вдруг он начал являться во сне моей матери и напоминать ей о её обете. Дядя снился и мне, а также нашему односельчанину Константину Сидерасу. И обоим нам говорил об обете, который дала мама. Явившись ей в третий раз, он очень строго сказал:

— Ангелики, пришло время выполнить свой обет — построить церковь Пречистой. Начинайте без промедления.

Мама проснулась испуганная — настолько суров был тон дяди. Наутро она рассказала нам о своем сне.

Ангелос принял её слова близко к сердцу. Мысль о строительстве храма в память о моём отце и дяде обрадовала и воодушевила его. В тот же день, не теряя времени, он отправился в Митилини¹ и получил благословение местного архиерея — митрополита Иакова (Клеомвроту).

1. Столица Лесбоса и центр митрополии. — Прим. перев.

Нерешённой оставалась только проблема с водой. Источник, вода которого некогда бежала по проложенной поблизости от того места глиняной трубе, давно пересох. Необходимую для строительства воду рабочие должны были бы носить из села или брать из другого ближайшего колодца.

Каково же было наше удивление, когда однажды утром к нам домой пришёл наш управляющий Дука Цолакис и сообщил, что вода, пропавшая много лет назад, опять потекла.

— В своём ли ты уме, Дука? — воскликнул Ангелос. — Летом вообще всё пересыхает. А тут давно иссякший родник вдруг снова ожил!

— Поднимитесь на Карею, господин Ангелос, — ответил Дука, — и сами увидите.

Ангелос немедленно отправился на место. Увидев обильно текущую воду, он осенил себя крестным знамением и произнёс:

— Велико и славно имя Твое, Пресвятая Богородица, сотворившая в помощь нам такое чудо!

На следующую ночь муж видел сон: он якобы находится в церкви нашего села, и идёт литургия. Его, как церковного старосту, просят открыть западные двери храма, чтобы вошли почётные гости. Ангелос открывает двери и выходит навстречу гостям. Один из них — тот, что в центре, — высокий, крепкого телосложения, с большими выразительными глазами и чёрными густыми бровями. Выглядит он очень величественно, второй — шатен, маленького роста.

Третий — высокий, смуглый и худощавый. Все трое духовного звания. Ангелос смотрел на них с удивлением. Стоявший посередине протянул ему руку, и когда муж, склонившись, облобызал её, сам наклонился и поцеловал его в лоб. Муж поднял голову. Серо-голубые, как он заметил, глаза незнакомца смотрели на него с любовью и радостью, словно на близкого друга. Потом гость торжественно проследовал в храм и занял архиерейское место. Двое других встали по бокам от него... В это мгновение Ангелос проснулся. Наутро он рассказал нам о своём сне, недоумевая, кто же мог быть тот клирик, который поцеловал его в лоб и посмотрел на него с такой любовью.

Он пошёл в церковь и стал внимательно рассматривать находившиеся там иконы — думая найти сходство таинственного посетителя с кем-то из святых. Но никто не был на него похож.

— Как он на меня посмотрел! — снова и снова вспоминал Ангелос. — Мы как будто были с ним давно знакомы... Я теперь постоянно думаю о нём и очень хочу ещё раз его увидеть.

ПЕРВОЕ ЧУДО

8 сентября 1959 года на рассвете одной моей односельчанке по имени Мирсини Дургунa приснился сон.

Будто бы звонили колокола нашей сельской церкви и народ восклицал: «Христос воскрес!» Мирсини с удивлением спросила какую-то из своих соседок, почему звучит «Христос воскрес», ведь сейчас не Пасха. И та ответила:

— Посмотри-ка на небо...

Подняв голову, Мирсини увидела на небе Пресвятую Богородицу, окружённую золотым облаком, и услышала, как Она сказала:

— Завтра Я праздную в новом доме, который Мне построили. Приходите все помолиться...

Первая литургия во вновь отстроенной на Карейском холме церкви стала настоящим торжеством. Из Ферми пришло множество людей. Они принесли с собой продукты, желая провести на горе весь день. Ангелос даже пригласил оркестр, чтобы была праздничная атмосфера.

Пришёл и Дука Цолакис вместе со своим семейством. Они расположились в тени маслины,

за церковью. Мы же сидели на площадке перед входом вместе с членами приходского совета, врачом Евангелосом Кунеллисом и полицейским Ферми, критянином Манолисом Цангаракисом.

Дука Цолакис, желая развлечься, взял из алтаря церкви ящичек с останками неизвестного христианина, подошёл к женщинам, сидевшим неподалёку, и стал им показывать кости, вынимая одну за другой и сопровождая свои действия смехом и шутками — и этим рассмешил и женщин. Никто из нас этого не заметил. Внезапно Дуке показалось, что со стороны Лангади¹ его зовёт по имени мужской голос. Он быстро вернул ящик с косточками в алтарь и побежал в лощину.

Он так долго не возвращался, что жена стала его повсюду искать. Никто не знал, где он. Наконец один мальчик из Айясосу², гостивший в Ферми у своей тёти Евангелии Кофу, прибежал к нам и сообщил, что нашёл Дуку лежащим под деревом, обливающимся слезами, восклицавшим «согрешил я, согрешил...» и стонущим, словно от побоев. Мы растерялись... Побежали все туда, куда указал мальчик, и увидели Дуку в жалком состоянии. Он лежал на спине с неестественно вывернутыми, полупарализованными руками и ногами, с закрытыми глазами, судорожно рыдал и просил прощения у какого-то

1. Лангади — участок земли по соседству с владением моей матери. Этот участок принадлежал моему дяде, который после смерти завещал его мне.— Прим. авт.

2. Село, расположенное к юго-западу от Ферми. — Прим. перев.

монаха, которого никто из нас не видел. Сначала мы подумали, что он пьян. Но врач, который был с нами, осмотрел его и отверг это предположение:

— С медицинской точки зрения происшедшее с этим человеком необъяснимо.

Тогда к Дуке подошел полицейский Манолис Цангаракис и, склонившись над ним, стал задавать ему разные вопросы. Дука отвечал разумно, только с закрытыми глазами и не переставая рыдать.

— Я не пьян, господин полицейский, — говорил он, — а наказан за своё безбожие. Но сейчас я уже верю в Бога.

— Но что же всё-таки, братец, с тобой случилось?

— Я насмеялся над костями, которые находились в ковчеге. А в какой-то момент, когда собирался потанцевать, вдруг перестал слышать игравшую музыку. Я слышал только громкий мужской голос, звавший меня из ложины: «Дука! Дука!» У меня там был привязан осёл. Я подумал, что он, быть может, отвязался и начал объедать деревья, и поэтому быстро побежал на зов. Но, прибежав сюда, я почувствовал толчок, как бы сильный порыв ветра, и в тот же миг увидел высокого монаха. Он гневно сказал мне: «Безбожник, сколько ты здесь уже работаешь и всё не прекращаешь глумиться над верой. А сегодня с утра и костям моим покою не даёшь...» Я упал на землю и почувствовал, что тело моё

сковывает паралич... Монах же «колол» мои руки ножичком, которым священник режет просфоры.

— Колол? Почему?

— Потому что я издевался над его костями. Я плакал и просил прощения. Но никто не слышал меня и не приходил на помощь. И вдруг, на моё счастье, явились две женщины — Одна в чёрном, а вторая в одежде цвета морской волны. Одета в чёрное сказала монаху: «Хватит... Возвращайся к себе...» Монах тотчас ушёл... Остались только эти две женщины...

— Кто они такие? — спросил полицейский.

— Та, что в чёрном одеянии, сказала мне, что Она — Пресвятая Богородица, а Её спутница — святая мученица Параскева!.. Пречистая обещала, что я выздоровею, если перестану кощунствовать и хулить святыни. Она велела попроситься, чтобы причаститься. Пятнадцать дней я должен носить чёрную рубашку, а ещё приходиться на Карейскую гору и возжигать Пречистой лампаду.

Слова Дуки привели нас всех в изумление. Кто-то из членов приходского совета сказал:

— Может быть, он при смерти и поэтому видит духов? Его немедленно нужно отнести в село.

— Да, немедленно, — согласился Ангелос. — Жалко, если он умрёт в таком состоянии.

Хотя разговаривали тихо, Дука услышал:

— Не забирайте меня в село... оставьте меня здесь, наверху, одного — так сказала Пречис-

тая — и я узнаю тайну, сокрытую в этом месте...
Вы меня не поднимете...

Но его никто не слушал. Слова Дуки казались нам лишёнными смысла. Все боялись лишь одного — как бы он внезапно не скончался. Его жена плакала и просила Ангелоса о помощи.

На время мы положили Дуку в церкви на полу. Из села доставили приставную лестницу. Из неё сделали носилки и погрузили на них страдальца. Несли его восемь человек. Они истёрли в кровь свои плечи, прежде чем добрались до дома Дуки. Он действительно стал неподъёмным!..

Тут же пришёл наш сельский батюшка и его исповедовал.

Около трёх дней Дука находился в том же состоянии. На третью ночь в Карейской церкви совершилось всенощное бдение. Дуку привезли в храм на осле. После службы больной пришёл в себя, но поправился лишь частично. Полное выздоровление наступило через пятнадцать дней. Он попостился, причастился, надел чёрную рубашку и каждый день ходил в церквушку зажигать лампы. Когда, возвращаясь в село, он появлялся на рыночной площади, его друзья смеялись над ним:

— Не позорься, Дука! Что за вздор ты несёшь!

Он же им отвечал:

— Молчите, ребята! То, во что я не верил, я увидел своими глазами, пощупал собственными

руками. Есть Бог. Есть святые. И пусть меня будут распинать, как Христа, — я не откажусь от этих слов, я это исповедую...

Многие люди, не видевшие собственными глазами того, что произошло с Дукой, конечно, сомневались, полагая, что он просто напился и всё придумал.

ПЕРВОЕ ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ

Октябрь 1959 года.

Одна старушка, жительница Ферми, Параскева Дургуна была тяжело больна. Её дочери, Мирсини, Мария и Евангелия, очень переживали, потому что врач сказал, что никакой надежды на выздоровление нет. Они уповали только на Бога и с верой молились об исцелении матери. Побывали женщины и в новоотстроенной церкви на Карейской горе, где вознесли ко Господу горячие молитвы. Когда они вернулись домой, то обнаружили, что матери стало лучше — лихорадки не было. Она радостно рассказала дочерям о сне, который видела в их отсутствие.

В комнату к ней вошёл высокий монах. Он перекрестил её и сказал:

— Ты поправишься, Параскева. Скажи своим дочкам, пусть они помогут тебе подняться на гору Карея, чтобы ты приложилась там к мощам, найденным в церкви.

— Кто ты, отче? — спросила старушка.

— Святой, — ответил он. — Это мои мощи обретенны. Я сотворю много чудес.

Тут Параскева открыла глаза. Она говорит, что и заснуть-то толком не успела, когда ей было это видение...

Пробудившись, женщина почувствовала в теле необычайную лёгкость и поняла, что исцелилась от мучительного недуга. Рассказ матери потряс дочерей. На следующий день с помощью своей соседки Марии Сарандину они привели её в Карейскую церковь. Параскева преклонила колена перед ковчегом с останками неизвестного до той поры святого, приложились к ним и с верой помолилась угоднику Божию.

Весть о чуде исцеления тяжелобольной Параскевы Дургуна, которую врачи считали безнадежной, быстро облетела всё село.

ВТОРОЕ ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ

Чудесное выздоровление Параскевы Дургуна очень взволновало меня. Во мне затеплилась надежда и на моё собственное исцеление. Уже долгое время я страдала от болей в желудке. Какие только лекарства я ни принимала — всё безрезультатно. Состояние моё не улучшалось, а наоборот, мне становилось всё хуже и хуже. Врач настойчиво советовал сделать рентген, но я откладывала это, боясь, что выявится нечто весьма серьёзное... Наконец решение было принято — завтра мне должны сделать рентгеновский снимок. С трепетом и верой я отправилась в церковь на Карейскую гору. Со мной была и Мария Цолаки. Став на колени перед ящичком с мощами таинственного святого, обливаясь слезами, я говорила: «Дорогой мой святой, я верю в тебя и прошу: как ты исцелил Параскеву Дургуна, так и надо мной соверши чудо... Ходатайствуй пред Богом о моём выздоровлении. Сжался над моими маленькими детьми, да не останутся они сиротами, лишившись так рано матери». Долго я так молилась — с верой,

от всего сердца — и вернулась в село, когда уже стало смеркаться.

Обеспокоенная моим долгим отсутствием мама, увидев свою дочь чрезвычайно бледной и измождённой, ещё и отругала меня. Я расплакалась и легла спать без ужина. А ночью я увидела сон, исполнивший меня невыразимой радостью.

Мне приснился высокий, аскетической внешности инок. Он вошёл в мою комнату, медленно приблизился к моей кровати, остановился на какое-то мгновение, устремив на меня кроткий и печальный взор, потом положил мне руку на плечо, словно желая разбудить, и сказал:

— Не плачь, Василики. Меня за Христа убили, а тебя за меня пусть поругают... Но я докажу им, что они не правы... Что у тебя болит, дитя моё?

— Желудок, отче, — ответила я. — Я очень страдаю.

Он протянул руку и трижды перекрестил мне живот со словами:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— Кто ты, отче? — спросила я его.

— Ты стояла на коленях и плакала перед моими мощами... Сейчас ты здорова. Дерзай, не бойся. Я буду предстательствовать за тебя пред Богом.

Я проснулась вне себя от радости и, встав с постели, начала молиться. В моей памяти навсегда запечатлелся смиренный облик монаха,

его кроткий взор и добрая улыбка. Сказанные им слова утешили меня. Я ведь совсем было пала духом и потеряла надежду.

Разбудив мужа, я рассказала ему о своём сне. Наутро поведала о нём и маме. Конечно, они не остались равнодушными к моему рассказу, но всё равно настаивали, чтобы я сделала рентген. Я же категорически отказалась! На этот раз не из-за боязни, а по вере в святого, который перекрестил меня и сказал, что я здорова. А кроме того, я уже не ощущала никакой тяжести в области желудка и боли меня не беспокоили. В тот же день, вместо того чтобы ехать в Митилини делать снимок, я поспешила в Карейскую церковь — поблагодарить таинственного угодника Божия, своего благодетеля. Я приложилась к его мощам, поливая их слезами благодарности, и стала просить святого открыть мне своё имя.

— Кто ты, угодниче Божий? — снова и снова повторяла я, обращаясь к нему как к живому человеку, стоящему передо мной и слушающему меня. — Скажи своё имя, чтобы нам прославить тебя.

В этот момент из ящичка с костями послышались три негромких стука — как будто кости пошевелились... Но я не испугалась, а даже обрадовалась и умилилась. Мне подумалось, что этим стуком святой являет своё присутствие. На следующую ночь я снова увидела его во сне. Та же аскетическая внешность, та же кроткая,

сдержанная улыбка. Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Василики, я — преподобномученик Рафаил... Турки долго мучили меня, а потом зарезали. Вы обрели мои кости. Я сотворю много чудес.

Я проснулась в большом волнении. Было три часа по полуночи. Сразу же записав имя — Рафаил, чтобы не забыть, я разбудила Ангелоса и всё ему рассказала.

— Наконец-то новоявленный святой открыл нам своё имя, — сказал он. — Только прошу тебя, Василики, никому больше об этом пока не говори, чтобы не дать маловерным повода для насмешек. Если его действительно зовут Рафаил, он откроет это и другим людям.

Утром вдруг отворилась дверь. На пороге стояла Мария Цолаки. Она поздоровалась с нами, как-то странно посмотрела — словно желая нам что-то сказать и не решаясь.

— Как дела, Мария? — спросил, улыбаясь, Ангелос. — Почему у тебя такой взволнованный вид? Ты опять увидела того монаха и испугалась?

— Монаха я не видела, господин Ангелос, но мне приснилась одетая в чёрное Жена. Она сказала, что его звали Рафаил...

Мы с мужем были поражены и только молча обменялись взглядами.

— Почему вы так переглянулись? Вы мне не верите? Проснувшись, я сразу записала это имя, чтобы не забыть.

— Какое же это было видение, Мария? — снова поинтересовался Ангелос.

— Расскажу всё по порядку.

Вчера днём я взошла на Карею вместе с сыном Панайотом. Прежде чем зайти в церковь, мы остановились у источника, чтобы набрать воды. Вдруг сын говорит мне, что там, под маслиной, сидит Старица и машет ему рукой, подзывая к себе. Я не вижу никого. Панайот побежал к церкви. Я поспешила за ним. Он, радостный, зашёл в храм, а там застыл в недоумении.

— Старица, — сказал он мне, — вышла через окно и исчезла.

Я, естественно, ему не поверила, решила, что он смеётся надо мной, и отчитала его. Но ночью я увидела во сне одетую в чёрное пожилую Женщину, Которая сказал мне:

— Мальчик говорил правду. Это Я звала его. И если бы ты не поднималась за ним, Я дала бы ему в руки Мой образ. Его спрятал здесь иеромонах Рафаил, который жил в Моём монастыре и был убит турками. Пойдите в Пирги¹ и скажите отцу Пахомию, чтобы он пришёл и отслужил литургию в Моей церкви, помянув иеромонаха Рафаила, мощи которого покоятся в ковчеге.

Невозможно описать словами охватившее нас в этот момент волнение. Мы прославили Бога, Который открыл имя неизвестного до той поры святого в одну и ту же ночь двум людям, чтобы не

1. Пирги — ближайшее к Ферми село, где приходским священником служил иеромонах Пахомий Суюлдзис. — Прим. авт.

было сомнения в том, что его звали Рафаил. Я рассказала Марии про свой сон, и мы решили, не предавая случившегося широкой огласке, тайно известить обо всем отца Пахомия. Сделать это взялась одна наша благочестивая односельчанка — Виргиния Адам, хорошо знавшая священника.

В тот же день она отправилась в Пирги, и застала отца Пахомия за служением вечерни в церкви Трульской Божией Матери². Женщина рассказала ему о наших сновидениях. Было решено, что он отслужит литургию через два дня.

А на следующий день мы узнали о примечательном разговоре, который завёл наш односельчанин Костас Цаликис с гимназистом Василием Хаджиантониу в булочной своего шурина Георгия Вецоса.

— Объясни-ка мне, дружок, как человек учёный, — обратился он к мальчику, — что такое со мной произошло. Пришёл я помолиться в Карейскую церковь. Принёс икону Святых Архангелов, которую по обету собирался туда пожертвовать. Вдруг слышу — из ящичка с косточками, которые недавно нашли, раздаётся негромкий стук. «Может, это мне показалось?» — подумал я. А потом преклонил колени и приложился к ящичку, говоря: «Кто же

2. Храм Трульской Божией Матери — самый старинный храм Лесбоса. Это маленькая церковь, сооружённая в византийском стиле, с характерным куполом (от греч. «τρούλλος» — «купол» или «свод», — прим. перев.). По преданию, она была построена императрицей Ириной в то время, когда та находилась в ссылке на Лесбосе. — Прим. авт.

ты такой? Как тебя звали?» Вернулся в село, а этот вопрос всё не выходит у меня из головы. Вечером, когда я лёг в постель, но ещё не успел как следует уснуть, мне послышался громкий мужской голос — он раздавался словно откуда-то издалека: «Костас!.. Костас!.. Моё имя — Рафаил!.. Рафаил!..» Я открыл глаза и сел. Спросил жену: слышала ли она что-нибудь? Она ничего не слыхала — подняла меня на смех. Что же это со мной такое было, детка? Кто меня позвал по имени и сказал, что его зовут Рафаил?

— Наверное, дядя Костас, это был Архистратиг Божий, — сказал мальчик. — Он хотел тебя поблагодарить за то, что ты отнёс в церковь его икону. Может быть, он назвался Михаилом, а тебе послышалось «Рафаил»?

Костас согласился с таким объяснением. Но сомнения всё же не покидали его, ведь он очень хорошо запомнил, что было сказано именно «Рафаил». И только тогда разрешилось его недоумение, когда по селу разнеслась весть, что новоявленного святого зовут Рафаилом.

Костас Цаликис — человек простой и благочестивый. Выросший к тому же в семье беженцев и потеряв отца, зарезанного турками, он возымел пламенную веру и от всего сердца любил нового святого, пострадавшего от турок. Поэтому и удостоился стать свидетелем-очевидцем многих чудесных событий, которые произошли на святой горе Карей, — слышал даже

голос преподобномученика Рафаила, открывшего ему своё имя.

Итак, три человека в одну и ту же ночь сподобились этого откровения. Четвёртым стал отец Пахомий.

Как он сам нам рассказывал после литургии, отслуженной в Карейской церкви, в тот день на рассвете ему приснился святой Рафаил. Точнее, это был, по его словам, даже не сон, а нечто среднее между сном и бодрствованием, потому что, хотя глаза его были закрыты, он слышал шаги людей, проходивших мимо его кельи. Сначала святой предстал ему в образе священника из Ферми, но сразу же изменил обличие и, сказав, что его зовут Рафаилом, добавил: «С Итаки³».

— Я закажу твою икону на Святой Афонской Горе, святой отче, — сказал отец Пахомий⁴.

— Пусть там напишут и службу мне, — ответил ему святой.

Пятым свидетелем явления святого Рафаила была племянница фермийского иерея, Мирсини Ликардопулу. Он трижды повторил своё имя, после чего сказал: «Верь в меня, Мирсини, и я всегда буду тебе помогать». На следующий день Мирсини, находясь под большим впечатлением ото сна, всё рассказала отцу Евфимию, сомневавшемуся в чудесах, происходивших с нами.

3. Итака — остров в составе Ионических островов у западного побережья материковой Греции.— Прим. перев.

4. Отец Пахомий, ещё будучи совсем юным, принял монашеский постриг и был рукоположен в одном из Афонских монастырей. — Прим. авт.

«ИЗМУЧЕННЫЕ БЕЖЕНЦЫ...»

Сёстры Мирсини, Мария и Евангелия Дургунa были из семьи беженцев (из местечка Эвали в Малой Азии) и тоже пострадали от турок. Благочестивейшие женщины с горячей верой и искренним сочувствием отнеслись к событиям на святой горе Карая. И удостоились многих знаменательных снов и откровений.

Вот в подробностях три первых из них.

Ноябрь 1959 года. Первый сон Марии Дургунa

Марии Дургунa приснился высокий священник, который сказал ей:

— Я — святой Рафаил, родом с Итаки. Прибыл сюда в 1454 году. Отца моего звали Дионисием, а мать — Марией. Она была очень благочестивой христианкой.

Второй сон Марии Дургунa

Ей приснилось, что она находится в новой Карейской церкви. Рядом с собой женщина вдруг

увидела белокурую, милую, словно ангел, девочку с веткой цветущего миндаля в руке. Преклонив колени перед мощами святого Рафаила, девочка стала украшать ковчег цветами.

— Кто ты, дорогая? — спросила Мария.

— Я тоже здесь живу, — ответила незнакомка.

Сон Мирсини Дургунa

Приблизительно в то же время её сестра Мирсини видела такой сон.

К ней в дом вошла одетая в чёрное Жена.

— Мирсини, — сказала Она, — срежь у себя в саду несколько цветков и пойдём со Мной.

— Кто Ты? — спросила Мирсини.

— Пресвятая Дева Мария.

Объятая трепетом, женщина хотела упасть Пречистой в ноги, но в тот же миг словно бы поднялась вместе с Ней на воздух и очутилась в церкви на горе Карея. Здесь она увидела высокого батюшку, облачённого в священнические ризы, как во время Божественной литургии. Она поклонилась ему и поцеловала руку, а он дал ей антидор. Потом стал тихо о чём-то разговаривать с Богородицей на незнакомом языке. После чего указал ей на стоявший слева на полу церкви гроб, в котором лежал покойник, обвёрнутый полосами ткани, как Четверодневный Лазарь, и сказал:

— Он тоже святой, как и я. Только останки его ещё под землей. Постарайтесь поднять их.

Ноябрь 1959 года.

Сны стали сниться и одному четырнадцатилетнему мальчику — Никосу Фикьясу. Утром 21 ноября 1959 года, на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, Никос поднялся на гору Карея, чтобы зажечь в церкви лампы и помолиться о здравии своего тяжелобольного отца, лежавшего в афинской «Благовещенской» больнице. Когда мальчик подошёл к дверям храма, ему показалось, что внутри кто-то тихо разговаривает. Думая, что это какие-то другие паломники, он хотел открыть дверь, но она не поддавалась. Тогда он подошёл к окну и заглянул в него, желая узнать, кто бы это мог запереться изнутри. Никос увидел высокого священника, стоявшего перед небольшим столиком (казалось, он служит водосвятный молебен), а рядом — двух Жен в чёрной и голубой одеждах и белокурую девочку в белом.

Мальчик на миг застыл от изумления, а потом, испугавшись, бросился бежать. Прибежав в нашу сельскую церковь, где только что закончилась литургия, он рассказал о случившемся священнику Евфимию Цолосу, протосингелу епархии¹ отцу Никодиму Анагносту и членам

1. Протосингел — должность в епархиальном управлении, соответствующая нашему секретарю епархии. Протосингел назначается из числа иеромонахов, имеющих высшее богословское образование. Он первым после епископа курирует церковные епархиальные вопросы и докладывает о них владыке. Согласно

приходского совета. Все они тут же отправились в Карейский храм и отслужили молебен Пресвятой Богородице.

Ночью Никосу предстали во сне Матерь Божия вместе с виденными им накануне священником и девочкой. Пречистая сказала ему:

— Тебе не следовало так пугаться, Никос. Приходи как-нибудь вечером один — и ты узнаешь тайну этого места. Пусть тебя не смущает, что никого не будет рядом... С тобой будем мы — Я, батюшка, девочка и брат Николай, который погребён слева в церковном дворе.

Но где там ребёнку набраться такой храбрости, чтобы отправиться туда вечером одному!

С другими же паломниками он часто поднимался на гору Карея и молился здесь об исцелении отца, а также одной своей тяжело болящей соседки — Елены Кайлари.

Как-то раз под вечер и я вместе с нашей односельчанкой Евангелией Кофу оказалась в Карейской церкви. На нас обеих произвело сильное впечатление благоговение четырнадцатилетнего мальчика, коленопреклоненно молившегося перед ковчегом с мощами святого Рафаила.

Помолившись, Никос вышел во двор храма и присел под деревом. Мы с Евангелией остались

постановлению (от 1923 г.) Святейшего Синода Элладской Православной Церкви, епархия, насчитывающая свыше 5 тысяч жителей, имеет право иметь должность протосингела, который в современной Греции приравнен к государственному служащему с соответствующей зарплатой.— Прим. перев.

в церкви. Испуганный детский крик заставил нас выбежать наружу. Мальчик стоял, бледный как полотно и, дрожа всем телом, смотрел куда-то вверх.

— Столп ослепительного света поднялся от земли к небу, — сказал он нам чуть слышно. — Сияет всё окружающее пространство...

Мы не видели ничего. И в изумлении лишь молча осеяли себя крестным знаменiem. Никос, как зачарованный, продолжал смотреть на небо. Он словно находился в каких-то иных мирах. Через несколько минут он обратил свой взор на нас и дрожащим от волнения голосом произнёс:

— Сияние исчезло. Я не могу идти, у меня ноги подкашиваются...

Его глаза были влажными от слёз, в них виделся страх. Мы подошли к нему и, взяв за руки, помогли спуститься в село и отвели к матери. Когда мальчик пришёл в себя после пережитого потрясения, он поведал нам, что этот свет сначала представился ему в виде светящегося человеческого силуэта, который двигался по направлению к нему, а потом огненным столпом поднялся к небу.

На следующую ночь Никос во сне увидел Пресвятую Богородицу.

— Я была тем светом, который ты видел, — сказала Пречистая. — Тебе нужно было не пугаться, а остаться на том месте, чтобы узнать сокрытую здесь тайну.

А ещё через какое-то время ему приснился святой Рафаил. Он внезапно возник из колодца, расположенного во дворе церкви², и сказал:

— Я — святой Рафаил с Итаки. Прибыл сюда в 1454 году (он снова повторил дату, которую впервые слышала от него Мария Дургуна). Турки зарезали меня, подвергнув перед этим жестоким мучениям.

В другом сне Мать Божия и святой Рафаил явились ему вдвоём. Они успокоили мальчика, сказав, чтобы он не переживал за своего отца — он будет здоров.

— Напиши ему, — сказала Пресвятая Богородица, — что трижды он будет на волосок от смерти, но мы спасём его. А твоя соседка Елена Кайлари умрёт — такова воля Божия. Но от боли она избавится³.

Отец Никоса, Панайот Фикьяс, действительно поправился. Вернувшись из Афин, он рассказал, что три раза его помещали в палату для умирающих, считая безнадежным, но он словно каким-то чудом остался в живых.

Исполненный чувства благодарности, он с тех пор часто поднимался на гору Карея и молился там в церкви.

2. На том месте, где Никос Фикьяс увидел колодец, по прошествии двух лет, 13 июня 1961 года, был обнаружен портик, в котором некогда совершалось освящение воды. — Прим. авт.

3. С того самого дня, когда Никосу Фикьясу был этот сон, боли у Елены Кайлари прошли. Она скончалась мирно, с улыбкой на устах. — Прим. авт.

Однажды под вечер во дворе храма он увидел белокурую девочку, сидящую под маслиной. «Наверное, — подумалось ему, — какая-то женщина молится сейчас в церкви, а ребёнок её остался на улице». Но, зайдя в храм и никого там не обнаружив, он подумал с раздражением: «Совсем что ли головы нет у этой матери — отпускать маленькую дочку одну в такое пустынное место!» — и тут же вышел назад, чтобы поговорить с девочкой и проводить её обратно в село. Но девочка уже не сидела под деревом... Окружённая сиянием, она поднималась на небо!.. Панайот, потеряв дар речи, смотрел на неё до тех пор, пока она не скрылась из виду.

Он так переволновался, что не помнил, как добрался домой. Ноги его были как ватные.

Стали видеть сны и другие наши односельчане — взрослые и дети, люди образованные и малограмотные, верующие и далёкие от веры. Одни открыто говорили о своих снах, иные общались о них только друзьям и близким, боясь, что над ними станут смеяться.

К некоторым из тех, кто ставил под сомнение подлинность имени Рафаил, приходил во сне святой Рафаил и подтверждал, что его зовут именно так. Так случилось и с племянницей священника села Ферми Мирсини Ликардопулу. Однажды утром она пришла взволнованная к своему дяде и сказала:

— Дядя, отныне я умолкаю... Мне приснился святой Рафаил. Он взял меня за руку выше локтя и несколько раз повторил: «Рафаил, Рафаил, Рафаил — моё имя. Верь в меня, и я всегда тебе буду помогать».

С той поры Мирсини Ликардопулу возымела к святому такую горячую веру, что удостоилась многих богооткровенных сновидений, связанных с обретением святых мощей.

Село Ферми стало похоже на растревоженный улей. Приснопамятный митрополит Иаков Клеомвроту проявлял крайнюю сдержанность и всё время призывал нас к осторожности в суждениях. А заместитель начальника жандармерии Патрикакис, считая всё групповым самовнушением, поручил полицейскому Ферми, Манолису Цангаракису, следить за «сновидцами» и регулярно докладывать ему о положении дел.

Находились, конечно, и злопыхатели, которые объявили происходившее мошенничеством. Они иронизировали, осуждали, клеветали, опровергали неопровержимые факты. Эгоизм и неверие этих людей сделали их духовно слепыми, они упрямо не желали видеть тот небесный свет, который наконец-то пролил Господь на землю, чтобы рассеять густой мрак тайны, столетиями покрывавший гору Карея. Они предпочитали, как и встарь, считать это место обиталищем призраков, вместо того чтобы узнать поразительную историю священного холма.

Сны продолжались. История святой горы Карей стала открываться поэтапно и последовательно. Сон одного человека дополнял или подтверждал сон другого.

Однажды ночью в конце 1959 года я увидела во сне святого Рафаила в облачении архимандрита, в клобуке и с панагией. Он вошёл в мою комнату, держа в руке нечто похожее на лист пергамента.

— Василики, — сказал святой, — поезжай к митрополиту и Расскажи обо мне.

— Святой Рафаил, ведь мы многого ещё не знаем... — ответила я и начала ему пересказывать то, что нам было известно к тому времени. Он внимательно слушал и утвердительно кивал головой, как бы подтверждая истинность моего рассказа, а в конце промолвил:

— Я дополню свою биографию. Родом я с Итаки, но жизнь моя протекала вдали от родины. Когда турки захватили Константинополь, я находился в Македонии. Вместе с другими беженцами я сел на корабль в порту Александрополя и переправился на Лесбос, который тогда ещё был свободным. Посмотри, каким было наше бегство...

Он дал мне в руки бинокль. Поднеся его к глазам, я увидела картину, заставившую меня содрогнуться.

Берег, и на нём множество людей с выражением ужаса на лицах... Удаляющийся от берега корабль, какие были тогда, до отказа наполнен

пассажирами... Среди них, в центре, стоит высокий священник и что-то говорит, энергично жестикулируя. Он словно пытается ободрить испуганных беженцев. Рядом с ним сидит другой батюшка — невысокого роста, худощавый — и прижимает к груди икону Пресвятой Богородицы. Взоры всех с надеждой устремлены на лицо говорящего. Сердце моё сжалось от тоски, на глаза навернулись слёзы. Святой Рафаил понял моё состояние. Он взял у меня из рук бинокль и сказал:

— Вместе с моим дьяконом мы приплыли на Лесбос. Высадились на маленькой пристани села Ферми. Первые лица села сопровождали нас в монастырь на горе Карея. Беженцы, преследуемые врагами, мы искали обитель, в которой могли бы поселиться. Я стал игуменом монастыря. Мы жили мирно, пока турки не захватили Лесбос. Тогда они сожгли наш монастырь, а меня зарезали, предварительно подвергнув самым жестоким пыткам.

Я проснулась взволнованная, вся в поту — такое сильное впечатление произвели на меня слова святого Рафаила и сцена бегства из Александропольского порта. А когда утром я рассказывала этот сон маме, она разрыдалась, вспомнив своё бегство с Мосхониси в 1922 году на рыбацкой лодке, которая в любую минуту могла перевернуться — такое множество охваченных ужасом людей заполнило её. «Вот так и мы, детка, — сказала она, — переправи-

лись на Лесбос. Измученные беженцы... Не знали, куда идти, где главу приклонить. Может, именно потому Бог судил отдать этот участок земли мне, беженке, настрадавшейся от турок, потому что я испытала не только все тяготы изгнания, но и горечь потери стольких моих родных. Судьба этих святых похожа на судьбу моих близких, зарезанных турками.

МОЯ ИСПОВЕДЬ У СВЯЩЕННИКА ВАСИЛИЯ БАМЬЯСА

Сон о прибытии беженцев на Лесбос не выходил у меня из головы. В ушах как будто продолжал звучать повелительный голос святого Рафаила: «Василики, поезжай к митрополиту и расскажи обо мне».

Конечно же, в житии святого оставалось ещё много белых пятен. Карейская гора ещё таила в себе немало загадок. Но наказ, который получила, я должна была выполнить. Поехать в епархиальное управление и рассказать там всё, что на тот момент мне стало известно, было моим святым долгом. Меня беспокоило и останавливало только одно — сдержанность митрополита. Было ясно, что к происходящему в нашем селе он относится весьма скептически.

— Господи, — молилась я, — просвети меня. Что мне делать?..

И вдруг мне пришла в голову мысль, от которой на душе стало легче: нужно пойти к хорошему духовнику, исповедаться ему и попросить у него совета.

Как-то раз утром приходит к нам домой Мария Цолаки и говорит мне:

— Василики, ты, может быть, думаешь заказать обедню в храме святителя Василия, что в селе Морья? Я видела во сне святого Рафаила, и он мне сказал, что одобряет твоё намерение и что ты должна обратиться к священнику села Морья отцу Василию.

Я посмотрела на неё с изумлением. Сильное волнение охватило меня. Святой Рафаил читал мои мысли и посылал меня к священнику села Морья!..¹

— Мария, — сказала я, — я собиралась не обедню заказать, а пойти на исповедь к какому-нибудь хорошему духовнику, который бы меня не знал. Отец Василий исповедует?²

— Не знаю, Василики, — отвечала Мария, — но я спрошу свою соседку Анфусу. У неё в Морье живут родственники, она должна знать.

Анфуса Алатеру сообщила нам, что иерей села Морья, отец Василий Бамьяс, отличается особым благочестием. Он хороший духовник и иконописец. Иконы он пишет с постом, молитвой и служением подряд сорока литургий.

На следующий день, не теряя времени, я отправилась в Морью. Священника я нашла

1. Морья — село, расположенное примерно в десяти километрах от Ферми, по направлению к административному центру Лесбоса — Митилини. — Прим. авт.

2. В Греции, в отличие от России, далеко не все священники могут быть духовниками и принимать исповедь, а лишь те, которые получили на это специальное благословение епархиального архиерея. — Прим. перев.

в церкви святителя Василия молящимся перед написанной им самим иконой Пресвятой Богородицы. Поцеловав ему руку, я сказала, что хочу исповедаться. Он надел епитрахиль, сел³ рядом с иконой Спасителя и сказал:

— Открой мне, чадо, своё сердце. Что тяготит тебя, почему у тебя такой опечаленный вид?

От волнения, которое охватило меня в эту минуту, я расплакалась.

— Поведай, какой груз лежит у тебя на душе, и тебе станет легче, — снова обратился ко мне священник. — Как бы ни был велик твой грех — милость Божия безгранична!..

Тогда я начала рассказывать ему о событиях на горе Карея и о наших снах. Не успела я закончить, как вдруг он встал, осенил себя крестным знамением и воскликнул:

— Велие дела Твои, Господи!.. Вот объяснение того необычного сна, который я видел сегодня на рассвете и не мог себе объяснить.

Я замолчала, а отец Василий рассказал мне о своём сне:

— Мне приснилось, — сказал он, — что на небе сияет лучезарный диск. И как во время Рождества Христова лучезарная звезда путеводила волхвов, так и этот диск ведёт сейчас за собой тысячи людей. Среди них нахожусь и я. Мы взошли на поросший маслинами холм. Диск же над нами превратился в огромный

3. В Греции, по древней традиции, священник принимает исповедь сидя. — Прим. перев.

окровавленный крест. «Боже мой, где я нахожусь? Может быть, на Голгофе?» — спросил я некую одетую в чёрное Жену, Которая стояла рядом со мной. «Нет, отец Василий, — отвечала Она, — ты находишься не на Голгофе, а на горе Карея. Это — вторая Голгофа. Завтра утром тебе расскажут про эту гору. Верь тому, что ты услышишь».

С самого утра я все недоумевал: что же это за гора, которую таинственная Жена назвала второй Голгофой? И вот приходишь ты, посланная Самим Богом, и рассказываешь о ней!.. Итак, не мешкая поспеши в епархиальное управление и расскажи там то же, что сообщила и мне. Ничего не бойся... и знай, что множество народа, которое, как я видел во сне, заполнило сей храм, действительно соберётся здесь однажды, чтобы поклониться святыне, потому что это воистину вторая Голгофа!..

Его слова наполнили меня радостью и рассеяли все мои сомнения.

Тотчас же из села Морья я отправилась в Митилини. Пришла в епархиальное управление и попросилась на приём к митрополиту. Мне сказали, что он отъехал по делам в Афины. Тогда я обратилась к протосингелу, отцу Никодиму (Анагносту), и изложила ему все известные нам на тот момент обстоятельства дела.

Он выслушал меня очень внимательно, выразил понимание и явил такую любовь, что я была весьма тронута и воспряла духом. Отец Ни-

кодим с самым живым участием отнёсся к событиям и дал мне письмо к священнику Ферми Евфимию (Цологу) с распоряжением собрать показания всех сподобившихся видеть сны или иные чудеса и представить доклад в епархиальное управление (отец Евфимий, казалось, проявлял до сей поры полное безучастие, «страха ради иудейского», как он потом объяснял, то есть опасаясь насмешек со стороны неверующих). «На основании этих показаний, — сказал протосингел, — владыка митрополит сделает своё заключение».

Я от всего сердца поблагодарила отца Никодима и вернулась в Ферми радостная и окрылённая, испытывая душевное облегчение.

СВЯТЫЕ НИКОЛАЙ И ИРИНА

История святой горы Карея продолжала открываться. Мы узнавали всё больше подробностей. Вместе со святым Рафаилом много раз являлись ещё два монаха: один высокого роста, черноволосый, смуглый, другой невысокий, худой. А также девочка с белокурыми косами и двое мужчин-мирян. Кто были эти люди? Господь не оставил нас в неведении и открыл нам эту тайну.

Сначала из снов, которые видели моя мать, Ангелики Марангу, я сама, сёстры Мирсини, Евангелия и Мария Дургуна, Мария Цолаки, Никос Фикьяс, Костас Канелос, Елевферия Кавура и некоторые другие, стало известно, что невысокий монах — это дьякон Николай, замученный вместе со святым Рафаилом.

Явившись во сне нашей односельчанке Елевферии Кавура, святой Рафаил сказал, что отец Николай был родом из Фессалоник. Позже во сне Ксении Ралли, племянницы моего мужа (она жила не в Ферми, а в селе Лафиона, расположенном около городка Петра), святой Рафаил уточнил, что диакон родился в Рагах Ми-

дийских, но потом его семья переселилась в Фессалоники. Ксения решила никому не рассказывать свой сон, потому что сомневалась по поводу данного географического названия. Сон повторился, но она снова о нём умолчала, несмотря на то, что святой Рафаил добавил в конце повелительным тоном:

— То, что я тебе сказал, сообщи своей тёте.

Представ ей третий раз, он очень строго спросил:

— Почему ты ничего не передала? Так и не смогла до сих пор поверить?

Испуганная, она ответила ему, что молчала, потому что сомневалась, есть ли такой город.

— Очень скоро тебе станет об этом известно, — заверил её святой Рафаил.

Утром Ксения решила навести справки о Рагах Мидийских. Она пошла к господину Рорису, преподававшему богословие в гимназии Петры, и рассказала ему о своих снах. Тот подтвердил, что город с таким названием действительно существовал и даже упоминается в Ветхом Завете.

Тогда Ксения сразу же написала своё показание и послала его мне для передачи в епархиальное управление.

Во сне, который видела я, святой Рафаил, указывая на стоявшего рядом с ним святого Николая, сказал:

— Николай был архидиаконом и сыном нотаиуса из Фессалоник. Будучи физически сла-

бым, он не вынес пыток. Когда турки стали нас бить и мучить, у него случился разрыв сердца.

Я проснулась сильно взволнованная, а когда опять уснула, сновидение продолжилось. Я снова увидела святых Рафаила и Николая. Они стояли во дворе Карейской церкви. Рядом с ними находился и митрополит Иаков (Клеомвроту).

Святой Рафаил рассказывал ему о мучениях, которым его подвергли. Он говорил так (я очень хорошо запомнила его слова):

— В миру меня звали Георгием, а в постриге дали имя Рафаил. Турки мучили меня самым зверским образом. Сначала прикладами своих ружей били по рукам, пока я не перестал ими владеть. Потом стали наносить удары по всему телу, таскали за бороду и, бросив наземь, кололи пиками и всячески терзали. И в конце концов убили, воткнув резак в голову через рот.

Святой Николай молча стоял рядом, он не проронил ни слова, только глаза его были полны слёз.

Я снова проснулась, потрясённая увиденным и услышанным, и до утра не смогла сомкнуть глаз.

Январь 1960 года.

Много раз вместе с двумя святыми, о которых мы уже знали, являлся третий монах — высокого роста, худощавый и черноволосый, а также

белокурая девочка с ясными голубыми глазами, одетая в белое, длинное до пят платье.

Кем был третий инок, открылось примерно через пять месяцев рыбаку Костасу Канелосу. (Об этом я расскажу в своё время, чуть позже).

А эта светловолосая отроковица, которая являлась во сне стольким людям, кто же она? — задавались мы все вопросом.

Святой Рафаил, явившись во сне Мирсини Дургуна, сказал, что девочка, которая приснилась ей стоящей между двумя святыми, — тоже мученица.

Поскольку монастырь на горе Карея был посвящён Пресвятой Богородице и святой мученице Параскеве, мы предположили, что это, наверное, святая Параскева является в детском облиции. Но всё разъяснил бывший мне тогда сон.

Я увидела Карейскую церковь и в ней Пресвятую Деву Марию. В одной руке Пречистая держала Богомладенца Христа, а в другой — Свою икону, не очень большого размера, с надписью: «1 января 1451 года. Николай». Я пала к ногам Царицы Небесной и стала умолять явить нам этот Её образ.

— Василики, — услышала я в ответ, — нужна великая вера и усердная молитва, чтобы явилась Моя икона... Сейчас Я дополню историю монастыря. Поначалу, когда турки захватили Лесбос, они не тронули монастырь. По прошествии некоторого времени христиане подняли восстание и ушли в горы. Турки, подозревая,

что повстанцы находят убежище в обители, схватили монахов, а вместе с ними и старосту села Василия с семейством, а также сельского учителя, которые в тот день находились в монастыре. Их стали пытаться, требуя, чтобы они сказали, где скрываются восставшие. Девочка, которая является вместе с монахами, это не святая мученица Параскева, как вы думаете, а двенадцатилетняя дочка старосты Ирина. Турки мучили её на глазах у родителей, а потом заживо сожгли. Старосту и учителя зарезали. У Николая, когда его пытали, остановилось сердце.

Этот сон произвёл на меня неизгладимое впечатление. На следующий день утром я исповедовалась и рассказала о нём священнику нашего села, отцу Евфимию.

— Мрак, покрывавший гору Карея, — сказал он взволнованно, — всё больше рассеивается благодаря этим вещим снам... Слава, Господи, святому имени Твоему!

Откровение о сих новоявленных мучениках было и нашей односельчанке Елевферии Кавура. Расскажу подробно об одном её сне.

Она очутилась на горе Карея. Всё там выглядело совсем по-другому. Во дворе церкви располагался ряд низеньких домиков-келий. Заглянув в дверь одной из них, она обратила внимание на старый ветхий пол, застеленный овечьими шкурами. Но вдруг всё засияло — казалось, у неё под ногами было разбросано множество драгоценных камней. Елевферия, изум-

лѣнная, наклонилась, чтобы взять несколько штук. Строгий голос остановил её:

— Ничего не бери... Это место — святое.

Она обернулась, недоумевая, кто бы это мог быть, и увидела монаха — бледного, худого, крайне измождённого. В тот же миг перед ней возник некий стеклянный фиал с деревянным крестом внутри — как бы миниатюрной копией Голгофского Креста. К нему было прислонено копьё. Крест окружали несколько человек, имевших настолько обессиленный, измученный вид, что они походили на живые скелеты. Женщина разглядела одного монаха, двух мирян и девочку...

— Кто это? — с растерянностью и удивлением спросила она стоявшего рядом инок.

И тот ответил:

— Они все стали мучениками... Копьём, которое ты видишь, нас кололи турки. Двое мирян — это сельский староста и учитель. А девочка — дочь старосты Ирина, пострадавшая вместе с нами.

Елевферия проснулась сама не своя от удивленного. Она поняла, что монах с бледным лицом, который говорил с ней, — это диакон Николай. Ей вспомнилось, что когда-то давно она уже видела его во сне вместе со святым Рафаилом. Диакон сообщил ей тогда, что родом он из Фессалоник. По первому сну она его таким и запомнила — бледным, худым, с грустным выражением лица. Нынешний же сон настолько потряс её, что ни на минуту не выходил у неё из

головы. Трагическая картина, представшая перед ней в фиале, наполнила её сердце неизбывной болью. Особенно терзала женщину мысль о той жестокости, которую проявили турки, замучив на глазах родителей невинного ребёнка. Елевферия не могла удержать слёз. Она тоже выросла в семье беженцев и тоже была жертвой Малоазийской катастрофы. Её родители в полной мере вкусили и горечь изгнания, и варварство турок.

В тот же период и Мария Дургунa испытала подобное потрясение, увидев во сне, как мучили святого Рафаила. Ей приснилось, что он стоит на коленях, раздетый до пояса. Вокруг него пять озверевших злодеев в чалмах. Сначала они пытаются святого, а потом через рот вонзают ему в голову резак... Мария пришла в ужас и заплакала. Она слышала голос мученика:

— Видишь, каким меня подвергли истязаниям? Свой подвиг я совершил на Пасху. Моими мучителями были двое мусульман, лаз¹, черкес² и один турок-албанец. Но знайте, что и они пострадали... Повстанцы-христиане захватили их в плен, убили и всех вместе сбросили в пропасть.

Мария пробудилась в холодном поту — настолько страшным было виденное ею. Прошло несколько дней, прежде чем она смогла хоть как-то прийти в себя после пережитого ужаса.

1. Лазы — племя в Колхиде (Западной Грузии). — Прим. перев.

2. В Малой Азии черкесами издревле называли всех выходцев с Северного Кавказа. — Прим. перев.

А во сне, который видела Мария Цолаки, святой Рафаил поведал ей о том, что турки после самых жестоких мучений, в довершение пыток, подвесили его вниз головой на ореховом дереве и умертвили, вонзив в голову резак.

— Под этой орешинкой, — добавил он, — мы каждый год отмечаем Пасху.

Двенадцатилетнему Костасу Псирукису святой Рафаил, рассказав о мучениях, которые он претерпел, показал и сцену уничтожения монастыря турками. Как вспоминал мальчик, он увидел какого-то человека, на голове которого был тюрбан, а в руке горящий факел. Он поджигал им с четырех сторон церковь и кельи. Внезапно раздался оглушительный взрыв... и монастырь скрылся в клубках дыма и бушующем пламени.

Вне себя от ужаса, мальчик с криком вскочил с кровати. Он, не переставая, громко рыдал, и мать никак не могла его успокоить. Утром она вынуждена была отвести его к нашему приходскому священнику с просьбой прочитать над сыном молитву, чтобы привести его в чувство.

Вообще, следует заметить, все мы, видевшие во сне сцены мучения новоявленных святых, испытывали настолько сильные переживания и потрясения, что нет слов их описать. Мы не воспринимали Карейских мучеников как людей, живших пять веков назад, но чувствовали их реальное, живое присутствие рядом с собой. Это были близкие, дорогие нам люди, страдания которых терзали наши сердца.

Как забыть эти выразительные тёмно-голубые глаза святого Рафаила, которые, когда он говорил о перенесённых им страданиях, напоминали собой рыдающее море. Его слова были обращены к самым глубинам твоей души, они всё в ней переворачивали... И в то же время окрыляли душу, вознося над этим тленным миром с его страстями и суетными мелочами, призывая победить плоть и возлюбить жертвенность, которая соединяет немощного человека с духом Всесильного Бога, Создателя Вселенной!..

Потому-то мы с непоколебимой верой говорили и писали о том, что видели, не обращая внимания на пересуды и насмешки маловерных, организовавших против нас настоящее гонение. Мы надеялись, что когда-нибудь они тоже вложат свою руку «в язвы гвоздинныя» и умолкнут... И действительно, пришёл тот благословенный день, когда последовавшее за снами обнаружение мощей и других святынь на горе Карей заставило многих из них пролить слёзы раскаяния в своём прежнем неверии!.. В этой нашей борьбе большую поддержку и содействие нам оказывали протосингел Никодим (Анагносту, нынешний митрополит Иериссоса и Святой Горы), а также богословы митрополии — Георгий Сотириу и Евстратий Климис (ныне Иаков, митрополит Аргентины). Их вдохновенная проповедь, эхом отзывавшаяся по всей Карейской горе, укрепляла наш дух, давала силы и внушала быть спокой-

ными в борьбе за истину, не обращая внимания на оказываемое на нас со всех сторон давление.

Говоря о мученичестве святого Рафаила, нельзя не упомянуть и о сне нашего односельчанина Панайота Бакаса — одного из первых участников раскопок. Привожу его рассказ:

«Невзирая на летний зной, я работал на раскопках с таким рвением и энтузиазмом, что не чувствовал ни усталости, ни жары. Как будто кто-то давал мне силы. То же было и с другими рабочими, копавшими каменистую, твёрдую, как гранит, почву, к которой пять веков не прикасалась кирка или лопата. Сначала я не верил снам. Думал, что всё это — плод воображения. Но сон, который я сподобился увидеть лично и который вот уже столько лет я помню во всех подробностях, заставил меня изменить своё мнение.

Мне приснилось, что я нахожусь на горе Карея. Но всё здесь выглядело совсем иначе, чем сейчас. Передо мной был монастырь весьма необычного вида, окружённый дикими деревьями и орешником. Как можно было догадаться, в обители — а я стоял позади неё — царила какая-то суматоха. Оттуда доносились страдальческие крики вперемешку с яростными воплями и угрозами... Я осторожно приблизился к воротам, расположенным в нижней части монастырского двора, и заглянул в них. Я содрогнулся от того, что увидел.

Разъярённые, страшные, как демоны, люди с тюрбанами на головах, в странной одежде окружили сидящего на земле монаха, с бешеной злобой били его и осыпали угрозами, крича на незнакомом языке. Вдруг вижу: батюшка взметнулся вверх, выпрямился во весь рост, достал из-под рясы крест, который был у него на шее, и, показывая его мучителям, с дерзновением воскликнул: «Ему мы поклоняемся и никогда от Него не отречёмся!» Тогда дикари в ярости бросились на него, сбили с ног, стали колотить ружейными прикладами, таскать за бороду и за волосы. Его голова ударялась о камни и обагрят их кровью...

Взгляд же мученика был устремлён на небо, его губы шевелились, он что-то шептал...

Я не мог больше на это смотреть... Содрогаюсь от страха и сердечной боли, я начал осторожно пятиться назад, желая найти место, где можно было бы спрятаться. Забравшись в дупло какого-то дерева, я закрыл лицо руками, чтобы ничего не видеть.

Внезапно я почувствовал, как чья-то рука легла мне на плечо, и окаменел от ужаса. Думая, что это кто-то из тех страшных людей, я в трепете обернулся и увидел перед собой монаха с ясным, спокойным лицом, красивыми голубыми глазами, длинными волосами и бородой. Он бросил на меня пристальный, печальный взгляд, который мне никогда не забыть, и сказал:

— Пойдём со мной, маловерный и малодушный...

— Куда? На мучения? — выкликнул я дрожа, — Нет! Пожалей меня!

— Нет, не на мучения, — ответил он, — не бойся. — И указал мне рукой на монастырь.

Посмотрев туда, я увидел огромную широкую лестницу, которая, казалось, опиралась на само небо. По её ступенькам восходили и нисходили облачённые в золотые одежды священники, которые пели так сладко, что их пение было похоже на пение ангелов...

В этот момент я проснулся. Сел на кровати и перекрестился, охваченный сильным волнением. Я был уверен, что святой Рафаил удостоил меня самого увидеть во сне его страдания — потому что я не верил снам, которые видели другие, и сомневался».

Панайот Бакас с горячей верой трудился на раскопках с самого их начала и стал очевидцем обретения всех святынь.

Прежде чем рассказать об этих находках, обратимся к жизнеописанию ныне прославленных святых и других мучеников. Всё, что мы знаем о них, они открыли множеству людей посредством снов, постепенно, примерно за двухлетний период: с июля 1959 по октябрь 1961 года. Рассказы о себе святые дополняли и позже, сообщая некоторые подробности. Одним из тех, кто довёл до конца работу по составлению жития мучеников с острова Лесбос, дополнив её

ещё некоторыми откровениями и результатами собственных исследований, был покойный профессор чикагского университета Фотис Лицас³. Он воспылал горячей верой к святым, о которых составил книгу «Незаписанное» (1994).

3. Фотис Лицас скончался в марте 1998 года.

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ СЯТОГО РАФАИЛА И ДРУГИХ МУЧЕНИКОВ, ЯВЛЕННАЯ В СНАХ И ВИДЕНИЯХ

Октябрь 1959 года.

Сначала святой Рафаил открыл своё имя троим в одну и ту же ночь — мне, Марии Цолаки и Костасу Цаликису. Через два дня он подтвердил это в откровении иеромонаху Пахомию (Суюлдзису), добавив, что родом он с Итаки.

Ещё через несколько дней, в ноябре 1959 года, явившись в сновидении Марии Дургуна, он сказал:

— Я Святой Рафаил с Итаки. Моего отца звали Дионисием, а мать — Марией. На Лесбос я прибыл в 1454 году.

Тогда же его увидел во сне Никос Фикьяс, которому в ту пору было четырнадцать лет. И ему святой Рафаил сообщил, что на Лесбосе он жил с 1454 года, а родился на острове Итака.

Изложу теперь по порядку историю его жизни, для чего приведу подробности важнейших сновидений. Начну с одного моего сна, в кото-

ром было откровение о том, где конкретно на Итаке родился святой Рафаил, и о его родословной.

Представ передо мной во сне, святой преподнёс мне подарок — изящный ларец чёрного цвета. С одной стороны на нём был портрет красивого мальчика с большими выразительными глазами, с другой — закрытое отверстие, как бы маленькая дверца... В тот же момент святой Рафаил исчез, а на его месте появилась одетая в чёрное Жена. Она протянула руку к ларцу и открыла отверстие, предложив мне посмотреть, что находится внутри. Я с любопытством заглянула туда и увидела сначала заднюю сторону портрета, на которой было адресованное мне лично посвящение, а внизу надпись: «Георгий Ласкаридис, 13 лет».

— Кто этот дивный мальчик, подаривший мне свой портрет? — спросила я Жену.

— Это святой Рафаил в возрасте 13 лет, — отвечала Она. — Он родился в Милах на Итаке. Посмотри, что ещё лежит в ларце.

Я пригляделась внимательнее и увидела несколько сложенных вдвое бумажек. Взяв одну из них, я развернула и стала читать. Речь шла о каком-то Эмилиосе, который, как следовало из текста, являлся потомком святого Рафаила. Дарее по-французски перечислялось количество родов, сменивших друг друга за период, прошедший с той поры, когда жил святой, до времени жизни его потомка: «un, deux, trois» и т.д....

В этот момент я проснулась, не успев прочитать написанного на других бумажках. Об этом мне я в тот же день сообщила в епархиальное управление.

Сотрудник богословского отдела митрополии Евстратий Климис немедленно позвонил начальнику управления связи острова Итака и попросил проинформировать его, имеется ли у них населённый пункт с названием Милы, а также носит ли кто-либо из жителей острова фамилию Ласкаридис.

Начальник управления ответил, что в столице Итаки, Вафи, есть старинный квартал под названием Милос. Что же касается фамилии Ласкаридис, то ему не известен ни один её обладатель. Климис ограничился только этими вопросами и не стал объяснять причину своего звонка. Ему не хотелось создавать почву для разного рода кривотолков, ведь святой Рафаил был тогда ещё никому не известен на Итаке. Уже потом Сам Бог открыл, в каких Милах родился святой. Но об этом я расскажу позже, в своё время.

Юношей святой Рафаил — как он поведал об этом в сновидениях и мне, и другим — покинул свою Родину и отправился в Мистру¹, чтобы получить там высшее образование. Он изучал медицину, а кроме того, посещал занятия по фи-

1. Мистра — древний город, некогда существовавший на Пелопоннесе и являвшийся в эпоху Палеологов (1380—1460 гг.) столицей Морейского Деспотата. — Прим. перев.

лософии. Закончив учёбу, поступил на военную службу и стал офицером византийской армии.

Много раз в наших снах святой Рафаил являлся в военной форме. Наш односельчанин Константин Кавурас видел его в одежде высокопоставленного офицера во главе целого войска. Как офицер, он приснился моей маме в апреле 1960 года, а также Мирсини Дургунa, которой сообщил, что был хилиархом (тысяченачальником). В 1960 году я его тоже видела во сне офицером. Он стоял в нашей сельской церкви среди других военных. И кто-то из них, как я слышала, называл его хилиархом. Мне навсегда запомнилась его благородная внешность, военная выправка, белый цвет лица, выразительные тёмно-голубые глаза. Дважды видел его офицером Костас Канелос. Первый раз в 1960 году, а второй раз в июле 1961 года. В качестве офицера святой представал в сновидениях Марии Цолаки, Никосу Фикьясу и многим другим людям. А Дука Цолакис увидел его офицером наяву — однажды воскресным утром на горе Карея, в июле 1959 года. Когда же тот внезапно исчез из виду, Дука настолько перепугался, что бросился наутёк.

Как же получилось, что хилиарх Георгий Ласкаридис оставил мир и принял монашеский постриг?

Во сне Марии Цолаки он сказал, что ушёл из армии и три года подвизался в одном из монастырей Македонии под руководством некоего старца-аскета по имени Иоанн.

По Благодати Божией в этой истории не осталось ни одного белого пятна. Явившись во сне Фотису Лицасу, святой Рафаил открыл ему причину, по которой он принял монашество.

— Я стал монахом, — сказал святой, — после поражения, которое понесли христиане в битве под Варной от султана Мурата. Наше войско послали из Мистры на помощь объединённой армии христиан, сражавшейся с турками под водительством польского короля. Но было уже поздно. Ещё находясь в районе Серр², мы получили известие о том, что христианская армия разбита и остатки её рассеялись. Потрясённый поражением христиан и триумфом турок, я вместе с некоторыми из воинов нашёл прибежище в монастыре Святого Иоанна Предтечи, находившемся неподалёку. Игуменом там был старец святой жизни — отец Иоанн. Слушая его, я понял, что рядом с Богом душа моя обретёт желанный мир. Поэтому, когда через несколько дней мои спутники покинули обитель, я не последовал за ними. Я вручил им свой меч, чтобы они передали его принцу Фоме Палеологу, сообщив ему о моём решении стать монахом.

Три года, как сказал святой Лицасу, он жил под началом игумена Иоанна, принял постриг с именем Рафаил и был посвящён в сан иеромонаха. Потом покинул обитель и отправился в Афины, желая поддержать своей проповедью

2. Серры — город в Македонии. — Прим. перев.

православных христиан, многие из которых в то время переходили в католичество.

В качестве приходского священника и проповедника³ афинского храма великомученика Димитрия Лумбардиара (Бомбардира)⁴ видели святого Рафаила в своих снах сёстры Дургунa и я. В одном из сновидений Мария Дургунa видела святого в окружении множества народа проповедующим слово Божие около памятника Филопаппа⁵. Следует при этом заметить, что женщина сама никогда не бывала в Афинах и о данном памятнике не имела никакого представления.

3. Священник, имеющий право произносить проповедь. Данным правом в Греции издревле обладали далеко не все иереи. — Прим. перев.

4. Народное название церкви святого Димитрия, расположенной у подножия холма Филопаппа (см. следующую сноску). Название возникло после события, происшедшего здесь в 1656 г. Турки, решив уничтожить эту христианскую святыню, установили пушки и ядра у порохового склада на Акрополе. Однако накануне намеченной бомбардировки храма, ночью, в пороховой склад неожиданно ударила молния и уничтожила все запасы оружия. С тех пор, в воспоминание чудесного спасения церкви, так и именуется в народе сей храм — храмом святого Димитрия Лумбардиара (Бомбардира). — Прим. перев.

5. Памятник Филопаппа — архитектурное сооружение, воздвигнутое на вершине одноименного холма к югу от Акрополя в 114–116 гг. н. э. римским консулом и афинским гражданином Филопаппом. — Прим. перев.

СВЯТОЙ РАФАИЛ – ПРОТОСИНГЕЛ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИИ

В июне 1960 года мне приснилось, что в нашем селе царит необычное оживление. Многие бежали по направлению к рыночной площади. На мой вопрос, что случилось, мне ответили:

— Святой Рафаил проповедует.

Побежала и я, охваченная трепетом. Вот что я увидела: около церкви святой Параскевы¹ возвышается помост. На нём стоит облачённый в златотканые ризы святой Рафаил, а рядом с ним девушка в голубом, длинном до пят, платье. Когда подошла я, говорила как раз она, громким голосом обращаясь к народу:

— Верьте ему. Он тоже великомученик, как и я.

Сразу же взял слово святой Рафаил и начал рассказывать историю своей жизни. В руках у меня были бумага и карандаш, и я старалась записать всё, что слышала. Проснувшись, я очень хорошо помнила, что отчетливо расслышала и записала такие слова:

1. На краю рыночной площади нашего села, во дворе одного из домов, находится маленькая церковь, построенная в честь святых Параскевы и Фанурия. — Прим. авт.

— У меня было очень хорошее образование. Поэтому я занял столь ответственную должность в Патриархии и был направлен...

Ещё мне запомнилось, что, когда он говорил, а я усердно записывала его речь, он на мгновение обратил свой взор ко мне и сказал улыбаясь:

— Василики, меня причислят к лику святых... Посмотри, как я одет... Я хочу, чтобы именно так я выглядел на иконе.

В эту минуту я проснулась, тут же встала и записала фразы из его речи, которые слышала во сне. Но его слова о том, что он был направлен Патриархией, остались для меня загадкой.

Объяснил мне их второй приснившийся мне сон.

В этом сне мой супруг вручил мне некий текст, написанный на пергаменте, и сказал, чтобы я его прочитала, потому что там можно найти много подробностей из жизни святого Рафаила.

Я стала внимательно читать, перечитывая каждое предложение, чтобы хорошенько всё запомнить. И вот что отложилось у меня в памяти. Святой Рафаил был протосингелом Константинопольской Патриархии. Однажды состоялась его поездка во Францию, в город Морле. Здесь он познакомился с Николаем, обучавшимся в Морлеском университете. Под влиянием проповеди святого Николай оставил мирскую жизнь и последовал за ним. Вскоре Николая рукоположили во диакона.

Больше я не успела прочитать, потому что в этот момент проснулась. Взволнованная, я встала с постели и записала прочитанное, чтобы не забыть.

Потом снова легла и опять видела сон.

На этот раз мне приснилось, что в нашем селе происходит какой-то праздник. По улице от церкви идут три клирика. Люди подходят к ним и целуют им руки. Батюшки шествуют медленно, один подле другого. Тот, что посередине, крупного телосложения, представительный. Второй — высокий и худой, а третий среднего или даже, скорее, невысокого роста.

Приблизилась и я, с почтением облобызала их десницы. Священник, который был в центре, удержал мою ладонь и, крепко сжимая, не отпускал. Я заглянула ему в лицо и тотчас узнала его... Да, это был святой Рафаил, с его большими тёмно-голубыми глазами, чёрными густыми бровями, остроконечной бородой и мягкой улыбкой ... Я пала к ногам святого и стала изливать перед ним свою скорбь, рассказывая, как я настрадалась из-за того, что в него не верят, как ранят моё сердце насмешки и пересуды окружающих... Он взял меня за руку и заставил подняться. И тогда я увидела, насколько взволнованным стало его лицо — глаза его наполнились слезами... Он улыбался и — плакал!.. Я услышала слова, которые он произнёс дрожащим от волнения голосом, тихо, как бы разговаривая сам с собой:

— Так поверил в меня и Николай... А когда он увидел, как связанного по рукам и ногам меня волокут по земле и мучают, то сердце его не выдержало... разорвалось. Василики, я познакомился с ним во французском городе Морле...

Он продолжал медленно идти, потом остановился и повторил:

— Французский город Морле. Не забудь.

Я проснулась в сильном волнении. За окном светало. Чтобы не забыть, я сразу же записала слово «Морле». «Что же это за город? — задавала я себе вопрос. — Никогда о таком не слышала». А утром пошла в школу и спросила учительницу Марию Верверелли, есть ли на школьной карте такой город. Учительница внимательно просмотрела карту Франции и не нашла его.

— Василики, — сказала она, — города с подобным названием во Франции нет. Может быть, святой Рафаил назвал другую страну и ты неправильно расслышала?

Но я стояла на своём... «Французский город Морле» — это я хорошо запомнила.

Школу я покинула опечаленная и озадаченная. Мог ли святой Рафаил сообщить мне название несуществующего города? И я ведь никогда ещё не видела святого настолько живым, как в этом сне. Взмолвленное лицо, глаза, полные слёз... Но прошло немного времени, и меня снова позвали в школу, послав за мной одного шестиклассника.

— Госпожа Василики, — сказал мне директор школы Елевферий Дигидикис, — Мария рассказала нам о Вашем сне. Её рассказ произвёл на меня очень большое впечатление, и я решил посмотреть Атлас мира. Знаете, действительно на северо-западе Франции существует маленький городок, который называется Морле. Но кому нужно было посылать святого Рафаила в этот город?

— Не знаю, господин Елевферий, — отвечала я. — Я доложу о своём сне в митрополию, а там пусть уж специалисты разбираются.

В тот же день я изложила на бумаге виденное во сне и передала эту запись богослову митрополии Евстратию Климису. Рассказала о сновидении также сёстрам Дургунa. Мирсини в умилении осенила себя крестным знамением. Мария же засомневалась.

— Зачем было ехать святому Рафаилу во Францию? — рассуждала она. — Странно всё это... Василики что-то не так поняла.

Но в ту же ночь она увидела во сне святого Рафаила. Строгим голосом он сказал ей:

— Василики не ошиблась. Я действительно ездил во французский город Морле. Был и в Париже... Меня посылала Патриархия.

Мария проснулась потрясённая и утром поведала нам о своём сне.

— Никаких сомнений в том, что святой Рафаил путешествовал во Францию, у меня больше нет, — сказала она.

В те же дни видела знаменательный сон и Мария Цолаки. Ей предстал диакон Николай и произнёс следующее:

— Мне было двадцать семь лет, когда я познакомился со святым Рафаилом. Его слова всё во мне перевернули... Я оставил этот падший, греховный мир и последовал за ним. Святой Рафаил был человеком выдающимся, он много пережил в своей жизни. Придёт время, и вы обо всём узнаете.

КОГДА И КАК СВЯТОЙ РАФАИЛ СТАЛ ПРОТОСИНГЕЛОМ ПАТРИАРХИИ

С течением времени выяснились многочисленные подробности жития святых мучеников, заполнились многие пробелы. Из снов-откровений Фотиса Лицаса мы узнали, что, когда в 1449 году на Византийский престол взошёл Константин Палеолог, архимандрит Рафаил немедленно отправился в Константинополь, чтобы встретиться с ним и его поздравить. Император Константин очень обрадовался, увидев своего старого друга Георгия Ласкаридиса, некогда тысяченачальника, а ныне архимандрита Рафаила. Зная его необыкновенную образованность, он не позволил ему вернуться в Афины, но оставил в столице, определив на должность протосингела Патриархии.

Незадолго до падения Константинополя, Патриархия послала архимандрита Рафаила во Францию, где состоялось его знакомство с Николаем.

КОГДА СЯТОЙ РАФАИЛ И ДИАКОН НИКОЛАЙ ПРИБЫЛИ НА ЛЕСБОС

Как явствовало из снов Марии Дургуна и Никола Фикьяса, виденных ими в ноябре 1959 года, святые Рафаил и Николай прибыли на Лесбос в 1454 году.

Точная дата их приезда — 14 марта. Мы узнали об этом из сна Марии Цолаки.

14 марта 1960 года ей приснилось, что она стоит у дверей своего дома и беседует с какой-то неизвестной, одетой в чёрное Женой. В этот момент мимо них прошли четверо человек: двое клириков в запыхлённых рясах и двое мирян — один крупный, плотного телосложения, другой среднего роста и худощавый.

Мария, движимая любопытством, спросила свою собеседницу, кто эти люди, и та ответила:

— Это святые Рафаил и Николай вместе со старостой села Василием и учителем Феодором¹. Они направляются в Карейский монастырь. Именно в этот день монахи в качестве бе-

1. Федор, открыл своё имя последним во сне двенадцатилетнему мальчику Костасу Псирукису. — Прим. авт.

женцев прибыли на остров. Сельский староста и учитель отвели их в обитель. С той поры их связывали узы братской любви. Староста и учитель часто приходили в монастырь. Поэтому все вместе они были схвачены и замучены турками.

КАК СВЯТЫЕ РАФАИЛ И НИКОЛАЙ ОКАЗАЛИСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ВО ВРЕМЯ ЕГО ОСАДЫ

Много раз мы недоумевали и задавались вопросом: «Если святой Рафаил был протосингелом Патриархии, как получилось, что после падения Константинополя он вместе со своим диаконом отплыл на Лесбос из гавани Александрополиса¹? Как они оба оказались за пределами царствующего града во время его осады турками?» Все объяснилось опять же спустя несколько лет посредством откровения, которое было во сне Фотису Лицасу.

— В декабре 1452 года, — сказал явившийся ему диакон Николай, — в день святого Спиридона Тримифунтского в церкви святой Софии состоялась литургия, в служении участвовал папский представитель — кардинал Исидор. Служба совершалась в обстановке особой торжественности, присутствовал сам император Константин.

1. Город во Фракии. — Прим. перев.

Святой Рафаил отказался принять в ней участие. Не позволил идти и мне. Император сильно разгневался и в наказание отправил нас временно в ссылку — в Эн². Так мы оказались за стенами столицы, когда Магомет начал её осаду. Потом мы перебрались в Македонию, а после падения Константинополя вместе с другими беженцами-македонцами на одном утлом судёнышке отплыли из Александропольского порта, взяв курс на Лесбос, который был тогда ещё свободным, и через три дня высадились на пристани Ферми...

Как явствовало из слов многих лиц, в то время, когда Рафаил и Николай прибыли в Карейскую обитель, там жил только один монах по имени Рувим и смотритель монастыря Акидин. Игумен Игнатий незадолго до того скончался. Новым игуменом стал архимандрит Рафаил.

2. Город на Фракийском побережье Эгейского моря, близ устья реки Гебр. — Прим. перев.

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО (ЖЕНСКОГО) МОНАСТЫРЯ НА ГОРЕ КАРЕЯ

Карейский монастырь первоначально был женским, и его разорили пираты в 1235 году. Как было открыто в одном сне Мирсини Дургунa и в другом — Костасу Канелосу, сию первую обитель основала некая царица¹.

Расскажу подробно о снах, проливающих свет на историю этого первого монастыря.

В 1961 году иеромонах Пахомий Суюлдзис, священник храма Трулльской Богоматери, что в селе Пирги неподалёку от Ферми, увидел во сне святую Ирину. Святая вошла в церковь, держа за руку некую новую монахиню. Монахиня смотрела на священника с какой-то затаённой печалью, словно хотела ему что-то сказать. Отец Пахомий спросил её, кто она и из какого монастыря.

— Я монахиня Олимпия, — ответила она.

А святая Ирина добавила:

— Она игуменья Карейской обители.

В этот момент отец Пахомий проснулся. И взмолился к Пречистой:

1. Этой царицей была сосланная на Лесбос Ирина Афинянка. — Прим. авт.

— О, Владычице, что это был за странный сон? Как женщина могла быть игуменьей Карейского монастыря? Ведь это была мужская обитель.

Весь последующий день он размышлял об этом. И наконец пришёл к выводу, что приснившееся ему было от лукавого. Поэтому о своём сне он решил никому не рассказывать.

Но в те же самые дни и я видела знаменательный сон, который объяснил значение сна отца Пахомия.

Мне приснилась святая Ирина, которая произнесла такие слова:

— Василики, Карейский монастырь первоначально был женским. Но однажды ночью на него внезапно напали пираты-иноплеменики. Они разорили обитель. Одних монахинь изнасиловали, и те, вне себя от ужаса, разбежались кто куда, других убили. С тех пор женщины уже не решались подвизаться в том месте и монастырь стал мужским.

Я тоже недоумевала по поводу этого сна. И однажды, когда к нам домой зашёл отец Пахомий, я рассказала ему о нём. Услышав мой рассказ, он, охваченный волнением, перекрестился и сказал:

— Слава Богу, объяснившему мой сон, о котором я думал, что он от лукавого! — и поведал мне о своём сновидении.

Мы договорились пока никому ни о чём не сообщать — подождать, не будет ли ещё кому-нибудь откровений.

Прошло всего несколько дней, и игуменья Олимпия приснилась одному 17-летнему юноше, Захарии Пафлиотису, впоследствии монаху, тогда же — послушнику. Он увидел во сне монастырь таким, каким он выглядел в то время, — с большой церковью и келиями во дворе. Святой Рафаил провёл его в одну из келий, в которой сидела молодая инокиня, и произнёс:

— Захария, теперь будет говорить она.

Захария подошёл к матушке, и она сказала ему:

— Я монахиня Олимпия. Когда-нибудь я поведаю тебе историю своей жизни.

Показав ему крест, который был у неё на груди, она добавила:

— Этот крест сохранился. Придёт время, и он будет найден.

Захария начал поститься, молиться и просить Бога о том, чтобы ему снова увидеть монахиню Олимпию и услышать от неё обещанный рассказ.

Ночью 13 февраля 1961 года она опять явилась ему во сне.

— Дитя моё, пришёл час узнать тебе историю моей жизни. Родом я с Пелопоннеса. В возрасте десяти лет я осталась сиротой. Мои родственники отправили меня в Карейский монастырь — тогда он был женским, а игуменей в нём была моя тётка, Дорофея. В 19 лет я приняла монашеский постриг, а в 25, после кончины тёти, — сан игуменьи. Нас в обители было тогда тридцать сестер.

В 1235 году, 11 мая, монастырь был захвачен и разорён пиратами. Одних монахинь обесчестили, и они, обезумев, разбежались куда глаза глядят, других — убили. Я и ещё одна пожилая монахиня, сестра Евфросиния, претерпели самые жестокие муки. Её повесили на дереве и заживо сожгли, меня же сначала опаляли огнём зажжённых свечей, а потом умертвили, воткнув в уши раскалённые железные прутья. Так что я предала свой дух Господу 11 мая 1235 года.

О мученичестве игуменьи Олимпии было откровение во сне и Мирсини Дургуна. Ей игуменья сообщила, что после самых жестоких пыток её положили на одну из дверных створок и прибили к ней гвоздями. После чего вонзили раскалённые гвозди в голову — через уши.

— Как меня нашли христиане, — сказала она, — прибитую к створке двери, так и похоронили вместе с ней, рядом с разрушенной церковью.

Повествование о святой мученице Олимпии я продолжу после рассказа об обретении её могилы, потому что тогда открылись дополнительные подробности её жития.

После уничтожения женского монастыря в 1235 году место сие опустело. Как гласит предание, лишь некоторые аскеты время от времени проживали здесь в уединённых каливах или в пещерах среди скал. Вот почему гора Карея именовалась ещё и Эннифтос.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ КАРЕЙСКОЙ ОБИТЕЛИ В 1433 ГОДУ

В первом моём сне, в июле 1959 года, о котором я подробно говорила в самом начале своего повествования — я видела на правой стене Карейской церкви, сожжённой турками, мраморную доску со множеством выгравированных на ней слов. Мне удалось разобрать и запомнить: «1433 год», ниже «усердием Мельпомены» и ещё ниже слово «Превандорион». Кем была Мельпомена, которая, как я поняла, воздвигла сей храм, выяснилось только со временем.

На исходе новогодней ночи 1 января 1960 года мне приснилось, что в наш дом вошли две женщины — одна среднего возраста, а другая совсем юная и очень красивая. Я с удивлением смотрела на них — они были мне совершенно незнакомы. Старшая представилась:

— Я Мельпомена, возобновившая в 1433 году Карейский монастырь, разрушенный пиратами. Девушка, которую ты видишь рядом со мной, — моя дочь Василики. У меня был и сын Акиндин. Он стал смотрителем монастыря.

Потом она обняла меня и поцеловала в лоб... Растроганная, я поклонилась и облобызала её десницу. И в этот момент проснулась. Весь тот день у меня перед глазами стоял благородный лик Мельпомены и ангельской красоты лицо её дочери Василики.

В те же самые дни Мария Цолаки увидела во сне святого Рафаила, который сказал ей, что, прибыв в Карейский монастырь, он застал в нём только одного монаха Рувима и смотрителя Акиндина, сына Мельпомены, проживавшего там вместе со своей семьёй.

Мельпомена являлась в сновидениях и моей матери, и Мирсини Дургуна. Она им тоже говорила, что является возобновительницей Карейской обители, разорённой пиратами.

24 декабря 1960 года, на рассвете, Марии Цолаки приснился святой Рафаил. Вместе с ним была женщина, ещё не очень старая, красавец-мужчина в шароварах, очень красивая девушка и юноша — хрупкий и смуглолицый. Святой Рафаил сказал:

— Это семья Мельпомены: её муж, дочь Василики и сын Акиндин. Мельпомена была женщиной очень богатой и эгоистичной. Когда её сыну исполнилось пять лет, он серьёзно заболел: у него отнялась нога. Четыре года мать возила его по разным врачам, но ему не становилось лучше. Услышав приговор врачей —

пожизненный паралич, она в отчаянии поднялась на гору Карея к разрушенному монастырю, преклонила в молитве колени и стала горько рыдать, прося Пресвятую Богородицу исцелить её чадо. Она обещала, что восстановит обитель, и, когда сын вырастет, он будет служить ей. И как только женщина омыла ногу сына водой из святого источника, он тут же исцелился. Мельпомена сдержала своё обещание. На свои средства она отстроила монастырь и обеспечила его содержание. Во дворе обители она построила дом, в котором жила вся её семья. Акиндин со временем стал смотрителем монастыря. Вместе с ещё одним монахом, отцом Ставросом, он и похоронил нас.

Этот сон Марии Цолаки дополняет мой собственный и сон Мирсини Дургунa. Окончательно же история Мельпомены и её семьи прояснилась ещё спустя какое-то время — благодаря сновидениям Фотиса Лицаса. Как явствует из них, после разорения пиратами женского монастыря местность, где он располагался, стала собственностью предков Мельпомены. Уже при ней в этих владениях построил себе каливу и подвизался монах Рувим. Мельпомена много раз хотела прогнать его со своей земли, но этому противился её муж, человек удивительно отзывчивый и сострадательный. Мельпомена же была гордой и самолюбивой аристократкой. Но болезнь сына сделала её совсем другим человеком. Она больше не досаждала отцу Рувиму, но

часто приходила в его келейку, смиренно сидела на скамейке рядом с ним и, преклонив колени, молилась вместе с ним ко Пресвятой Богородице об исцелении своего чада. Женщина внимательно слушала наставления инок и пролиwała горячие слёзы покаяния о своём былом жестокосердии. Когда Пречистая совершила чудо исцеления Акиндина, Мельпомена, в знак благодарности Матери Божией, восстановила монастырь, а одну из его келий отвела монаху Рувиму, которого с тех пор почитала и любила как родного отца. Оставив свой прежний роскошный дом, большую часть времени она жила в маленьком скромном домике, построенном во дворе обители.

Прибывшие на гору Карея архимандрит Рафаил и диакон Николай ещё застали Мельпомену в живых. Она мирно скончалась вскоре после их приезда, завещав монастырю и оставшуюся часть своего богатства. Её супруг к тому времени уже давно умер, дочь была замужем, а сын Акиндин исполнял обязанности смотрителя монастыря.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СВЯТОГО РАФАИЛА

Являясь во сне многим людям, святой Рафаил рассказывал о благотворительной деятельности своего монастыря. Он показывал различные помещения, в которых стояли кровати, и говорил:

— Вот наш детский приют, вот богадельня, вот превандорион¹ (так нашло объяснение слово «превандорион», которое вместе с именем Мельпомена я видела написанным на мраморной доске во сне). Здесь лечились все бедняки. Мы сами за ними ухаживали. У нас находили пристанище все страждущие.

Сны о делах милосердия святого Рафаила видели многие из нас. Супруга фермийского полицейского Эммануила Цангаракиса, Попи Цангараки, взволнованно описывала приснившийся ей превандорион. Святой Рафаил, одетый, как врач, в белый халат, указывая на ряды кроватей, застеленных чистым бельём, рассказывал ей:

1. Санаторий или больница (лат. preventorium). — Прим. перев.

— Это, Попи, наша монастырская больница. В нашей обители все болящие получали облегчение своих страданий.

Больница приснилась и Елевферии Скуфу в ноябре 1960 года. Она видела белое здание, в которое входило и из которого выходило множество людей. У дверей стоял высокий красивый монах в клобуке с наметкой и, улыбаясь, приветствовал входящих.

— Что здесь находится, отче? — любопытствовала Елевферия.

— Это наша больница, — был ответ. — Люди приходят сюда и исцеляются.

— А Вы кто? — спросила женщина.

— Я врач этой больницы святой Рафаил, — ответил монах.

Другая наша односельчанка, Мирта Амманиту, которая сначала не верила нашим снам и посмеивалась над нами, как-то раз, взволнованная, пришла к нам и рассказала свой собственный сон. Ей приснился святой Рафаил, одетый в очень старую рясу, заштопанную белыми нитками. Женщина смотрела на него с удивлением, недоумевая, как игумен может носить такую бедную одежду. Тот же, читая её мысли, сказал:

— Мирта, я святой Рафаил, в которого ты не веришь. Смотри не на моё убогое одеяние, но на щедрую благотворительность нашей обители.

Он провёл её в столовую богадельни, где она увидела старичков, сидящих за столом и вкуша-

ющих пищу, а также некоего монаха, прислуживающего им².

Богадельню видели и я, и мой муж Ангелос Ралис. В моей памяти навсегда запечатлелась эта картина: трапезная комната, не очень просторная, но исключительной чистоты, большой, узкий и длинный стол посередине, обедающие за ним старички... и святой Рафаил, который переходит от одного к другому, улыбается и кротко вопрошает их, понравилась ли им пища и не хотят ли они добавки.

Моему супругу святой Рафаил показал и сиротский приют.

— Вот, Ангелос, наши детишки, — сказал он. — Смотри, какие умницы.

Там были только девочки, рассказывал муж. Святой Рафаил с отеческой любовью говорил о девочках, заботился о них, нежно гладил их по головкам. Всякий раз, когда Ангелос вспоминал этот сон и рассказывал о нём, у него на глаза наворачивались слёзы.

Девочек-сироток, гуляющих в монастырском дворе, видел во сне и Костас Канелос. За ними присматривала какая-то женщина, по всей видимости, их учительница или воспитательница.

И многим другим людям были сны о благотворительности святого Рафаила, но я, чтобы не утомить читателя, поведала лишь о важнейших из них.

2. Этот сон так подействовал на Мирту Амманиту, что она не только обрела веру, но и загорелась желанием видеть и ныне на горе Карея богадельню. Об этой её мечте стало известно всем жителям Ферми, но, к сожалению, до сих пор она так и не осуществилась. — Прим. авт.

ТРЕТИЙ МОНАХ

Спустя год после того, как святые Рафаил и Николай поселились на горе Карея, умер монах Рувим. Его место среди братии занял другой инок — отец Ставрос.

Его вместе с диаконом Николаем в июле 1960 года увидел во сне Костас Канелос. Ему монах Ставрос впервые открыл своё имя. Костас описал его именно таким, каким видели его раньше в своих снах и мы, не зная, однако, как его зовут. Это был третий монах — высокий, худой, смуглолицый, который часто являлся вместе с двумя святыми. Мы не раз задавали себе вопрос, кто бы это мог быть... Ответ дал сон Костаса Канелоса.

За этим сном последовало сновидение Мирты Амманиту, которой отец Ставрос поведал историю своей жизни.

«Мирта, — сказал он, — отец Рафаил уже при жизни был святым. Его слова потрясали человеческое сердце и утешали его. Святому Рафаилу я обязан своим спасением. Родом я с Лемноса¹.

1. Остров в Эгейском море. — Прим. перев.

Нехорошо поступив в отношении своей сестры Деспины, оставшейся сиротой, я почувствовал угрызения совести. Мне довелось услышать о старце святой жизни, подвижающемся в монастыре на горе Карея, и я отправился туда, чтобы познакомиться с ним, открыть ему язвы сердца и излить свою душу. Этим старцем был святой Рафаил. Его слово умиротворило мою мятушуюся душу.

Там, рядом с ним, я остался и нашёл спасение. Первое время после принятия монашеского пострига я, по его благословению, жил вместе со старцем Иосифом, который подвизался в пещере на горе Пандера. Монастырь поставлял нам всё необходимое. Питались мы травой и ячменным хлебом. После кончины старца Иосифа святой Рафаил взял меня к себе. Жизнь наша протекала мирно, пока турки не захватили Лесбос и не уничтожили нашу обитель, потопив её в крови. Святой Рафаил — великомученик... Верь этому, Мирта, не сомневайся».

Братство Карейского монастыря накануне разорения его турками составляли: игумен Рафаил, диакон Николай, монах Ставрос и смотритель Акиндин.

Наступил трагический сентябрь 1462 года. Турки захватили Лесбос.

УСАДЬБА СТАРОСТЫ

Оккупировав остров, турки, как было открыто многим лицам в сновидениях, Карейский монастырь какое-то время не трогали. Староста Василий удалился в свою усадьбу, расположенную за пределами села и называвшуюся Козакос, и жил там как простой крестьянин, возделывая землю.

Я подробно расскажу о снах, из которых были почерпнуты сведения об усадьбе старосты и о его семье.

Весна 1960 года.

Мне приснилось, что я иду в Карейскую церковь, выбрав тропу, ведущую на гору Карея через верхнюю часть нашего села. Миновав колодец и пройдя ещё несколько метров, я оказалась в саду, в том месте, где располагаются владения семьи господина Койнакиса и примыкающий к ним участок Меланфии Пандерманли. Там росло много фруктовых деревьев, а часть земли была засажена салатом и другой огородной зеленью. В нижней части сада, где почва ровная

и её поверхность образует как бы маленькую площадку, на участке Меланфии Пандерманли возвышался двухэтажный дом с зелёными ставнями. У входа в дом, в тени виноградной лозы, я увидела сидящую женщину, а рядом с ней — двух детей. Я в удивлении остановилась, думая, что потеряла дорогу. «Где же я нахожусь? — недоумевала я, ведь эта местность была мне очень хорошо знакома. — Здесь же должны находиться две оливковые рощи, разделённые между собой каменной стеной... Почему же сейчас это один сад, в котором нет никаких маслин?.. И когда была построена эта башенка посередине?..» Вдруг я услышала лай — ко мне бежал маленький рыжий пёс. Одновременно раздался голос женщины, сидевшей у дверей дома. «Мики!.. Мики!..» — кричала она собаке. Я испугалась и бросилась бежать, пытаюсь найти выход из сада. Бежала, не разбирая дороги, и невольно топтала посаженную зелень, лук, салат. И была крайне смущена, когда внезапно увидела перед собой высокого мужчину с мотыгой в руках, которого приняла за садовника. Я стала просить у него прощения:

— Извините, господин. Я сбилась с пути и очутилась в Вашем саду. Испугавшись, что меня укусит собака, бросилась бежать и потоптала Вашу зелень.

— Ты не сбилась с пути, Василики, — ответил он улыбаясь. — А собаки не бойся, не укусит. Она тебя знает, ведь ты часто ходишь этой до-

рогой... И мы все тебя знаем... Пойдём, я покажу тебе, куда идти.

Незнакомец дружески взял меня за руку и проводил к выходу из сада. Мы поднялись по трём невысоким каменным ступеням. Он открыл маленькую железную дверь и вывел меня на дорогу...

Я сразу же узнала это место... Я находилась за участком Меланфии Пандерманли, а передо мной была тропа, ведущая на гору Карея. В то время проезжая дорога туда ещё не была проложена.

Я проснулась в смятении... И объяснить себе этот странный сон никак не могла. «Две оливковые рощи, — размышляла я, — превратились в один сад. Вход в него тот же самый, что и на участок Койнакиса. А выход... там, где конец участка Меланфии Пандерманли». Погрузившись в эти мысли, я пребывала в недоумении достаточно долго, пока меня снова не охватил сон...

Я снова оказалась на том же месте. Стояла и растерянно озиралась по сторонам. И вдруг увидела, что ко мне приближается красивая женщина в длинном тёмно-фиолетовом платье. Подойдя, незнакомка сказала:

— Василики, я объясню тебе сон, который ты видела. Тебе приснилась усадьба старосты Василия. Она называлась Козакос. После того как турки захватили Лесбос, староста вместе с семейством удалился в эту усадьбу и жил здесь как простой крестьянин, возделывая землю.

Мужчина, который проводил тебя к выходу из сада, был он сам. А женщина с детьми, которых ты видела у дверей дома, — это его семья.

С игуменом монастыря и монахами его связывали узы дружбы. Он часто ходил в монастырь. Вот почему турки схватили и замучили их всех вместе.

Я проснулась взволнованная и до утра не сомкнула глаз. Про этот сон я рассказала только мужу и маме. Посоветовавшись, мы решили не сообщать ничего в епархиальное управление — опасаясь, что археолог Харитонидис может потребовать начать раскопки во владениях Меланфии Пандерманли, и тогда нам не избежать неприятностей.

На следующий день, печальная, я отправилась на гору Карея. Но не поднялась наверх, а остановилась около сада Меланфии Пандерманли. Облокотилась на ограду, словно в каком-то забытии, и попыталась представить усадьбу старосты так, как видела во сне. Как раз напротив нынешнего входа на участок, в глубине, на берегу ручья, располагалась небольшая ровная площадка, на которой стояла башенка с зелёными створками окон. Мне так хотелось опять увидеть это место и его святых обитателей, услышать нежный голос женщины, звавшей собаку, ощутить дружеское прикосновение руки старосты, который провёл к выходу из сада... Сама не знаю, сколько времени я так простояла, погруженная в горестные раздумья.

Пятисот лет, разделявших меня с той далёкой эпохой, когда жили эти люди, как бы не существовало. В тот час у меня было такое ощущение, что всё произошло только вчера, что семья старосты — мои близкие, зарезанные турками в Малой Азии в трагические сентябрьские дни 1922 года. Сердце билось так сильно, что, казалось, готово было разорваться, ноги мои подкашивались... У меня не было сил подняться на гору Карея. С душой, исполненной грусти, я отправилась назад в село.

Прошло немного времени.

В одну из тёмных летних ночей на горе Карея состоялось всенощное бдение, длившееся до утра. После литургии, на рассвете, мы все решили спуститься в село. Но наша односельчанка Акиндина Хаджиандониу, женщина верующая и благочестивая, стала просить нас подождать, пока взойдёт солнце, чтобы она тоже могла пойти вместе с нами.

— Почему бы нам, госпожа Акиндина, не отправиться прямо сейчас, ведь уже светает? — спросил её мой муж.

— Потому что, господин Ангелос, я боюсь идти по тропе, которая проходит через владения Меланфии Пандерманли, — отвечала она.

— Чего же Вы боитесь?

— Я видела там привидение... Этот призрак в облике священника был как живой. И внезапно исчез. Мы были вместе с моим мужем Янисом, но тот не видел никого. Время было то же,

что и сейчас. Мы возвращались в село после все-нощной. Янис ехал впереди на осле, вполголоса напевая тропари святым. Я следовала за ним пешком, на некотором расстоянии. На тропе, которая идёт вдоль участка Меланфии Пандерманли, я вдруг увидела позади своего мужа высокого священника. Со спины, в предрассветных сумерках, я приняла батюшку за отца Пахомия. «Ба! Как это отец Пахомий оказался здесь между нами, ведь он не был на всенощной?» — подумала я и ускорила шаг, чтобы его догнать. Но священник... внезапно перескочил через забор на участок Меланфии Пандерманли. Я похолодела от ужаса и стала звать мужа: «Янис!.. Янис!.. Остановись! Скорее сюда!.. Батюшка прыгнул на участок госпожи Меланфии!.. Здесь такая высота, он, наверное, разбился... И зачем ему понадобилось туда прыгать?!»

Крича так, я бежала за мужем, пока не споткнулась и не разбила колени о камни. Янис остановил ослика, слез с него и спросил с изумлением: «Батюшка? Прыгнул через забор? Что он, сумасшедший?.. Я вообще не видел никакого священника...»

Я растерялась, потому что думала, он видел шедшего за ним батюшку... «Янис, — снова обратилась я к мужу, — посмотри внимательно, может, ты увидишь кого-нибудь там, внизу... Вот отсюда он прыгнул... Обязательно должен был разбиться... Я его видела очень хорошо. Это был отец Пахомий».

Янис, свесившись со стены, внимательнейшим образом осмотрел весь участок внизу, вдоль изгороди. Никакого человека там не было — ни лежащего, ни стоящего на ногах. Смотрела и я... Нигде ни души... Тогда я поняла, что видела не живого батюшку, а призрак — того самого, что с давних пор бродит по этим местам в образе монаха... С тех пор одна я никогда не хожу по этой тропе, а тем более в такой час.

Ангелос молча посмотрел на меня. Мы поняли — госпожа Акиндина сподобилась видеть святого Рафаила, который скрылся от неё в усадьбе старосты. Я должна рассказать ей про мой сон, рассеять её сомнения, избавить женщину от страха. И я немедленно сообщила ей о своём сне, попросив сохранить этот рассказ в тайне.

Радость её была неописуемой. Она не удержалась и открыла тайну владелице участка — Меланфии Пандерманли¹.

И вот как-то раз вечером госпожа Меланфия пригласила меня к себе домой и попросила рассказать о виденном мною сне. Я растерялась... но не смогла отказаться, так как она сказала, что ей уже известно об этом сне от Акиндины Хаджиандониу. Осенив себя крестным знаменем, я подробно ей обо всем рассказала.

— Прощу тебя, Василики, — сказала госпожа Меланфия, чрезвычайно взволнованная, — да-

1. Меланфия Пандерманли была коренной жительницей Ферми. — Прим. авт.

вай сходим на участок, и ты покажешь, в каком конкретно месте ты видела двухэтажный дом.

Я охотно согласилась. В тот же вечер мы пошли в её оливковую рощу и я показала ей это место. Она перекрестилась. Видно было, что она очень взволнована.

— Теперь мой черёд, Василики, поведать тебе нечто, — промолвила она. — Много лет тому назад в том самом месте, где ты видела во сне дом, мы стали копать землю, чтобы посадить молодые маслины, и обнаружили фундамент старинного здания... Именно старинного — там были красные кирпичи и каменные плиты византийской эпохи. Мы не решились заявить об этой находке, боялись, что начнутся раскопки. И сторожа нашего попросили никому ни о чём не говорить... Он не проговорился, и о нашей тайне никто не узнал. Что касается размера усадьбы, то и здесь дело обстоит именно так, как тебе приснилось. Это было одно большое турецкое поместье, которое после обмена населением перешло в распоряжение Национального банка. Оно было поделено им на две равные части и передано в качестве компенсации двум семьям беженцев. Спустя время беженцы продали землю, и её купили мы и Койнакис. При турках вход в эту усадьбу и выход из неё располагались именно там, где ты видела. Маслин здесь было мало, и они росли на большом расстоянии одна от другой, поэтому мы добавили к ним молодые саженцы, а кроме того, посадили и кое-

какие фруктовые деревья. С водой для полива проблем у нас не было, потому что, как видишь, здесь на участке есть источник, обильно дающий воду... Это, кстати, ещё одно подтверждение того, что на территории этой усадьбы некогда размещался сад.

То, что я услышала от госпожи Меланфии, одновременно и взволновало и обрадовало меня. Не было больше причин держать в секрете виденный мною сон. На следующий день я записала его и передала в епархиальное управление.

ЧТО ИЗВЕСТНО О СЕМЬЕ СТАРОСТЫ ИЗ СНОВИДЕНИЙ МНОГИХ ЛИЦ

Как-то раз, когда мы, несколько человек, молились за всеобщим бдением в Карейской церкви, снаружи раздался душераздирающий детский крик. Тогда мой муж и епархиальный богослов Климис с зажжёнными свечами вышли из храма и отправились на поиски, думая, что это какая-то женщина и её ребенок, поднимавшиеся на гору Карея, свалились с обрыва. Но когда обнаружилось, что в округе нет ни души, мы были поражены, не зная, как объяснить случившееся, ведь крик отчётливо слышали все.

Семья старосты Василия, помимо него самого, состояла из четырёх человек. Это его жена Мария, их двенадцатилетняя дочь Ирина, одиннадцатимесячный сын, который был крестником святого Рафаила и назван в его честь, и пятнадцатилетняя племянница — сирота Елена.

В ноябре 1961 года мне приснилось, что я захожусь на горе Карея. Войдя в церковь, я уви-

дела девушку, молившуюся перед иконой Спасителя — бледную, черноволосую, с очень красивым лицом. На вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать. Я подошла к ней и тоже стала молиться. Девушка обернулась ко мне и, бросив на меня печальный взгляд, сказала:

— И я мученица, Василики. Конечно, не такая, как Ирина. Но и мне пришлось много пострадать. Я жила в семье старосты, поэтому, когда их мучили турки, я была вместе с ними. Меня изнасиловали и жестоко избили. Я умерла от боли и потери крови...

Я проснулась с чувством глубокой скорби. Бледное, страдальческое лицо девушки и её печальный взор стояли у меня перед глазами и разрывали мне сердце. «О, Господи, вот и ещё одно Твоё создание, замученное на горе Карея! — думала я. — Но пока не буду ничего сообщать об этом сие в епархиальное управление. Если это действительно новая мученица, может, она приснится ещё кому-нибудь... Кто же такая, эта Елена, жившая в семье старосты? Может быть, их служанка — ведь они были люди богатые...» Целый день меня не покидали эти мысли и вопросы. О своём сновидении я рассказала только супругу и маме. Они тоже посоветовали мне пока что хранить молчание, дожидаясь, не будет ли ещё кому откровения. Но сон, приснившийся мне на следующую ночь, объяснил увиденное накануне и положил конец моим раздумьям и колебаниям.

...Я очутилась в нашей сельской церкви. Вижу: из северных врат алтаря выходят трое батюшек. Медленно идут и останавливаются посередине храма. Я узнала святого Рафаила и святого Николая. Третий был мне незнаком. Сразу же за ними вышла круглолицая девушка в розовом, длинном до пят платье. Она встала перед образом святой великомученицы Варвары, что на иконостасе, и сказала мне:

— Василики, стань рядом и молча слушай, а я тебе буду рассказывать и объяснять.

Я в волнении опустилась около её ног на колени, ибо поняла, что это святая Варвара. А из тех же алтарных врат стали выходить разные люди и подходить к святым. Первым показался мужчина среднего роста в длинном сером пиджаке.

— Это учитель Фёдор, умученный вместе с монахами.

За ним следовал другой мужчина, высокий, дородный.

— Староста Василий, — снова проговорила великомученица.

Затем вышли женщина лет сорока и две девочки. Я узнала их. Это были святая Ирина и Елена, которую я видела в предыдущую ночь. Молча, с волнением, я взидала на них, а святая Варвара молвила:

— Это супруга старосты Мария, её дочь Ирина и племянница Елена. Почему вчера, когда она тебе приснилась, ты решила никому об этом не говорить? Елена — мученица, и она тоже хо-

чет, чтобы её поминали. Её звали Елена, но также называли Сюзанной... Это её второе имя. Все замученные на горе Карея — святые.

На следующий день утром я записала свой сон и передала в епархиальное управление через священника нашего села, отца Евфимия Цолоса.

Первого февраля 1962 года мученицу Елену увидела во сне и Мария Цолаки. Девушка предстала ей точно такой же, какой видела её и я, и сообщила о себе некоторые дополнительные подробности.

— Я, — сказала она, — приходилась Ирине двоюродной сестрой. В три года осталась сиротой. Мария, жена старосты, и моя мама были родные сёстры, поэтому, когда я осиротела, староста Василий с супругой взяли меня к себе и любили, как свою собственную дочь. Я была на три года старше Ирины, и мы были как две сестры...

Ирину подвергли страшным мукам. Сначала ей отрубили одну руку — и бросили к ногам родителей. Потом ногу... Мучили и иным образом и, наконец, заживо сожгли. Вопль, который вы слышали ночью во время всенощной, — это был крик, вырвавшийся из её груди, когда турки стали её пытаться.

Рассказывая нам свой сон, Мария Цолаки была сильно взволнована. Как она говорила, печальный лик Елены и слёзы в глазах рвали на части её сердце.

За девять лет, которые святые Рафаил и Николай прожили в Карейской обители, крепкие узы дружбы связали их с семьёй старосты и учителем села Ферми Фёдором.

УЧИТЕЛЬ ФЁДОР

Учитель являлся во сне многим людям. Но первым, кому он открыл своё имя и рассказал об истязаниях, которым подвергли его турки, был двенадцатилетний тогда Костас Псирукис.

— Сначала, — сказал учитель, — меня жестоко мучили, а потом отсекли голову и положили между ног. Как нашли христиане на следующую ночь мой окоченевший труп, так и похоронили — с головой между ногами.

Во сне, который видела Мария Цолаки, учитель Фёдор сообщил, что родом он из Эпира¹ и в то время, когда Бог сподобил его мученичества, он жил в Ферми один — его семья находилась на родине. Во сне Акиндины Хаджиандониу учитель сказал:

— Акиндина, передай своему зятю², пусть почаще водит учеников на гору Карея — поклониться святыням и помолиться. И я часто водил их туда, в монастырь, даже во время турецкой оккупации.

1. Северо-западная часть Греции. — Прим. перев.

2. Директору Фермийской начальной школы Елевферию Дигдикису. — Прим. авт.

Он показал ей Карейскую церковь такой, какой она была до разорения обители... А потом женщина видела его стоящим в этом храме перед иконой Пресвятой Богородицы в окружении множества детей и поющим вместе с ними акафист Божией Матери.

ВОССТАНИЕ ХРИСТИАН НА ЛЕСБОСЕ В 1463 ГОДУ

В 1462 году турки захватили Лесбос, а в апреле 1463 года на Лесбосе началось христианское восстание. Многие христиане ушли в горы. Из Малой Азии туркам прислали подкрепление, и восстание было подавлено.

Об этом восстании я впервые услышала из уст Самой Матери Божией в 1960 году, в сневидении. То, что оно действительно было, подтвердил и святой Рафаил, явившись во сне нашей односельчанке Мирте Амманиту, которая не верила нашим снам, считая, что христиане, запуганные турками, не могли поднять восстание, и всем советовала не обращать внимание на «всякие глупости». И вот в конце 1961 года она увидела во сне святого Рафаила, и святой сказал ей:

— Было восстание, Мирта. Не сомневайся. К нему лесбосских христиан подтолкнули франки, пообещавшие послать корабли с войсками и боеприпасами для того, чтоб разгромить турок и освободить остров. Надеясь на это и горя жаж-

дой свободы, христиане подняли мятеж и ушли в горы. Франки обещали, что их корабли войдут в гавань Пломари¹, и там высадятся войска. Но, к сожалению, они обманули нас... Повстанческое движение было потоплено в крови. Из тех смельчаков, что находились в горах, одни вступили в сражение с турками и были убиты, другие ночью тайно вернулись в свои дома, третьи не возвратились в село, но остались жить в горах, в пещерах. Турки, подозревая, что повстанцы нашли прибежище в монастыре и что мы были с ними как-то связаны, подвергли нас пыткам и сожгли обитель. Мы все, Мирта, пострадали за Веру и Отечество.

До глубины души взволнованная и потрясённая этим сном, женщина немедленно отправилась в епархиальное управление и рассказала обо всём митрополиту. О своём сне она сообщила и военному коменданту Лесбоса Целекису. И вообще повсюду рассказывала о нём. Так что, когда в 1963 году, во вторник Светлой седмицы, на горе Карея состоялась первая торжественная литургия, на которой присутствовало множество народа, представителей власти и военных, которые во время крестного хода несли раки с мощами, покрытые греческими флагами, военный оркестр играл марш и национальный гимн. «Святым, — сказал митрополит в своей проповеди, — воздали почести как героям, павшим за Веру и Отечество».

1. Населённый пункт на южной оконечности Лесбоса. — Прим. перев.

Этот день запомнился мне навсегда. Не было тогда человека, чьё сердце не охватил бы священный трепет и чьи глаза не увлажнились бы слезами.

Расскажу ещё о двух снах, имеющих отношение к восстанию христиан на острове Лесбос.

В декабре 1961 года Костас Канелос увидел во сне святую Ирину. Она сказала ему:

— Нас, Костас, убили не те турки, которые жили в нашем селе, а другие — приплывшие на паруснике из Малой Азии. Узнав, что к пристани села причалил корабль, наполненный турецкими солдатами, мы сразу же побежали в монастырь, чтобы укрыться самим и предупредить монахов. Новость о том, что прибыли турки, принёс нам учитель и вместе с нами отправился в обитель. Вот почему нас всех вместе схватили и замучили. Успел убежать в горы и спастись только один инок — отец Ставрос, который потом похоронил нас. Но и его впоследствии турки поймали и умертвили. По горам рыскали отряды, вылавливавшие повстанцев. Отец Ставрос тоже погребён на горе Карея... Двое христиан из нашего села взяли его тело и ночью тайно закопали во дворе разрушенного монастыря.

Мне тоже приснился сон, из которого стала известна еще одна подробность. В усадьбе старосты я увидела святого Рафаила. И вот что он мне сказал:

— Василики, в Ферми был некий врач-немец по фамилии Швейцер. Когда турки захватили

Лесбос, он сразу же стал их лучшим другом и советчиком. Это он сказал им, что мы тоже связаны с повстанцами, а заодно с нами, мол, и староста с учителем. Он был переводчиком, когда турки, поднявшись в монастырь, допрашивали нас, прежде чем начать мучить. Швейцер всё время был с ними, вплоть до нашей мученической кончины.

Многим людям в снах было открыто, что монах Ставрос и монастырский смотритель Акиндин успели уйти и скрыться на горе Пандерса до прихода турок. Сам святой Рафаил велел им бежать, чтобы спастись.

— Вы похороните меня, — сказал он им, прозревая свою мученическую кончину.

Как явствует из сна Марии Цолаки, святой благословил уходить и старосте с учителем, но те не хотели его покинуть. Они и представить не могли, какие муки их ожидают.

Из снов мы узнали и о том, что днём, когда турки пленили святых, была Страстная Пятница.

В 1960 году моей маме приснился диакон Николай. Он сказал ей, что последнюю литургию они отслужили в Великий Четверг. А в Страстную Пятницу турки схватили их и мучили вплоть до вторника Светлой седмицы.

Во сне Марии Цолаки одетая в чёрное Жена сказала:

— В Великий Четверг святой Рафаил служил литургию в последний раз. Потом он спрятал

в тайнике все монастырские святыни, в том числе и чудотворную икону Божией Матери. В Великий Пяток святые страдальцы были схвачены турками, и начались их мучения, которые продолжались до вторника Пасхальной седмицы.

Во сне Мирсини Дургуна Пресвятая Богородица сказала, что в Великую Пятницу начались страдания святого Рафаила, а закончились они на Светлой седмице — ночью с понедельника на вторник. На часах было без пятнадцати минут двенадцать, когда он предал свой дух Господу.

Во сне Марии Баламбани, жительницы села Пирги, святой Рафаил сказал, что он в Великий Четверг последний раз отслужил литургию и сокрыл в тайнике обители все священные предметы, некоторые иконы и лучшее своё облачение. Там же в один из ящиков он положил список имён почившей монастырской братии, которые поминались за последней литургией. «В Великий Пяток, — сказал он, — турки схватили нас. Мы тогда совершали чин погребения Плащаницы Спасителя. Как разъярённые звери, они ворвались в церковь и остановили службу».

ДАТА МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ СВЯТОГО РАФАИЛА

Приближалась Пасха 1960 года. Общим желанием жителей Ферми было совершить праздничную литургию в новопостроенной Карейской церкви во вторник Светлой седмицы, как это было заведено ещё во времена турецкого ига.

— В этот день у нас был праздник, господин Ангелос, — говорили фермийские старики, — но потом Хасан-эфенди запретил его, потому что как-то раз во время праздничного застолья убили турка. С тех пор служили только литургию.

Священник нашего села отец Евфимий Цолос и члены приходского совета считали, что литургию надо совершать 8 сентября — на праздник Рождества Пресвятой Богородицы, так как первая литургия в новом храме была отслужена именно в этот день. Мой супруг считал так же.

Когда обсуждался этот вопрос, я заметила:

— Я тоже считаю неразумным обычай фермийцев устраивать праздничную службу в Карейской церкви во вторник Светлой седмицы, а не в понедельник, как это традиционно делается повсюду.

Но в ту же ночь мне приснился святой Рафаил. Мы находились в церкви на горе Карея, и он мне сказал:

— Василики, старые жители Ферми поступали не так неразумно, как тебе кажется, когда каждый год во вторник Светлой седмицы совершали в этом храме литургию. Это день нашего погребения. В годовщину нашей мученической кончины христиане тайно поднялись сюда, на гору, и отслужили заупокойную службу среди развалин церкви. С той поры и зародилась традиция служить здесь ежегодно литургию во вторник Пасхальной седмицы. С течением времени о нашем мученичестве забыли, а обычай совершать литургию у жителей Ферми сохранился.

Он на минуту умолк, устремил на меня печальный взор и добавил:

— День моей мученической кончины — 9 апреля 1463 года. Я хочу, чтобы 9 апреля вы всегда служили литургию и освящали коливо.

На следующий день я рассказала о своём сне отцу Евфимию и членам приходского совета, и было принято решение совершить праздничную службу во вторник Светлой седмицы, продолжив тем самым издревле сложившуюся в Ферми традицию. Итак, вторник Светлой седмицы, как явствовало из сна, был днём погребения мучеников, а в Страстную Пятницу они были пленены турками.

Указывая на 9 апреля как на дату своего мученичества, святой Рафаил не уточнил, имеется

ли в виду начало или конец мучений. Во сне Мирсини Дургуна Пресвятая Богородица сообщила, что страдания святого Рафаила длились три дня, пока, наконец, его не умертвили в ночь с понедельника на вторник. Это значит, что истязать его начали в Великую Субботу. Это подтвердил сон Панайотиса Бакаса. Он видел святого Рафаила сидящим на земле во дворе монастыря в окружении турок, которые со звериной яростью допрашивали его.

Приснившись мне, святой Рафаил тоже подтвердил, что сначала им учинили допрос через переводчика, врача-немца Швейцера. (Но когда турки не добились от нас желаемых признаний, — сказал святой, — они стали нас мучить. Но никто из нас не отрёкся от Христа и не выдал повстанцев-христиан, ушедших в горы).

Как явствовало из сна Костаса Псирукиса, трагедия Карейского монастыря завершилась утром во вторник Пасхальной Седмицы — когда турки взорвали обитель и покинули гору Карея...

МУЧЕНИЧЕСТВО СЕМЬИ СТАРОСТЫ И УЧИТЕЛЯ ФЁДОРА

Первой жертвой зверства турок стал одиннадцатимесячный сын старосты младенец Рафаил. Ребёнка вырвали из рук матери, швырнули на землю и принялись топтать ногами, превращая его нежное тельце в кровавое месиво. Мать же, привязав к дереву, заставили смотреть на страдания своих чад, чтобы вынудить рассказать всё, что ей известно о повстанцах.

Второй жертвой стала двенадцатилетняя Ирина.

Из двух снов мы узнали страшные подробности страдания детей старосты.

Сон первый

В мае 1961 года мне приснилась святая Ирина, стоящая во дворе Карейской церкви. Сначала я не узнала её. Передо мной была очень красивая белокурая девочка с лазурными глазами и румяными щеками. Ротик у неё был маленький, губки напоминали полураскрывшуюся красную розу.

«Какая красивая девочка!» — подумала я, с восхищением взирая на незнакомку. Та же, улыбаясь, приблизилась и пристально посмотрела на меня, словно хотела мне что-то сказать.

— Ты чья, девочка? — спросила я.

— Я дочь старосты, Ирина, — последовал ответ, — та самая, которую замучили здесь турки.

— Ирина!.. — взволнованно воскликнула я и, плача, заключила девочку в свои объятия. Она тоже обняла меня и со слезами на глазах стала рассказывать мне о своих страданиях,

— Чего мы только не претерпели здесь от турок! — говорила она. — Каким страшным пыткам они нас подвергли!.. Мне сначала отрубили руку и бросили её к ногам родителей, потом, разжав зубы, лили в рот кипяток и, наконец, ещё живую, сожгли в большом глиняном сосуде, стоявшем во дворе монастыря. Мою маму привязали к дереву, чтобы она смотрела на мои страдания... Она плакала, кричала от отчаяния, пыталась вырваться. Она не выдержала таких мук, у неё случился разрыв сердца... Отец мой перенёс все пытки, которым его подвергали, пока, в конце концов, турки не зарезали его... Но, несмотря ни на что, мама и папа не стали предателями ни веры нашей, ни наших соотечественников, ушедших в горы...

В этот момент я увидела, что ко мне приближается какая-то красивая статная женщина и печально взирает на меня.

— Это моя мама, — сказала святая Ирина.

Я молча окинула взглядом страдальцу-мать. Острая боль пронзила моё сердце... С этой болью в груди, с этой душевной мукой я и проснулась. Образы святой Ирины и её матери так хорошо запечатлелись в моей памяти, что несколько не потускнели за долгие годы, прошедшие с той поры.

Сон второй.

В октябре 1961 года Марии Цолаки приснилась красивая статная женщина. Она стояла во дворе церкви на горе Карея. Мария с любопытством стала приглядываться к незнакомке, а та ей сказала:

— Знаешь, кто я? Я — мать Ирины. Моё имя Мария. Как же мы пострадали здесь от турок!.. Мы поднялись сюда, на гору, чтобы спрятаться, но нас схватили вместе с монахами. На наших глазах стали мучить Ирину... Схватили и другого ребёнка, который был у меня на руках, — младенца Рафаила. Бросили его на землю и топтали ногами, пока не убили. А так как я кричала и порывалась его отнять, меня привязали к дереву. Когда истязали Ирину, меня охватило такое отчаяние, что сердце моё не выдержало и разорвалось. Так что других пыток мне не пришлось претерпеть. А вот муж мой перенёс страшные мучения.

Сказав это, она показала Марии картину их страданий. Мария увидела её с младенцем

на одной руке, другой державшую за руку Ирину. Внезапно появились люди в турбанах и, словно звери, вырвали из её объятий младенца, швырнули его наземь и стали с яростью топтать ногами. Мать с криком бросилась к ребёнку, но её оттолкнули и привязали к дереву; она вопияла, рыдала, билась в конвульсиях... Картина была настолько трагической, настолько страшной, что Мария проснулась с плачем, и всякий раз плакала, вспоминая этот ужас.

Староста Василий вынес все пытки, вплоть до последней, когда турки зарезали его.

Явившись во сне иеромонаху Пахомию (Суюлдзису), сам староста сказал так:

— Я, отец Пахомий, дважды стал мучеником... Сначала мучилась моя душа, когда у меня на глазах истязали и убивали моих детей, а потом мучилось тело.

Повествуя о страданиях старосты Василия, расскажу подробно и о своём собственном сне, который я видела два года тому назад, когда писала рассказ о горе Карея, чтобы послать его в Ларису священнику Павлу Цукнидасу.

Мне приснился учитель Фёдор, замученный вместе со святыми. И вот что он сказал:

— Василики, староста Василий — великомученик. Его подвергли страшным истязаниям: отрезали нос, уши, детородные органы, выкололи

глаза. И, наконец, злодеи зарезали его, как ягнёнка, обезглавили. Тело ещё продолжало дёргаться в конвульсиях, а они в это время приставляли отрезанную голову к окровавленной шее, злобно скалясь и издеваясь: «Вот он, Василий, представитель местной знати!»... Сначала убили его, потом меня.

Я проснулась сама не своя... И подумала, что, наверное, видела этот сон не случайно, а для того, чтобы дополнить свой рассказ повествованием о мучениях старосты, этого страдальца-отца, на глазах которого с особым зверством истязали и убивали его детей.

После убийства старосты начали мучить учителя Фёдора.

В 1961 году, явившись во сне Костасу Псирукису, мученик Фёдор сказал:

— Костас, меня турки мучили очень жестоко... Отрезали детородные органы, затем отрубили голову и засунули её между ног. В таком виде нашли христиане на следующую ночь мой окоченевший труп, и так похоронили.

Страдания святого Рафаила нельзя передать словами!...

В одном из снов моей мамы в 1960 году святой Рафаил сказал ей:

— Я последний предал свой дух Господу. Демоноподобные палачи не торопились убивать меня, полагая, что им всё-таки удастся добиться

нужных им признаний. В конце концов они меня зарезали, ударив в рот резакom.

В феврале 1962 года святой Рафаил явился во сне Марии Цолаки и произнёс такие слова:

— Наша история — это пытки и кровь. Умученные вместе со мной пострадали ради меня, потому что не захотели меня покинуть. Одиннадцатимесячный сынишка старосты, которого турки вырвали из рук матери и на её глазах растоптали, был моим крестником. Я дал ему своё имя. Также один врач-иностранец по имени Александр, близкий мой друг, который очень меня любил, когда услышал, что турки поднялись на гору, в монастырь, и учинили там погром, немедленно побежал туда — узнать, что со мной. Он появился в тот момент, когда меня умерщвляли. Его глазам предстала ужасная картина; он помрачился рассудком и покончил с собой. Его похоронили здесь же.

Бог управил так, что во всей этой истории с откровениями о событиях на горе Карея одни сны с течением времени дополняли, а иногда и исправляли другие. Так вот моей маме позже было открыто во сне, что у Александра в тот момент, когда он предпринял попытку наложить на себя руки, отказало сердце, не выдержав душевных терзаний, и он пал на землю бездыханным среди других трупов.

Из снов Фотиса Лицаса об Александре стало известно следующее. Родом он был из Западной Европы, обучался медицине и философии во

Франции. Со святым Рафаилом его связывали крепкие узы дружбы, он часто посещал обитель. Под влиянием святого Рафаила Александр перешёл из католичества в Православие. Он восхищался широтой познаний святого и любил его, как родного отца. Поэтому, увидев, что турки пилят ему рот, он не выдержал... Сознание его помрачилось, он выхватил нож и ударил им себя в грудь.

Умертвив святого Рафаила, турки взорвали монастырь и ушли. Ужасная картина разрушения обители была явлена во сне Костасу Псирукису в 1960 году, о чём я уже подробно писала выше. Во вторник Светлой седмицы, как явствует из многочисленных сновидений, на горе Карея не осталось ничего кроме ещё дымящихся развалин и лежащих среди них окровавленных тел мучеников.

В ночь со вторника на среду, как рассказывал святой Рафаил, являясь в сновидениях мне, моей маме, Марии Цолаки, сёстрам Дургунa, Костасу Канелосу, Никосу Фикьясу и другим людям, с гор тайком спустились монахи Ставрос и монастырский смотритель Акиндин. Пришли и некоторые христиане из села, среди которых находился и некий старый священник, отец Савва, и погребли мучеников — святого Рафаила, как игумена, в разрушенной церкви, а остальных во дворе.

ТРАГЕДИЯ МОНАХА СТАВРОСА И СМОТРИТЕЛЯ АКИНДИНА

Похоронив мучеников, монах Ставрос и смотритель Акиндин вернулись в своё убежище — пещеру старца Иосифа на горе Пандера.

Во сне Костаса Канелоса в 1961 году святая Ирина о монахе Ставросе рассказала следующее:

— Турки, зная, что в обители был ещё один монах, выслали несколько отрядов на его поиски. В конце концов его поймали и убили, подвергнув перед этим самым жестоким истязаниям. Двое христиан из Ферми тайком взяли его тело и захоронили ночью на горе Карея, во дворе разрушенного монастыря. Они спешили, поэтому не устроили специальной гробницы, а просто закопали тело в землю.

А в начале лета 1961 года сам монах Ставрос явился во сне Мирте Амманиту — настолько измождённый, одетый в изодранную рясу, что походил на скелет или бесплотную тень. Он сказал испуганной его видом женщине:

— Не бойся, Мирта. Я — монах Ставрос, я уже являлся тебе однажды и рассказывал о себе. Пос-

ле уничтожения турками нашей обители мы с Акиндином жили в пещере старца Иосифа на горе Пандера. Отец Рафаил незримо присутствовал с нами и укреплял нас, и мы просили у Бога, чтобы нам скорее покинуть сей мир и упокоиться рядом со святым. И через несколько месяцев, Мирта, Господь сподобил нас мученической кончины... Турки, схватив нас, сначала жестоко истязали, чтобы выведать, где скрываются другие христиане, ушедшие в горы, а потом умертвили.

Мирта, по её словам, была так потрясена увиденным, что потом без слёз не могла вспоминать измождённого монаха Ставра и его горестные слова. Она просила Дуку Цолакиса и Костаса Канелоса проводить её на гору Пандера, чтобы поискать там пещеру, о которой ей дважды во сне говорил монах, и помолиться на этом святом месте. Но мужчины не решались выполнить её просьбу, боясь, как бы не случилось чего с этой уже пожилой женщиной во время подъёма на труднодоступную гору, и им не пришлось отвечать перед её родственниками¹.

Фотису Лицасу во снах смотритель Акиндин поведал о том, как был пленён монах Ставрос.

— Это случилось, — сказал он, — пятнадцатого августа, в канун праздника Успения Божией Матери. Отец Ставрос дерзнул спуститься ночью

1. Близкие Мирты Амманиту не верили в новоявленных святых и насмехались над всем происходящим. Поэтому Мирта, хотя и рассказывала нам с большим волнением о своих снах, которые в своё время её саму привели к вере, но письменного свидетельства составить не решалась, опасаясь насмешек сына. — Прим. авт.

в село, думая, что его в нищенском обличье никто не узнает. Но его увидел немец-врач Швейцер, сразу же узнал и выдал туркам. Турки начали пытать инока, требуя, чтобы он сказал, где скрываются другие христиане, ушедшие в горы. Не выведав у него ничего, они казнили его посреди рыночной площади. Два дня обезглавленное тело монаха лежало на улице, и никто из христиан не осмеливался к нему приблизиться. Только верный пёс отца Ставроса сидел рядом и жалобно скулил. А на следующую ночь двое христиан, рискуя жизнью, взяли его тело, тайно отнесли на гору Карея и закопали во дворе разорённой обители. Через несколько дней турецкий отряд схватил и меня — турки обнаружили пещеру, следив, куда бежит наша собака.

Как было открыто в сновидениях мне, моей маме и другим нашим односельчанам, турки жестоко мучили Акиндина на горе Пандера, потом зарезали его и ушли, оставив растерзанное тело на месте казни.

— Трое христиан-повстанцев, из тех, что скрывались в горах, — сказал Акиндин, — взяли моё бездыханное тело, отнесли ночью в нашу сожжённую обитель и похоронили на монастырском кладбище — рядом с моей матерью Мельпоменой и отцом.

Итак, Акиндин стал последней жертвой страшной карейской трагедии. Его невинной кровью написана заключительная страница поразительной истории горы Карея, этой второй Голгофы.

ДОМ АРИФА

После уничтожения монастыря на горе Карея это место пришло в запустение.

Один турецкий ага¹, предок Хасана-эфенди, завладел участком, на котором находились руины обители. «Этот ага, — сообщил нам в сновидениях святой Рафаил, — использовал камни и куски мрамора, оставшиеся от разрушенной церкви, для строительства своего роскошного особняка в селе».

Это и был дом Арифа, который был потомком сего турецкого вельможи. Как я уже говорила в начале своего повествования, дом был покинут владельцами, ибо они полагали, что в нём живут привидения. Тот же «призрак» в облике монаха, которого видели на горе Карея, появлялся и здесь. Этим «добрым духом» (именно так называли его турки и греки) был святой Рафаил, который, как он говорил нам об этом в снах, получил от Бога повеление кадить камни и мраморные плиты из их церкви, особенно в субботу вечером и накануне праздников.

1. Богач, вельможа. — Прим. перев.

В доме Арифа, пустовавшем долгие годы, разместились беженцы из Малой Азии. По-видимому, была воля Божия на то, чтобы я именно здесь появилась на свет, и чтобы монастырская земля, политая кровью стольких мучеников, досталась моей матери, страдальце-беженке, чтобы она вернулась к тем, кто напитал её своей мученической кровью, и снова возродилась их обитель.

ОБРЕТЕНИЕ СВЯТЫНЬ НА ГОРЕ КАРЕЯ

Январь 1960 года.

Первая находка. Челюсть святого Рафаила

Являясь многим во сне, святой Рафаил стал упоминать о могиле диакона Николая, которая, как он говорил, находится слева от новопостроенной церкви. Поскольку на конкретное место он ещё не указывал, археолог Харитонидис не давал своего разрешения на раскопки.

Однажды ночью святой Рафаил приснился Марии Цолаки. Рассказывая женщине о перенесённых им страданиях, святой остановился на некоем месте двора позади нового храма и сказал, что именно тут он был убит и хотел бы, чтобы копали здесь¹.

Когда Мария сообщила нам о своём сне, Ангелос немедленно поставил в известность протосингела Никодима (Анагносту) (митрополит тогда уехал по делам в Афины).

На следующий день моя мама вместе с Дукой Цолакисом и его женой Марией поднялась на

1. На то конкретное место, где турки умертвили святого Рафаила, было указано и во сне Мирсини Ликардопулу. — Прим. авт.

гору Карея к церкви, чтобы помолиться там. Около храма они встретили ещё одного жителя нашего села — Георгия Миконьятиса. Как рассказывала потом мама, некая неодолимая сила подталкивала её немедленно начать раскопки на том месте, о котором говорила Мария. И она стала просить об этом Дуку. Тот сначала не соглашался, памятуя о запрете, наложенном археологом. Но мама настаивала, говоря, что вся ответственность ложится на неё, как на владелицу участка. Она возлагала надежду и на отца Никодима (Анагносту), который неизменно оказывал нам поддержку и был нашей опорой в противодействии общей атмосфере неверия.

Наконец ей удалось уговорить Дуку и он начал копать. Примерно через полчаса показался очень большой камень. Дука сначала принял его за выступ скалы, но, окопав по краям, увидел, что камень не уходит глубже в почву. Это была угловая часть стены какого-то здания. Ценой невероятных усилий (будто кто-то приумножил его силы — так он сам говорил) Дуке удалось его поднять. И тогда все увидели лежавшую под камнем человеческую челюсть, с краю расколотую, с двумя зубами.

— Смотрите, челюсть!..— раздались удивлённые восклицания.— Может, рядом находятся и другие кости?

Чтобы проверить это, Дука, невзирая на усталость, продолжил работу. Копал ещё какое-то время, но больше ничего не нашёл.

Мария с выражением брезгливости на лице отнесла и положила находку под одну из маслин. В это время стал накрапывать дождь. Дукка быстро забросал выкопанную яму землёй, и все, не скрывая своего разочарования, вернулись в село.

На следующий день утром Мария, взволнованная и испуганная, прибежала к нам домой и рассказала о сне, который увидела в эту ночь.

Ей предстал святой Рафаил.

— Почему, — сказал он строго, — ты побрезговала челюстью, которую вы нашли? Она принадлежит мне. Когда турки резали мне рот, то сломанную и окровавленную челюсть они отбросили в сторону. Она осталась лежать на земле чуть поодаль от бездыханного тела... Когда христиане на следующую ночь погребали меня, они не заметили этого и не положили челюсть в могилу. Ты же вместе с Василики и Ангелики омывала мои косточки и не брезговала. Что же побрезговала сейчас? Идите завтра утром омойте челюсть и положите её в ковчег рядом с другими костями.

В тот же час, не теряя времени, мы с Марией и одной нашей подругой, Мариамной Орфанелли, отправились на гору Карея. Дорогой очень переживали — найдём ли святыню, ведь ночью был сильнейший ливень, и водой её могло смыть в реку — место-то там покатое.

Опасения, к счастью, оказались напрасными. Челюсть лежала под маслиной, где Мария и ос-

тавила её. Приложившись с плачем к святыне, мы омыли её, вытерли куском чистой ткани, окладили и временно положили в церкви на подоконник, чтобы она хорошенько просохла, а сами сели рядом. Мы сидели молча, погрузившись в раздумья, отрешившись от всего земного. На глазах у нас были слёзы. Мысленно каждая из нас обратилась к тем страшным мгновениям, когда турецкая пила вонзалась в уста святого Рафаила — уста, проповедавшие слово Божие, ведущие людей ко спасению, уста, которые осеняла кроткая улыбка, утолявшая боль страждущих сердец, уста, до последней минуты славившие и воспевавшие Бога!.. Мы живо ощущали, что любимый наш святой Рафаил находится сейчас где-то рядом, совсем близко. Мы чувствовали его присутствие в своём сердце!..

Через какое-то время в храм пришли мой супруг и протосингел Никодим (Анагносту). С трепетом и благоговением они облобызали новоявленную святыню, и отец Никодим сам положил её в ковчег вместе с остальными мощами мученика.

Начало марта 1960 года.

Вторая находка. Глиняный сосуд, в котором турки заживо сожгли двенадцатилетнюю дочь старосты

Одна благочестивая жительница нашего села, Виргиния Адам, во сне увидела в некоем месте церковного двора обугленные кости. На её во-

прос: «Чьи они?» — одетая в чёрное Жена ответила, что это останки мученика. О своём сне женщина рассказала священнику Ферми, членам приходского совета, моему супругу и Дуке Цолакису.

Поскольку в тот период участились сны, в которых упоминалась могила святого диакона Николая, мы предположили, что сон Виргинии Адам тоже имеет к ней какое-то отношение, и испросили у археолога разрешение на небольшие раскопки, только в том конкретном месте, где она видела лежащие на земле кости (до сих пор такого разрешения он нам не давал, так как никто не мог указать ему точного места предполагаемых раскопок).

Ранним утром 3 марта 1960 года Дука начал копать — с верой и воодушевлением. Выкопав уже достаточно глубокую яму, он начал извлекать из земли разного рода предметы или их отдельные части: разбитые лампы, стеклянные подвески от паникадила, святую лжицу, глиняную домашнюю посуду (кружки, чашки и т.п.). Всё указывало на то, что некогда здесь жили люди и на них обрушился страшный пожар. Поэтому что повсюду, даже на камнях, которые доставал Дука, был слой чёрной копоти!.. На глубине от полутора до двух метров показались три глиняных сосуда, стоявших один подле другого, — два небольших, а третий очень большой. На дне большого находились два чёрных, почерневших от огня камня, а под ними несколько детских косточек — берцовая кость и рёбра,

полустгоревшие, обугленные, точь-в-точь такие, какие видела во сне Виргиния Адам. Все мы в буквальном смысле слова растерялись. Никто в тот момент даже и не вспомнил о снах, в которых шла речь о дочке старосты, заживо сожжённой турками!..

Мы молча удивленно взирали друг на друга. В глазах каждого читалась и скорбь, и разочарование. Все так жаждали обнаружить могилу диакона Николая, на которую указывали сновидения, а вместо этого был найден какой-то горшок с несколькими обугленными косточками!.. Что мы скажем археологу?

Мария Цолаки, видя наше огорчение, решила пошутить и сказала с улыбкой:

— Ну вот, кого-то здесь, значит, убивали, а кого-то поджаривали.

Ответом ей было общее молчание. Дука с выражением печали на лице аккуратно собрал косточки и отдал мне.

Я положила их в картонную коробку от свечей, которую нашла в храме, и поставила её на подоконник. Какое-то время мы ещё посидели во дворе церкви, беседуя. Каждый высказывал своё мнение. Все недоумевали по поводу того, почему найденных косточек так мало. Мы и представить себе не могли, что очень скоро святой Рафаил и святая Ирина разрешат все наши недоумения!..

На следующий день на гору Карея поднялся археолог. Он осмотрел горшки, разбитую посу-

ду, предметы церковного обихода, заявил, что найденное относится к византийской эпохе, взял с собой всё, что мог унести, и ушёл, не преминув перед этим сказать, что не разрешает нам больше проводить никаких раскопок, пока мы не сможем с уверенностью указать точное месторасположение могилы святого Николая.

В ту же ночь Мария Цолаки увидела во сне святого Рафаила — настолько разгневанного, что проснулась, вся дрожа от страха. Он сжал её руку и встряхнул, произнеся такие слова:

— Почему ты рассмеялась, когда был найден сосуд с обгоревшими костями? Если бы ты знала, с какой трагедией вы соприкоснулись, твоё сердце разорвалось бы на части! В этом горшке турки сожгли живую дочку старосты Ирину², а ты, увидев её обугленные косточки, стала смеяться! Девочку на глазах родителей подвергли жесточайшим мучениям... а тебя разобрал смех, когда обнаружили её останки!..

Он встряхнул её с такой силой, что она подскочила и села на кровати, дрожа всем телом от ужаса. Рука Марии болела потом дней десять, и женщина проливала горячие слёзы раскаяния, моля святого простить её.

Спустя несколько дней мне приснилась святая Ирина в белом до пят платье. Она печально посмотрела на меня и сказала:

2. Именно в этом сне святой Рафаил в первый раз открыл имя мученицы, назвав её Ириной. Красивая, как ангел, девочка и прежде являлась в сновидениях, но, как её зовут, мы до того времени не знали. — Прим. авт.

— Ты себе и представить не можешь, Василики, какую страшную боль я испытала!.. В этом сосуде турки заживо сожгли меня. Когда христиане ночью спешно погребали нас, они достали мои косточки из сосуда и положили в могилу рядом с местом захоронения отца. Те несколько косточек, которые вы нашли, они не заметили под камнями. Камни же эти упали со стены церкви, когда её взорвали.

Скорбный голосок девочки прерывался от волнения. А я, слушая её, обливалась слезами. Проснувшись, так и не успев узнать, в каком конкретно месте погребена оставшаяся часть её мощей. Сердце моё пронзала острая боль. В течение нескольких последующих дней ни на минуту я не могла забыть это невинное создание Божие, ангельский лик девочки, её лазурные, исполненные немого страдания глаза... В моём воображении снова и снова возникала картина её мучений... Я представляла себе мать Ирины — как она, привязанная к дереву, бьётся в конвульсиях, когда на её глазах заживо сжигают родимое её чадо!.. Что может быть ужаснее для материнского сердца?!

Третья находка. Могила святого диакона Николая

С конца марта 1960 года сны, в которых упоминалась могила диакона Николая, участились. Поначалу было известно лишь то, что она находится где-то в левой части церковного двора. Но

копать, пока мы не укажем более точное её месторасположение, нам запретили. Этот запрет исходил не только от археолога Харитонидиса, но и от самого митрополита Иакова (Клеомвроту), у которого ещё оставались большие сомнения относительно святости сего места и существования здесь в древности монастыря.

Мы с верой, усердно просили святого Рафаила указать нам точное место, чтобы прославился Бог и умолкли неверующие, которые так досаждали нам своими насмешками и пересудами. Молитва наша была услышана. Святые в сновидениях указали это место. Но, волнуясь и боясь ошибиться, мы ждали новых снов и более чётких указаний, чтобы копать наверняка. Поэтому раскопки всё время откладывались.

Расскажу теперь подробно о снах, в которых было указано точное месторасположение могилы.

Первое откровение было моей маме, Ангелики Марангу. Ей приснилось, что она находится во дворе Карейской церкви. К ней подошёл какой-то незнакомый монах, бледный и худой, и сказал:

— Ангелики, зайди в храм, там тебя спрашивают.

Мама вошла в церковь и увидела стоящий в центре круглый столик с листами бумаги на нём, исписанными и чистыми. За столиком сидели несколько человек — священник высокого роста, офицер, Жена, одетая в чёрное, и юная девушка в голубом платье. Увидев их, мама растерялась, и робко спросила:

— Кто меня спрашивает?

— Я, — строгим тоном произнёс священник и встал из-за стола. — До каких пор вы будете откладывать раскопки могилы моего диакона Николая? Почему вы медлите?

Затем, указывая на двух Жен, сказал:

— Это Пресвятая Богородица и святая Параскева. Мы держим совет. Даём вам сорок дней на то, чтобы раскопать могилу. Не сделаете этого — будете наказаны.

Мама затрепетала от страха. Но в этот момент к ней приблизился тот самый незнакомый монах, которого она видела вначале, и, взяв её за руку, мягким голосом тихо сказал:

— Не бойся, Ангелики. Пойдём, я покажу тебе, в каком конкретно месте находится моя могила.

Они вдвоём вышли во двор. Монах подвёл маму к некоему месту, где поверхность почвы была очень неровной, и мотыжкой, вдруг оказавшейся в его руках, начертил на земле крест:

— Она здесь. Копайте, и найдёте её.

Мама проснулась радостная. У неё больше не оставалось никаких сомнений. Сам святой Николай указал ей точное место своей могилы. Откладывать раскопки, как она считала, больше нельзя. Рано утром она рассказала нам про свой сон, настаивая на том, чтобы действовать без промедления.

— Мама, — сказал мой супруг, — я считаю, что нужно ещё немного подождать. Может, и ещё кому-нибудь будет откровение. Как бы то

ни было, в течение сорокадневного срока, который нам дал святой Рафаил, мы проведём раскопки, не волнуясь.

Прошло несколько дней, сны участились и стали следовать один за другим. Марии Цолаки святой Рафаил приснился сидящим во дворе Карейского храма. Святой обратился к ней с такими словами:

— Мария, я не один. Здесь погребён и Николай. Его могила — слева от церкви, в трёх метрах. Когда найдёте её, камни, которые лежат сверху, не вынимайте... дождитесь, пока придёт священник.

Затем последовал сон Марии Дургунa. Ей предстали святой Рафаил, облачённый в священнические одежды, и святой Николай с зажжённой свечой в руке. Они провели её во двор Карейской церкви. Там сидела некая Жена, одетая в чёрное. Увидев Марию, Жена сказала ей:

— До каких пор вы будете попираť ногами Мою икону и могилу святого Николая? Она — на том самом месте, где ты видишь Меня сидящей... Раскопайте её.

С этими словами Жена рукой начертила на земле крест. Именно на это место были указания и в других снах.

В те же дни святой Рафаил приснился и мне. Он пел славословие и кадил. Продолжая пение и каждение, он вышел во двор. Голоса его, громкого и одновременно сладкозвучного, мне не забыть! Я последовала за ним, ожидая,

что он укажет точное месторасположение могилы святого Николая, и мы наконец-то начнём раскопки. Святой остановился на несколько минут, кадя над тем самым местом, о котором свидетельствовали другие женщины, видевшие сны. И из густого, чёрного дыма над землёй изобразился крест. Тогда святой Рафаил повернулся ко мне и промолвил:

— Василики, она здесь. Копайте не медля.

На рассвете Троицына дня Мирсини Дургуна увидела во сне обоих святых в церкви на горе Карея. Святой Рафаил подошёл и встал над тем местом, где был погребён, после чего обратился к женщине с такими словами:

— Теперь смотри, куда пойдет мой диакон Николай, и хорошенько запомни, где находится его могила. Вы найдёте её однажды, в дождливый день.

Пока он это говорил, святой Николай прошёл вперёд, остановился на несколько мгновений над своей могилой и исчез, как будто земля разверзлась и поглотила его!..

Откровение о могиле диакона Николая получила во сне и племянница фермийского священника Мирсини Ликардопулу, а также племянница моего супруга Ксения Ралли. Мирсини святой сам показал место своего погребения, изобразив над ним крест, как это было и во сне моей мамы.

Ксении приснилась Пресвятая Богородица. Указав рукой на то место, где находится могила, Пречистая молвила: «Она здесь» — после че-

го провела женщину в церковь и сообщила ей, что под алтарем сокрыта Её икона.

Сподобившись такого откровения, Ксения впервые поднялась на гору Карея (впервые — потому что жила не в нашем, а в другом селе). Все, что она там увидела, в точности соответствовало виденному во сне. Она узнала и то место церковного двора, на которое ей указала Пречистая как на место погребения святого Николая.

После стольких снов, указывавших на точное месторасположение могилы, у нас больше не было никаких сомнений и колебаний. На нашей стороне был и полицейский Ферми, Эммануил Цангаракис, которому не раз являлся во сне святой Рафаил, исцеливший его жену Попи от болезни почек, рассказывавший ему о перенесённых страданиях, а также о могиле диакона Николая (святой говорил ему, что она находится в левой части церковного двора). Эммануил Цангаракис стал ревностным поборником прославления новоявленных мучеников. Его не смущали даже иронические замечания собственных начальников, которые подтрунивали над ним:

— Ну, Манолис, если могила найдётся, тогда тебе самому путь в монастырь!..

Итак, решение начать раскопки было окончательно принято.

В начале июня 1960 года мой супруг отправился в епархиальное управление и известил о принятом решении владыку митрополита. Моя мама, Мария Цолаки и Мирсини Дургунa,

сопровождавшие мужа, рассказали владыке о тех своих снах, в которых шла речь о могиле святого диакона Николая. Владыка внимательно выслушал женщин и сказал Ангелосу:

— Ангелос, я попрошу археолога, чтобы он дал разрешение на раскопки. Но смотрите, если могила не обнаружится, чтобы я больше не слышал разговоров про монастыри и гробницы мучеников в твоих владениях, ибо наша вера станет тогда предметом насмешек. И прошу тебя, Ангелос, ты сам, как добрый христианин, сделай тогда всё, чтобы пресечь эти разговоры. Разве тебе не известно, сколько сейчас криво толков по поводу происходящего?

— Ваше Высокопреосвященство, — с печалью в голосе произнёс Ангелос, — я знаю, что перебивают прежде всего мои кости, как владельца участка. Но могу ли я приказать молчать вере и дать восторжествовать неверию? Сие место, вне всякого сомнения, — святое. Даже турки это знали и позволяли христианам служить литургию в храме Богородицы, хотя бы даже и раз в год. Давайте попытаемся, совершить раскопки. Я верю, что могила, которую столько людей видели во сне, будет найдена. Если же не найдём её, обещаю, что никаких больше раскопок в моём имении я производить не позволю.

На следующий день митрополит получил разрешение археолога на небольшие раскопки в данном конкретном месте.

8 июня 1960 года.

— Дука, — сказал Ангелос нашему управляющему, — наконец-то мы получили разрешение. На этой неделе нужно обязательно раскопать могилу.

— Господин Ангелос, — грустно заметил Дука, — я верю, что там на горе действительно есть могила монаха, о которой свидетельствуют сны, но только находится она не в том месте, где все указывают. Ведь это место — на склоне, неровное и очень каменистое. Не может там находиться могила.

Слова Дуки очень нас опечалили. А так как мы в тот день все вместе взошли на гору Карея, чтобы помолиться там в церкви, моя мама попросила Дуку сделать пробную попытку.

Дука с сомнением взял кирку и попробовал копать. Через несколько минут, разочарованный, остановился и сказал:

— Исключено, нет здесь могилы... Я-то знаю.

Мы опять забеспокоились... А если действительно Дука прав? Будем копать здесь, и могилы не найдём. Что скажет владыка? Какой ответ дадим археологу? Как будут торжествовать неверующие!.. Может, стоит подождать ещё немного, не будет ли новых снов, чтобы действовать с большей уверенностью?..

В ту же ночь мне приснился сон.

Я будто бы оказалась в Митилини, у здания епархиального управления. Вдруг слышу, меня

зовёт по имени громкий мужской голос. Я с удивлением повернулась в ту сторону, откуда раздавался голос, и увидела святого Рафаила, стоящего у входа во двор кафедрального храма. Я хотела подойти к нему, но остановилась, испугавшись сурового выражения его лица. Святой, обращаясь ко мне, строго сказал:

— Почему вы остановились? Всё ещё сомневаетесь? Могила находится именно в этом месте, только очень глубоко. Нужно будет снять три слоя земли — только тогда вы её обнаружите... Разве вы не понимаете, что могила должна быть найдена, чтобы митрополит поверил?

Я проснулась испуганная суровым видом святого, но одновременно и обрадованная — мы не ошиблись относительно местонахождения могилы.

— Ангелос, — сказала я наутро супругу, — хватит откладывать. Будем копать в том месте, на которое указывают сны. И да поможет нам Господь!

Ангелос согласился со мной, но слова Дуки так повлияли на мужа, что некоторые сомнения у него ещё оставались.

13 июня 1960 года.

На этот день назначили раскопки. Работать должны были Дука Цолакис и Никос Подарас.

Накануне вечером Дука по секрету сказал жене:

— Я завтра притворюсь больным и копать на гору Карея не пойду. Если Подарас один не справится, то пусть найдут ещё кого-нибудь, кто бы ему помог.

Жена его огорчилась, но сколько она ни уговаривала мужа отказаться от своего намерения, тот оставался непреклонным.

А ночью она внезапно проснулась, разбуженная испуганным криком Дуки:

— Мария, вставай скорее!.. Землетрясение!.. Рушится крыша дома!..

Мария вскочила, охваченная ужасом, схватила на руки младенца и выбежала с ним во двор. Дука был уже там — в нижнем белье. Странно было то, что никто из соседей не вышел на улицу, не было никакой паники. Вокруг тишина и покой... Тогда Дука понял, что с ним произошло. Он вспомнил сон, который ему снился в тот момент, когда ему показалось, что дом дрожит, словно во время землетрясения.

Ему приснилось, что он стоит во дворе Карейского храма. На том месте, где, по его словам, не может быть никакого захоронения, он действительно увидел могилу. Над ней возвышался крест, на котором висел терновый венец. У основания креста сидел монах и печально смотрел на Дуку. «Странно, — подумал тот, — откуда тут взялась могила? И кто этот инок?»

Монах, отвечая на его мысли, сказал ему строго:

— Я — диакон Николай... Почему ты настаиваешь на том, что здесь нет моей могилы, и не хочешь копать? Ты запомнил, как был наказан святым Рафаилом? Моё наказание будет ещё суровее...

В этот момент Дука ощутил сильнейший толчок и проснулся в страхе и трепете, полагая, что началось землетрясение и рушится крыша их дома. Он рассказал жене про свой сон и добавил:

— Завтра, как только рассветет, пойду на гору Карея и буду работать до седьмого пота.

Итак, на следующий день рано утром Дука Цолакис и Никос Подарас поднялись на гору и начали раскопки. День был солнечный, на небе ни единого облачка, жара невыносимая. Обливаясь потом, рабочие прилагали нечеловеческие усилия, вгрызаясь заступами в каменистую почву. Они сами удивлялись, откуда у них взялось столько сил и энергии, чтобы копать безостановочно, невзирая на изнуряющий летний зной. Мы, женщины, стояли вокруг них молча, затаив дыхание, и только наши глаза выдавали те чувства, которые бушевали в эту минуту внутри каждой из нас и заставляли учащённо биться наши сердца.

Полдень. Рабочие копают без перерыва, не останавливаясь, чтобы отдохнуть, поесть или сделать хотя бы глоток воды.

Внезапно в куче земли что-то блеснуло. Никос Подарас, достав какой-то предмет, радостно закричал:

— Икона!.. Смотрите, икона!

Взяв у него образ, Дука очистил его от земли. Это была круглая металлическая иконка, похожая на большую печать. С одной стороны на ней было рельефное изображение Пресвятой Богородицы, с другой — Архангела Михаила.

Всех охватила неописуемая радость. Со слезами на глазах мы целовали икону, прославляя Бога и Его Пречистую Матерь за то, что сподобились обрести эту святыню. Дука немедленно, с иконой в руках, побежал в село и сообщил о находке священнику. Отец Евфимий тут же поднялся на гору и отслужил молебен Пресвятой Богородице.

В час дня рабочие снова приступили к раскопкам. Они копали теперь с ещё большим усердием и энтузиазмом. Обретение сей маленькой иконки буквально окрылило каждого из нас, мы уже не сомневались, что в конце концов будет найдена и могила. Внезапно, примерно в половине третьего, на небе стали сгущаться серые тучи. Очень скоро они почернели, и солнце совершенно скрылось за ними. Подул холодный северный ветер — так сильно, что ветви деревьев пригибались до земли.

Ласковый утренний ветерок сменился жутким свистом и непрерывным протяжным воем. Солнечный летний день внезапно стал серым, осенним.

— Идите все в храм, не дай Бог, обломится ветка дерева и рухнет кому-нибудь на голову, —

сказала моя мама, — А я останусь здесь. Мне что... я уже старуха.

— Нет, и мы остаёмся! — запротестовали все. — Если есть воля Божия нам погибнуть, ну так что ж... Ради наших святых мы готовы на всё.

— Я уйду, — сказал отец Евфимий, — надо успеть добраться до села, прежде чем разразится гроза.

Он спешно собрался и ушёл.

Прошло ещё несколько минут.

— Василики, — обратился ко мне Дука, — надвигается сильный ураган... Придётся бросать работу. Вот невезение!..

В этот момент я вспомнила слова, которая слышала во сне Мирсини Дургуна: «Вы найдёте могилу в дождливый день».

— Ради Бога, Дука, копайте, не останавливайтесь! — взмолилась я. — Мы обретём могилу во время дождя.

Скоро крупные капли дождя стали хлестать нас по лицу. В это время спустился с гор пастух Фемистоклис Плякас. Он собирался укрыться в загоне. Увидев рабочих, копающих в такую непогоду землю, он в изумлении остановился и усмехнулся:

— Ну и ну, ребята! Что это вы взяли глину месить?

Никто ему ничего не ответил, и он, качая головой и посмеиваясь, двинулся дальше. Но вот диво... Овцы стали как вкопанные, сгрудились

все во дворе церкви и устремили свои взоры на то место, где трудились рабочие. Они словно ожидали чего-то, будто бы тоже желали поклониться тому великому святому, останки которого должны были вскоре обнаружиться. Позвякивали их колокольчики, и это был как бы звон небесного колокола, предвещающий обретение святых мощей того, кто пятьсот лет пролежал под сей каменистой землей, политой его мученической кровью. Ни слова больше не говоря, присел и пастух под одной из маслин и стал наблюдать за ходом раскопок. Во всей этой картине было нечто библейское!.. Потрясающие минуты. Невозможно подобрать слова и образы, чтобы описать их!.. Рабочие копали, невзирая на бичевавший их ливень. Мы сгрудились вокруг них. Одежда наша была мокрой от дождя, а глаза — влажными от слёз. Дождь то затихал, и мы приободрялись, то снова усиливался, и надежда, горевшая в нас, начинала угасать. Дука Цолакис время от времени поднимал голову и вопросительно смотрел на меня... Я понимала, что в душе у него идёт борьба. Рассудок говорит ему, что надо прекратить работу, но он боится и не может бросить свой заступ, памятуя о сие и ожидая от меня окончательного решения.

Сердце моё сжималось от боли, ком подкатывал к горлу, и сколько я ни пыталась сохранять хладнокровие, мне это не удавалось. Войдя в храм, я преклонила колени перед иконой Пресвятой Богородицы и разрыдалась.

— Что будет, если могила не обнаружится? — спросила я Марию Дургуна, стоявшую рядом со мной на коленях и молившуюся Пречистой.

— Не знаю, — печально покачала она головой.

Нас беспокоили не пересуды и иронические замечания неверующих людей, которые, если бы могила не нашлась, стали насмехаться над нами ещё больше. Мы боялись запрета археолога, который категорически нам заявил: «Если могила не обнаружится, больше ни на какие раскопки я вам разрешения не дам, потому что это — археологическая зона». Для нас, имевших непоколебимую веру в то, что на этом святом месте есть могилы мучеников, лишиться права продолжать раскопки и дальнейшие поиски было бы невыносимо. Наши тягостные размышления внезапно прервал радостный крик Мирсини Дургуна:

— Нашли!.. Василики, мы нашли её!

Вне себя от радости мы выбежали из храма. Картина, представшая нашим глазам, навсегда запечатлелась в моей памяти.

На глубине примерно двух с половиной метров обнаружилась могила, закрытая сверху грязными продолговатыми камнями. Все стояли вокруг неё на коленях, дрожа от волнения. Мы тоже преклонили колени и плакали вместе со всеми над бесконечно дорогими для нас останками. Казалось, ожили те минуты, когда христиане во мраке ночи, охваченные страхом и трепетом, погребали мученическое тело... Пере-

полнявшие нас в этот момент чувства нельзя передать словами!

Никос Подарас осторожно вынул камень, прикрывавший верхнюю часть могилы, и открылись святые мощи — голова и шея. Череп покоился на камне, служившем своего рода изголовьем. Два других камня, поменьше, лежали по обеим сторонам головы. Рот покойника закрывала черепица византийской эпохи с выгравированным на ней крестом. Руки были сложены на груди, как мы увидели, когда был поднят следующий камень. Ещё один камень, в нижней части могилы, вынул Дука Цолакис, и показались ноги — от стоп до колен. Один коленный сустав при извлечении камня Дука по неосторожности разбил. Другие камни вынимать не стали. Могилу, такой, какой она была обнаружена, должны были увидеть митрополит, священники, археолог и жители Ферми.

Я и Мирсини Дургуна, исполненные несказанной радости, побежали в село, чтобы уведомить священника Евфимия Цолоса. У нас за спиной как будто бы выросли крылья. Мы стремительно неслись по крутой и извилистой горной тропе, не обращая внимания на хлеставшие нас потоки дождя. И как только оказались в селе, будучи не в состоянии сдержать переполнявшее нас ликование, стали кричать:

— Нашли!.. Нашли!.. Мы нашли святого Николая!.. Идите на гору, посмотрите! Поклонитесь ему!

Двери домов распахивались. Многие обращались к нам с вопросами, хотели узнать подробности, удостовериться, что действительно произошло это чудо. Лица одних людей выражали радость и неподдельное волнение, других же — удивление и разочарование. Обретение этой могилы для неверующих было «сумнительным слышанием», а для верующих — «известной похвалой»³.

Мы сразу же отправились в церковь и рассказали обо всем отцу Евфимию. Тот немедленно ударил в колокола, чтобы радостная весть разнеслась по всему селу... весть, заставившая верующих с воодушевлением бежать на гору Карея, а неверующих — умолкнуть.

Могила святого диакона Николая была обнаружена 13 июня 1960 года в 4 часа дня. Первыми свидетелями её обретения были: двое рабочих — Никос Подарас и Дука Цолакис, я, моя мама Ангелики Марангу, Мария Цолаки, сёстры Мирсини и Мария Дургуна, Анфуса Алатеру, пастух Фемистоклис Плакас и овечки!..

Многие верующие, пришедшие с утра на гору Карея, вынуждены были уйти из-за дождя. Мой супруг Ангелос Раллис, так жаждавший обретения мощей, в тот день уехал в своё род-

3. Ср.: «Радуйся, неверных сумнительное слышание; радуйся, верных известная похвало» (Акафист Пресвятой Богородице, 8 икос). «Сумнительное слышание» — Та, о Которой неверующий узнает (слышит), но продолжает упорно сомневаться, «известная похвало» — Та, относительно славы Которой у верующего нет сомнений.— Прим. перев.

ное село Петру, желая избежать новых насмешек со стороны неверующих и возможных пререканий с ними в случае, если могила всё-таки не будет найдена. Но как только я сообщила ему по телефону радостную весть, он немедленно вернулся в Ферми и, не заходя домой, сразу же поднялся на гору. Преклонив колени перед могилой, муж со слезами на глазах попросил у святого Николая прощения за то, что не присутствовал при раскопках.

На следующий день рано утром прибыл археолог Харитонидис. Подтвердив, что захоронение и черепица, прикрывавшая рот покойника, относятся к византийской эпохе, он взял в руки металлическую иконку, находившуюся в земле примерно в полуметре от края могилы, приложился к святыне и произнёс:

— Это не простая икона... Это Патриаршая печать Византийской империи. Константинопольская Патриархия выдавала такую печать — «привилегию» — крупным монастырям как свидетельство на право существования. Я возьму её с собой, потому что если она потеряется, то я лишусь работы.

Невзирая на наши протесты, он действительно её взял и незамедлительно передал в Епархиальное управление. Митрополит, как только увидел печать, взволнованно перекрестился, облобызал её и воскликнул:

— Знамение велие!.. Сии простые люди говорили, что видят в снах разрушенный турками

монастырь на горе Карея и могилы мучеников, а я сомневался... Вот первое вещественное доказательство — монастырская печать!

Этот «моливдовул»⁴ — так назвал печать археолог — был передан в Византийский музей Митилини, где и хранится по сей день (находка датируется XIV веком). А слова митрополита «Знамение велие» приснопамятный Фотис Кондоглу сделал заголовком своей книги, посвящённой Карейским мученикам. Это была первая достойная внимания книга, в основе которой лежали свидетельства людей, сподобившихся снов-откровений.

Через несколько дней и сам митрополит поднялся на гору Карея. Поклонившись с благоговением святым мощам и сказав собравшемуся народу проникновенное слово, владыка распорядился, чтобы честные останки диакона Николая ещё какое-то время пребывали в могиле в неприкосновенности, в том виде, в каком были найдены, служа свидетельством для многих людей, которые и после обретения могилы продолжали высказывать разного рода сомнения. Большое впечатление произвёл на владыку рассказ нашей односельчанки Меланфии Вулгарелли о приснившемся ей в те дни сне.

Меланфия не верила в промыслительность событий, развернувшихся вокруг горы Карея, и нога её до той поры туда не ступала. Когда соседка

4. Греч. *μολυβδοβούλλο* (буквально: «свинцовая печать»). — Прим. перев.

сообщила ей, что найдена могила монаха, о котором вот уже несколько месяцев видели сны, женщина иронически улыбнулась и сказала:

— Откуда известно, что покойник действительно был монахом? Может, это какой-нибудь турок!..

В тот же день после обеда она прилегла на диван отдохнуть. Как она сама потом свидетельствовала, ещё не успев как следует заснуть, Меланфия увидела перед собой монаха — бледного и худого, но с лицом очень ласковым и приятным. Крайне удивленная, она не успела вымолвить ни слова, как незнакомец, обратившись к ней, сказал:

— Меланфия, моя могила найдена на горе Карея. Я — диакон Николай, пострадавший вместе со святым Рафаилом, монах, а никакой не турок, как ты говоришь. Иди и виждь мои мощи, лежащие в могиле. И веруй.

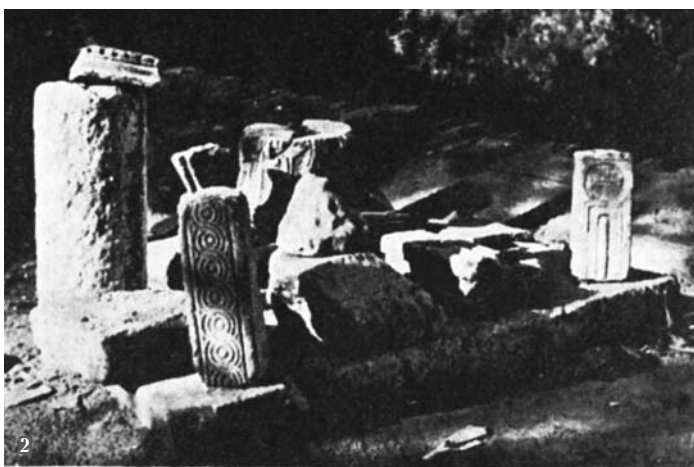
Женщина, молча взирая на него, обратила внимание на то, что он, начиная от шеи и до ног, обвит верёвкой. Святой Николай, заметив её недоумение, добавил:

— Когда христиане хоронили нас ночью, торопясь, в страхе и трепете, зашить моё тело в рясу не было возможности, и меня обвили этой верёвкой.

В этот момент Меланфия проснулась, охваченная сильным волнением. Она сразу же отправилась на гору Карея. Увидела там в могиле святые мощи — в том виде, в каком они были

обретенны, со скрещенными на груди руками, с лежащей поверх рта черепицей, с выгравированным на ней крестом — и, поклонившись им, горько плакала, раскаиваясь в своём былом неверии. Про этот сон Меланфия поведала митрополиту, чтобы, как она сказала, облегчить душу. Владыка умилился, а потом сообщил нам нечто, чего мы все, в том числе и Меланфия, не знали.

— Монахов, — сказал он, — перед погребением зашивают в их рясу. Так что святой Николай дал Меланфии и ещё одно удостоверение в том, что он был монахом.

- 1. Руины древнего монастыря на Карейском холме после раскопок.*
- 2. Резной мрамор — части древней церкви.*
- 3. Святые мощи дьякона Николая. В таком состоянии они были обретыны 13 июня 1960 года.*

4. Раскопки
на Карейском холме.
5. Рабочие Дукас Цолакис
и Никос Подарас
на коленях перед мощами
святого дьякона Николая.
6. План фрагментов
древнего монастыря
на Карейской горе
у селения Ферми
на о. Лесбос из книги
«Знамение велие».

7. Части
глиняного сосуда,
в котором турки
заживо сожгли
двенадцатилетнюю дочь
деревенского старосты
Ирину.

8. Люди,
которым было открыто
точное местонахождение
могилы святого
дьякона Николая.

Сверху вниз:
Мирсини Дургуна,
Никос Фикьяс,
Василики Ралли,
Ангелики Марангу,
Мария Цолаки,
Мария Дургуна и
Виргиния Адам.

9. Митрополит Иаков (Клеомвроту) над пещерой святого источника. Рядом с ним: Мирта Амманиту, Василики Ралли (указывает на пещеру), инженер Апостопелис, Ангелос Раллис, Мирсини Дургуна и члены приходского совета Сарандинос и Пандерманлис.

10. Вход в пещеру святого источника.

11. Ангелос и Василики Ралли на монастырском источнике, 1962 год.

12. Небольшая церковь в честь Рождества Богородицы, которую семья Ралли построила на Карейском холме.

13

14

13. Патриаршая печать времен Византийской империи (моливдовул), найденная рядом при раскопках. На одной стороне печати изображена Божия Матерь, на другой — Архангел Михаил. В настоящее время хранится в Византийском музее Митилини.

14. Барельефная позолоченная икона Христа Вседержителя (XIV век), найденная при раскопках. В настоящее время хранится в монастыре.

15. Рыбак
Костас Канелос.
16. Мария Цолаки и
Виргиния Адам.
17. Никос Фикъяс.
18. Послушник
Захария Пафлиотис
(ныне монах Теофилакт).

19. Первая торжественная литургия на престольный праздник в Карее.

20 Священники Пахомий Сугиольтзис и Василий Бамьяс с первой иконой фермийских святых, написанной отцом Василием.

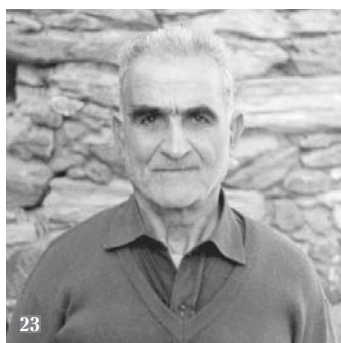
21

24

22

23

21. Фотис Кондоглу,
автор первой книги
о Фермийских мучениках
«Знамение велие».
Он же написал
и икону святых.
22. Сестры Мирсини,
Мария и Евангелия Дургуну.
23. Смотритель земельных
владений Ангелоса Раллиса
Дукас Цолакис.
24. Фермийский священник
отец Евфимий Цолос,
рядом Ангелос Раллис
25. Родоначальники
«Карейского дела»:
протосингел митрополит
Никодим (Анагносту),
ныне митрополит Иерисоса
и Афонской Горы, справа от
него Ангелос Раллис, а слева
богослов Евстратий Климис,
ныне митрополит
Аргентинский.

25

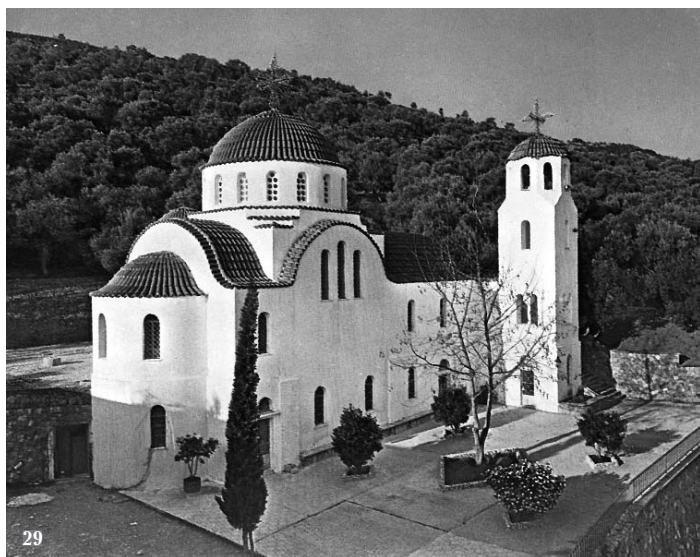

26

26. Митрополит Иаков
(Клеомвроту)
произносит проповедь
во вторник
Светлой Седмицы
в 1963 году. Справа от него,
с наклоненной головой,
богослов Евстратий Климес,
слева Елевферий Дигидикис,
директор
Фермийской
начальной школы.
27. Богослов митрополии
Георгий Сотирiu.

27

28. Вид на монастырь Святого Иоанна Предтечи в Серес с южной стороны. Здесь в 1444 году, после поражения христианского войска в битве при Варне, принял монашество святой Рафаил. Монастырь расположен в глубоком ущелье на склоне горы Меникио, в восьми километрах к северу от города Серес.

29. Храм в честь святого Рафаила.

ПЕРВОЕ ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННОЕ СВЯТЫМ НИКОЛАЕМ

Одна пожилая жительница нашего села, Василико Имвриоту, была наполовину парализована после инсульта. Её соседка Ирина Ляди, сочувствовавшая ей и приходившая за ней ухаживать, рассказывала о святых мощах, обретенных по Божественному откровению на горе Карея. Принесла ей немного земли с могилки и перекрестила больную. Василико с горячей верой обратилась к Ирине:

— Доченька, заверни эту землю в какую-нибудь материю и привяжи её к моим парализованным руке и ноге.

Ирина сделала то, что она просила. После чего зажгла лампадку перед иконами и ушла. Василико, оставшись одна, стала плакать и просить новоявленного святого сжалиться над ней и сотворить чудо, ходатайствовать за неё перед Господом, чтобы она или исцелилась и больше не обременяла своей болезнью окружающих, или упокоилась в могиле.

Потом женщина уснула с некоторой надеждой в сердце, как она впоследствии вспоминала.

Сна не видела никакого, но, когда проснулась на следующее утро, почувствовала лёгкость в ранее парализованных членах и свободно могла ими двигать. Сама, без посторонней помощи, встала с постели, затем села на табуретку и начала молиться, прославляя Бога и благодаря святого за то, что сжалился над ней и сотворил чудо исцеления. За этим занятием и нашла старушку её добросердечная соседка, пришедшая, как всегда поутру, оказать ей необходимую помощь. По всему селу разлетелась весть о Божией милости, которой сподобилась Василико. Через три дня, опираясь на палочку, она взошла на гору Карея и с благодарностью поклонилась мощам святого Николая. О болезни напоминало ей только то, что она плохо владела двумя пальцами руки. И вот однажды, когда она, стоя на коленях, молилась за всенощной¹ в Карейском храме, в момент произнесения священником слов «Твоя от Твоих...» Василико ощутила, что чья-то невидимая рука с силой сжимает её руку. Женщина вскрикнула и почувствовала, что совершенно свободно владеет всеми пальцами. Чудо, происшедшее с Василико Имвриоту, произвело глубокое впечатление на жителей Ферми, и никто не смел высказывать по поводу случившегося каких-либо сомнений.

1. Всенощные бдения в Греции, как в древности, длятся в течение всей ночи и включают в себя не только вечерню с утрений, но и литургию. — Прим. перев.

ВТОРОЕ ЧУДО

Когда была обнаружена могила святого диакона Николая, Костас Канелос находился в море на рыболовецком судне. Улова у них совсем не было, и он унывал: его многодетной семье грозил голод. Узнав об обретении могилы, о которой вот уже столько месяцев люди получали извещения в снах, Костас с верой, от всего сердца взмолился святому:

— Святой Николай, пожалей нас, бедняков, приди на помощь... Ведь наши дети умрут от голода!

После этого он лёг в трюме судна немного отдохнуть. А уснув, тотчас увидел святого — точь-в-точь таким, каким его обнаружили в могиле в виде скелета. В первый момент, когда ему предстал человеческий скелет, Костас испугался, но тут же услышал ласковый голос, который сказал:

— Костас, не бойся, я — диакон Николай... Ты звал меня с такой верой, и я пришёл. Что ты от меня хочешь?

— Чтобы нам наловить рыбы, угоднице Божий! — воскликнул с надеждой рыбац.

— Не волнуйся, Костас, — заверил его святой, — сегодня ночью я буду с вами, и вы наполните судно рыбой. Но когда наступит полнолуние¹, вы всей командой придите на гору Карея помолиться.

В это мгновение Костас проснулся. Он ещё как бы продолжал пребывать во сне, но глаза уже открыл — и увидел, как святой Николай удаляется от него, паря над корабельными шлюпками и осеняя крестным знаменем прожекторы судна.

Вскочив, рыбак, охваченный радостью, рассказал про свой сон капитану и другим рыбакам. Кто-то из них перекрестился, а другие подняли его на смех. Каково же было их удивление, когда по прошествии малого времени, вытягивая сети, они обнаружили, что те готовы разорваться от небывалого улова!.. Было поймано десять тысяч ока² рыбы!.. В полнолуние вся команда во главе с капитаном пришла на гору Карея, где по их просьбе было отслужено всенощное бдение с литией. С верой и благоговением рыбаки приложились к мощам святых Рафаила и Николая.

С тех пор Костас Канелос часто поднимался на гору и молился там. Он удостоился многих откровений, о которых я ещё расскажу в своё время. Костас был первым, кому монах Ставрос, явившись во сне, открыл своё имя.

1. В полнолуние корабли не выходят на промысел, и рыбаки свободны от работы. — Прим. авт.

2. Более десяти тонн. Ока — греческая мера веса, равная 1280 г.— Прим. перев.

ТРЕТЬЕ ЧУДО, СОВЕРШЁННОЕ СВЯТЫМ ДИАКОНОМ НИКОЛАЕМ

Священник Николай Василеллис родом из села Памфилы, служивший в ту пору в селе Полихнито, однажды после полудня впервые взошёл на гору Карея вместе со своей супругой матушкой Уранией и отцом, чтобы увидеть обрётённую могилу нового святого и поклониться честным мощам мучеников Рафаила и Николая.

Приложившись к мощам, они присели отдохнуть неподалёку от церкви и попросили Дуку Цолакиса рассказать им историю обретения мощей. Тот охотно согласился. Все слушали его с большим вниманием. Урания, женщина очень благочестивая, взволнованная услышанным, время от времени бросала взгляд на то место церковного двора, где находилась могила. Внезапно она увидела, что по тропинке поднялся какой-то священнослужитель небольшого роста, остановился около могилы и стал молиться. Не зная в лицо священника села Ферми, Урания подумала, что это отец Евфимий, и обрадовалась, ожидая услышать от него дополнитель-

ные подробности. Но сначала она ничего не сказала, не желая перебивать Дуку. Потом же, видя, что неизвестный священнослужитель столько времени стоит недвижимо и не подходит к ним, женщина была вынуждена прервать рассказчика:

— Что это за батюшка стоит около могилы святого Николая? — поинтересовалась она.

Все обернулись в ту сторону, куда указывала Урания, и, не видя никого, с удивлением спросили:

— О каком батюшке ты говоришь?

— Да вот о том, который стоит столько времени у могилы и молится!

Иерей Николай тут же встал со своего места и направился к могиле. Его отец и Дука Цолакис недоумённо переглянулись. Урания спокойно наблюдала за действиями мужа, который подошёл к могиле и стал рядом с таинственным батюшкой, по-прежнему не замечая его. В эту минуту незнакомец, которого видела только матушка, протянул руку и дружески погладил её супруга по плечу. И снова отец Николай ничего не заметил... Он с удивлением озирался по сторонам, не зная, как объяснить слова жены. Та же, наконец-то осознав, что священнослужитель, которого она видит, не обычный человек, вскрикнула от волнения и ужаса и потеряла сознание. Когда её привели в чувство, женщина, бледная как полотно, рассказала всем о том, как она столько времени смотрела на незнако-

мого батюшку, не догадываясь, что это сам святой, поклониться которому она так сильно желала.

Прежде чем отправиться в своё село Памфилы, паломники зашли к нам домой и пробыли у нас достаточно долго, пока боголюбивая матушка, удостоившись наяву видеть святого Николая, совершенно не оправилась от пережитого страха и волнения.

ЧТО ПРОИЗОШЛО СО СВЯЩЕННИКОМ ЕВСТРАТИЕМ СИТАРАСОМ И ХАРИКЛИЕЙ КАРАГЕОРГИУ

Дней через десять после обнаружения могилы диакона Николая на гору Карея поднялись отец Евстратий Ситарас, священник храма святого Симеона в городе Митилини, и одна пожилая женщина. Поклонившись могиле святого Николая, она стала горячо просить показать ей ковчег с мощами святого Рафаила. Когда женщина увидела кивот, она преклонила колени, обняла его и, плача, целовала. Потом села на лавочке во дворе и рассказала нам о том, что произошло с ней примерно шестьдесят лет тому назад.

«Зовут меня, — сказала она, — Хариклия Карагеоргиу. Родом я из Моливоса¹. Семья наша была многодетной, а мама, будучи ещё совсем молодой, осталась вдовой. Жили мы в крайней нищете. Когда мне исполнилось пятнадцать лет — а я была старшей дочерью — я устроилась работать служанкой в один богатый дом в Митилини. Мой хозяин был в дружеских отноше-

1. Населённый пункт на севере острова Лесбос.— Прим. перев.

ниях с тогдашним владельцем этого поместья Хасаном-эфенди. Поэтому зимой он часто посылал меня к нему помогать собирать маслины.

Однажды, когда я вместе с другими женщинами собирала маслины, пошёл дождь. Работа сразу же прекратилась, все попрятались кто куда. Управляющий, навьючив мешки с маслинами на лошадь и на осла, поручил осла моему попечению.

— Ты, Хариклия, девочка сильная, справишься. Веди его на давяльню Ариффа, — сказал он, а сам уехал на лошади.

Я взялась за уздечку и поспешила в путь, потому что дождь с каждой минутой всё усиливался.

Когда мы приблизились к церкви Пресвятой Богородицы, осёл поскользнулся и упал. Как я ни пыталась его поднять, ничего у меня не получалось. В это время разразилась сильная гроза. Гремел гром, сверкали молнии, посыпался град, буквально «разверзлись хляби небесные». Я пришла в отчаяние, но бросить осла с грузом маслин и уйти я не могла, потому что, если бы их украли, мне досталось бы по первое число и от управляющего, и от моего хозяина. А хозяйка могла бы и побить меня... Это была жестокая женщина, она лупила меня за малейшую провинность. Я разрыдалась и с чувством безысходности воскликнула:

— Владычице Богородице, Архистратиге Божий, сжальтесь надо мной, помогите мне!..

Вдруг вижу, из церкви выходит высокий мужчина и направляется ко мне. На нём была какая-то странная одежда, что-то типа мантии или плаща, а когда он шёл, плащ распахнулся, и стали видны ноги с золотыми наколенниками.

Увидев этого странного человека, я испугалась. А уж когда услышала, как он сказал «дур^{1!}», то мне стало совсем страшно. Я подумала, что это турок, и готова была броситься наутёк. Но он уже был рядом. Улыбнувшись, незнакомец ласково сказал:

— Не бойся, Хариклия, я не турок. Я христианин и пришёл тебе помочь.

Он наклонился и положил руки на мешки с маслинами. И в тот же миг осёл встал на ноги. Тогда этот загадочный человек снова обратился ко мне:

— Хариклия, вот так води осла (он показал как). И иди через Пиргелья², а не по тропе, по которой идёшь сейчас — по ней текут потоки воды.

Я тогда пристально на него посмотрела и хорошо запомнила его лицо. Это был красивый человек с большими глазами и густыми бровями. Он улыбнулся так по-доброму, что я набралась смелости и сказала:

— Благодарю тебя, дядя, за всё, что ты для меня сделал. Скажи мне, как тебя зовут. Я по-

1. «Дур» означает по-турецки «стой». — Прим. авт.

2. Так называется местность, по которой идет тропа, обходящая село Ферми слева. Там нужно подниматься в гору, но зато по тропе не стекает вода. — Прим. авт.

прошу свою госпожу вознаградить тебя каким-нибудь подарком.

— Мне не нужно никакого подарка, Хариклия, — ответил он. — Единственное, о чём я тебя попрошу, это зажигать лампадку Пречистой каждый раз, когда ты здесь окажешься. Что касается моего имени, то зовут меня Рафаил. Ну всё, иди через Пиргелья, как я тебе сказал, и ничего не бойся.

Я ещё раз поблагодарила своего благодетеля, взялась за уздечку и отправилась в путь. Сделав несколько шагов, я обернулась, чтобы снова увидеть его и попрощаться, но, странное дело... его нигде не было, он стал невидим!.. Растворился, словно дым. «Удивительно и то, — подумалось мне, — что я промокла до нитки, а этот человек был совершенно сухой...» Я поискала его глазами, посмотрела направо и налево — никого. Страха, как ни странно, я не испытывала, хотя мне пришла в голову мысль, что это, возможно, был святой, раз он так внезапно исчез... Мы прошли с осликом через Пиргелья и благополучно добрались до давилъни Арифа.

Я постоянно повторяла про себя имя «Рафаил», чтобы не забыть. Когда вечером я рассказала о случившемся своей хозяйке, та сначала не поверила и подняла меня на смех. Я поклялась, что говорю правду. Тогда она сказала:

— Раз он сказал, что его зовут Рафаил, то значит, это был Архангел.

На следующий день я купила маленькую иконку святого Архангела Рафаила и с тех пор всегда ношу её на себе, уповая на молитвенное предстательство небожителя.

Прошли годы... Ныне я уже старуха, живу на подаяние благочестивых христиан. Слава Богу, деньгами, которые мне дают, помогаю и другим подобным мне беднякам. В воскресные дни и в праздники сижу во дворе храма святого Симеона, и прихожане, знающие меня, уделяют мне от щедрот своих.

Несколько дней тому назад мне приснилось, что я сижу, как обычно, во дворе храма. Вдруг вижу, ко мне подходит высокий священник с большим посохом в руке и что-то кладёт мне в протянутую ладонь. Я заглянула ему в лицо, чтобы поблагодарить его. Он, улыбаясь, смотрел на меня. «Странно, — подумала я про себя, — мы ведь знакомы с этим человеком, где-то я его видела. Но где?» Не успела я так подумать, батюшка, словно читая мои мысли, произнёс:

— Хариклия, ты не помнишь меня? Я тот, кто спас тебя во время ливня, когда ты была маленькой и собирала маслины в поместье Хасана-эфенди. Когда придёшь поклониться на гору Карея?

Я сразу же вспомнила этого красивого мужа с лицом, озарённым улыбкой, большими глазами и густыми бровями. Хотя с той поры прошло столько лет, его облик не потускнел в моей памяти. Я обрадовалась и даже пошутила:

— Зачем ты держишь этот посох? — спросила я.— Хочешь меня побить?

— Нет,— ответил он, продолжая улыбаться,— ты ведь очень хорошая.

— А ты — самый лучший человек в мире, — сказала я... И в этот момент проснулась.

До утра я не сомкнула глаз. О событиях на горе Карея я ничего не знала. «Что-то там должно было произойти»,— подумалось мне. На следующий день пошла к отцу Евстратию, чтобы он объяснил случившееся со мной. Батюшка, как только услышал мой рассказ, сказал мне взволнованно:

— Госпожа Хариклия, не беспокойся, я сам сегодня же сопровожу тебя на гору Карея, чтобы ты поклонилась мощам новоявленных святых, могилы которых там наверху обнаружены.

Дай Бог здоровья батюшке, который помог мне сюда добраться и поклониться святым мощам. Одна я бы не смогла этого сделать».

Рассказ бедной старушки нас всех очень взволновал. Но ещё более удивительным было то, что поведал нам отец Евстратий.

«Я,— сказал он,— был тем самым полицейским села Ферми, который в 1917 году получил от турок приказ провести расследование и установить, что за человек является в виде призрака в усадьбе Хасана-эфенди и в доме Арифа. Во что бы то ни стало, думалось мне, я поймаю этого «хитрого фермийца», как я его называл, и накажу. Но расследование не привело к желаемо-

му результату. А в один прекрасный день оба турка пришли ко мне и попросили закончить следствие, потому что, по их словам, «это не простой смертный». Как-то раз ночью они вдвоём, вооружившись пистолетами, пошли на гору Карея, чтобы его схватить. Но, когда они увидели этого таинственного человека и бросились на него, вспыхнул ослепительный свет, и он исчез. С тех пор всё это так и оставалось для меня загадкой.

Услышав несколько дней назад, что на горе Карея обнаружены могилы мучеников, я даже не подумал о том, что есть какая-то связь между этим событием и таинственным духом, который с давних времен являлся в тех местах грекам и туркам. Однако позавчера на рассвете мне приснилось, что в храм святого Симеона во время вечерни, которую я служил, входит священник высокого роста и приветствует меня с дружеской улыбкой, как старый знакомый. Когда я спросил его, кто он такой, он ответил:

— Я тот, кого ты пытался поймать, когда служил полицейским в селе Ферми. Приходи на гору Карея поклониться мне.

Слава святому мученику! — добавил отец Евстратий. — Тайну, которую я не смог разгадать в ту пору, когда служил полицейским, мне раскрыл сам святой Рафаил на закате дней моих, когда я стал священником. Велик Бог христианский!»

Когда митрополит узнал о том, что поведала Хариклия Карагеоргиу, он поручил мне пойти к ней домой и попросить изложить всё на бумаге.

Старушка жила в маленьком домике на вершине холма святой Кириакии в городе Митилини. В доме была лишь одна крошечная комнатка, бедно обставленная, вся увешанная по стенам иконами, похожая на монашескую келью. Соседки Хариклии рассказали мне, что она живет как подвижница и все деньги, которые ей подадут, тратит на благотворительные цели: крестины детей из бедных семей, помощь малоимущим девушкам, покупку лекарств для больных.

Я покинула хижину бедной старушки взволнованная до глубины души. В этом бедном и убогом доме была Божия благодать!.. Со слезами на глазах, в глубокой задумчивости я спускалась с вершины холма святой Кириакии. В моём сердце звучали слова Того, Кто родился на земле бедняком и учил смиренномудрию: «Блаженны нищии духом и смиренные сердцем, ибо они Бога узрят».

НЕИЗВЕСТНЫЙ КЛИРИК

Честные останки святого Николая оставались в могиле в полной неприкосновенности двадцать восемь дней. Множество людей за это время поднялось на гору Карея, чтобы поклониться святому. Затем священники Пахомий Суюлдзис и Василий Бамьяс совершили перенесение мощей. Их поместили в резном ковчеге, который изготовил своими руками священник села Памфилы, Константин Скалистис. Туда же положили и мощи святого Рафаила. Попечительский церковный совет временно возложил на Дуку Цолакиса и Стратиса Пломаритиса обязанность охранять эти святыни, пока не будет получено благословение митрополита перенести их для большей безопасности в церковь Ферми.

В этот период совершилось множество чудес.

Стратис Пломаритис после двух ночей, проведённых вместе с Дукой Цолакисом на страже святынь, ушёл, сославшись на занятость. Дука боялся оставаться ночью один. К нему на помощь с готовностью поспешил Никос Подарас. Спустя какое-то время Стратис Пломаритис под-

нялся на гору Карея, чтобы накосить травы для своего осла. Вдруг он увидел, что по склону поднимается какой-то молодой монах. «Этот инок, наверное, пришёл поклониться обретённым мощам», — подумал Стратис. Тем временем незнакомец приблизился к нему и тихо поздоровался.

— Добрый день, геронда¹, — ответил Стратис. И, несмотря на то что он был туг на ухо, совершенно отчётливо услышал слова, произнесённые иноком:

— Стратис, почему ты ушёл? И почему так долго не возвращаешься?

Стратис растерялся... Откуда этот человек знает его имя?... И что он имеет в виду?... Но он не успел ни о чём спросить незнакомца — тот внезапно исчез, как будто растворился в воздухе.

Стратис в ужасе бросился наутёк, оставив на горе и сено, которое успел накосить, и своего осла. Рассказав жене о случившемся, он попросил её никому ничего не говорить, чтобы о нём не пошли в селе лишние разговоры и он не сделался бы объектом насмешек. Однако она в тот же день рассказала нам об этом происшествии, тем более что мы жили по соседству. Стратису потом уже ничего не оставалось делать, как подробно рассказать нам о том, что с ним случилось. С тех пор он стал чаще приходить на гору Карея и с благоговением прикладываться к святым мощам. А когда при нём заходил разговор о ново-

1. Геронда («Старче») — принятое в Греции обращение к монахам. — Прим. перев.

явленных святых, он тут же вставал, осенял себя крестным знамением, и говорил:

— Ты удостоил меня, грешного, лицезреть тебя наяву, святой Николай! Прости меня за то, что я не остался охранять тебя, а предпочёл уйти!

10 июля 1960 года, после перенесения мощей святого Николая, в Карейской церкви состоялась агриппия — торжественное богослужение, длившееся всю ночь. В богослужении принимали участие священники Евфимий Цолос, Пахомий Суюлдзис и Евстратий Анагносту — отец протосингела епархии, архимандрита Никодима (Анагносту).

На всенощную, уже после того как она началась, пришла большая группа женщин из села Пирги. Среди них была и некая София Явrimi. Народу собралось много, стояла невыносимая жара, в церковь было не протиснуться, и поэтому София осталась во дворе. Перед началом литургии отец Евстратий сказал слово о новоявленных святых. Чтобы быть услышанным и теми, кто находился снаружи, он говорил, стоя в дверях храма. Проповедь священника была трогательной и проникновенной. Во время проповеди София обратила внимание на некоего незнакомого священнослужителя, бледного, худого, одетого в выцветшую рясу. Он стоял в одиночестве, прислонившись к церковной ограде, и, растроганно взирая на отца Евстратия,

внимательно его слушал. «Что это за батюшка? Когда он пришёл и почему я его не заметила раньше?» — подумала София и тихонько спросила о нём у стоявших рядом женщин.

— О каком батюшке ты спрашиваешь, София? — удивились те. — Здесь присутствуют отец Пахомий, отец Евфимий и отец Евстратий — тот, который сейчас говорит. Кроме них больше никого нет.

Переспрашивать София не решилась, заметив, что женщины улыбаются, переглядываясь. Но ведь она вот уже столько времени наблюдает за этим незнакомым батюшкой, продолжает его видеть! Он выглядит печальным, его растроганный взгляд устремлён на проповедника... Женщина не выдержала и стала осторожно пробираться к незнакомцу, желая узнать, кто он. Но когда она приблизилась к нему, он внезапно исчез. София растерялась и задрожала. Ноги её подкосились, и она рухнула бы на землю, если бы окружающие не поддержали её. Плача, она рассказала священникам о том, что с ней произошло. Сказанное подтвердили и её односельчанки, к которым она обращалась с вопросом «кто этот незнакомый батюшка?» и которые подняли её на смех, удивляясь тому, как это она не узнает отца Пахомия или отца Евфимия. София точнейшим образом описала внешность святого Николая, лицо которого, освещённое пламенем свечей и светом луны, она видела в течение столь продолжительного времени.

Рассказ Авгериноса Марангоса

15 июля 1960 года мы вместе с мамой поднялись на гору Карея, к церкви. Там были и другие паломники, знакомые нам и незнакомые, и в частности некий господин из Митилини по имени Авгеринос Марангос. Большое впечатление на нас произвело то, с каким благоговением он прикладывался к святым мощам. Из его собственных уст мы услышали рассказ о чуде, которое сотворили ним новоявленные святые.

— Я, — сказал он, — водил грузовик, но вынужден был прекратить работу, потому что у меня очень сильно разболелась правая рука, начиная от плеча и ниже. Никакие лекарства, прописанные врачами, не помогали. Я совершенно отчаялся. Услышав, что на горе Карея обнаружена могила монаха, который несколько месяцев являлся людям в сновидениях, мы вместе с женой сразу же пришли сюда и поклонились святыням. С верой и душевной болью я обратился к святому с просьбой сжалиться надо мной и сотворить чудо. Приложил больную руку к его святым мощам, находившимся тогда в могиле, приложил руку и к ковчегу с косточками святого Рафаила и ушёл утешенный, с надеждой в сердце. И поверьте — с той поры боль в руке совершенно прошла, без всякого врачебного вмешательства, без лекарств. В тот же день я почувствовал себя совершенно здоровым и снова сел за руль. Слава угодникам Божиим! Это подлинно святые чудотворцы!..

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Чудес было много... Но и скептицизма хватало... Пересуды, насмешки, издевательства — чего только не пережили мы. Владыка был членом Синода и большую часть времени находился в Афинах. Протосингел Никодим (Анагносту), влиятельный защитник сновидцев и горячий ревнитель прославления Карейских святых, на время уехал в Англию. К счастью, нас поддерживали сотрудники епархиального богословского отдела Георгий Сотириу и Евстратий Климис, а также отец протосингела — старец святой жизни, священник Евстратий Анагносту. Все вместе, рука об руку, в едином сердечном порыве, с неколебимой верой в новоявленных святых мы боролись за их прославление. Были моменты, когда в этой борьбе нам противостояли не только атеисты, но и «благочестивые» христиане, даже служители алтаря, такие, как, например, архимандрит Никодим (Гадзирулис).

Будучи послан митрополитом собрать свидетельские показания сновидцев и сделать заклю-

чение, он назвал чудесные события на горе Карея «бабыми выдумками»!..

Мой супруг в те дни был в Афинах. Вернувшись в Ферми и узнав от Георгия Сотириу о сделанном архимандритом Никодимом заключении, в котором тот в пух и прах разгромил «Карейское дело», муж немедленно составил для митрополита Иакова подробный доклад с изложением всех чудесных событий, пережитых им с самого их начала вплоть до настоящего времени, с помѣнным указанием тех, кто удостоился разного рода снов-откровений, видений и чудес.

Этот доклад произвѣл на владыку очень сильное впечатление. Владыка Иаков отверг заключение отца Никодима (Гадзирулиса) и самолично опросил сновидцев, получив от них заверенные подписью свидетельства. Все эти чудесные события, по его словам, настолько его взволновали, словно он воспарил душой.

На рассвете того дня, когда в Ферми прибыл отец Никодим (Гадзирулис), я видела сон. Поначалу он показался нам всем необъяснимым и бессмысленным, но потом, после проведенного отцом архимандритом дознания, он получил своё объяснение.

Мне приснилось, что меня позвали на какой-то судебный процесс в качестве свидетеля защиты. Судебное заседание проходило в церкви нашего села. Войдя в церковь, я увидела и некоторых других сновидцев, сидящих в ряд на скамейках.

— Кого же судят? — спросила я их.— Почему меня вызвали в качестве свидетеля?

— Меня судят,— слышался мужской голос. Повернувшись туда, откуда исходил голос, я увидела в центре храма святого Рафаила.

— О, Боже!..— воскликнула я.— Как же возможно судить святого?!.

Его лицо светилось каким-то удивительным мягким светом, губы его дрожали.

— Дерзайте, друзья, — сказал он ободряюще.— Говорите, не бойтесь... Василики, говори, говори!.. Говори!..

Я проснулась в сильном волнении. Его образ, святой и бесконечно любимый, стоял у меня перед глазами. Утром я рассказала про сон домашним, и им он показался необъяснимым, даже бессмысленным... Но всё объяснилось очень скоро, когда в тот же день священник нашего села отец Евфимий Цолос пригласил нас в церковь на опрос архимандрита Никодима (Гадзирулиса), которого, вместе с епархиальным секретарём, прислал к нам владыка митрополит.

Опрос проходил в комнате священника. О том, как всё это было, сохранились самые тягостные воспоминания. Некоторые из свидетелей, нервничая, даже не хотели туда заходить и предпочли удалиться, чтобы, как они говорили, не поругаться с архимандритом и не взять грех на душу. А отец Евфимий, присутствовавший на допросе, не осмелился и рта раскрыть, чтобы засвидетельствовать о том,

что пережил сам лично за истекший год. И когда я, видя его молчание и то, в какой атмосфере подозрительности проходил опрос свидетелей, выразила резкий протест по поводу всего происходящего, он опять-таки не сказал ни слова!.. Протест же, высказанный мною в столь резкой форме, вызвал у отца архимандрита подозрение, что именно я являюсь душой «Карейского дела», и всех, кто давал показания после меня, он обязательно спрашивал, не по моей ли подсказке они говорят.

Я ушла из церкви крайне опечаленная, но меня не покидала надежда на то, что люди, ныне относящиеся с подозрением к событиям на горе Карея и воздвигшие против нас гонение, однажды придут... вложат руку свою в «язвы гвоздинные» и поверят!.. Я неколебимо верила, что сбудется предсказанное нам в снах святым Рафаилом.

Мне он во сне сказал:

— Василики, меня причислят к лику святых... Посмотри, как я одет. Хочу, чтобы на иконе меня изобразили именно так.

Явившись во сне моему супругу Ангелосу Раллису, который переживал больше всех, потому что чувствовал особую ответственность, и был главной мишенью всевозможных нападок, святой Рафаил дружески похлопал его по плечу и произнёс такие слова:

— Ангелос, не переживай! Все те, кто мне не верят, в один прекрасный день обретут веру...

И те, кто сейчас относятся ко мне с пренебрежением, придут на гору Карея поклониться мне.

Мирсини Дургуна святой в сновидении сказал:

— Здесь, Мирсини, некогда будет большой монастырь. Обо мне узнает весь мир. Я буду творить чудеса, исцелять больных, сам воздвигну свою обитель. Здесь будет второй Иерусалим.

Мирсини говорила и о проложенной на гору Карея асфальтированной дороге, которую она видела во сне и по которой курсировали автобусы и другой транспорт. Слышавшие об этом поднимали тогда её на смех. Но женщина невозмутимо отвечала:

— Всё, что предсказал святой Рафаил в наших снах, однажды сбудется. Сами увидите и глазам своим не поверите!..

На заместителя начальника жандармерии Патрикакиса сильное впечатление произвела смелость Мирсини Дургуна, которую она проявила, когда он вызвал её на допрос в Управу и замахнулся на неё тростью, чтобы припугнуть и заставить говорить правду. Она выпрямилась во весь рост и дерзновенно воскликнула:

— Бейте меня сколько хотите. Я не престану свидетельствовать, что это святые, до самой своей смерти.

Жандарм, поражённый смелостью, которую давала этой простой женщине её вера, тут же опустил трость и отпустил Мирсини. Патрикакис, наслушавшись разного рода комментарии

и клеветнических обвинений, решил провести собственное расследование и допросить сновидцев, чтобы выяснить, не является ли «Карейское дело» сознательно организованным мошенничеством. Он был немало удивлён той отвагой и верой, с которой эти простые люди отвечали на его вопросы.

Атмосфера, которая царила тогда в селе Ферми, была нервной и напряжённой. Споры, перебранки между верующими и неверующими, пересуды, насмешки. Могилу монаха неверующие видели своими глазами и сомневаться в её реальности они не могли, как и отрицать существование в древности на этом месте монастыря, о чём свидетельствовала найденная монастырская печать — «молибдовул»... Категорически отрицалась святость мучеников и подлинность их жизнеописания. Эти люди не верили ни в сны, ни в чудеса.

Август 1960 года.

В последней декаде августа 1960 года мы впервые получили письмо от приснопамятного иконописца и писателя Фотиса (Кондоглу), в котором он просил нас рассказать ему о чудесных событиях, связанных с горой Карея. О них ему стало известно из газет, но он хотел узнать подробности от очевидцев событий, чтобы написать потом книгу. Узнав об этом его желании, мы несказанно обрадовались. В тот тяжелый пери-

од всеобщего неверия и нашей отчаянной борьбы за то, чтобы восторжествовала правда, у нас внезапно появился ещё один влиятельный сторонник, посланный словно бы самими святыми. Его просветлённый дух и литературный талант, несомненно, должны были сыграть особую роль в проповеди той неопровержимой истины, которую тогда ещё очень многие продолжали ставить под сомнение.

Он обратился и к митрополиту Иакову (Клеомвроту). Последний выслал ему доклад, написанный моим супругом Ангелосом Раллисом, а также множество свидетельских показаний сновидцев.

Я тоже, в свою очередь, с горячим желанием и душевным подъёмом откликнулась на просьбу Фотия Кондоглу, дополнила общую картину многими важными подробностями, собрала дополнительные многочисленные показания, собственноручно написанные свидетелями событий, составила и свой собственный подробный рассказ и всё это отослала ему в объёмистом конверте. Этот конверт он получил в самый день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, 8 сентября, что очень взволновало его, как он нам потом писал. Это был храмовый праздник Карейской церкви. Опираясь на свидетельские показания, полученные им, Фотис Кондоглу составил первую книгу о новоявленных святах «Знамение велие», которую в наших снах святой Рафаил назвал «Благовестием Карейской горы».

Зима 1960 года.

Сны продолжались. Святой Рафаил поэтапно разворачивал перед нами историческую картину жизни святых, дополняя её многочисленными подробностями. Сновидцев было много, но мало кто из них имел дерзновение и отвагу открыто, перед всеми говорить об увиденном. Большинство ограничивалось тем, что потихоньку делились этим друг с другом, опасаясь насмешек и пересудов.

Однажды ночью мне приснилось, что на востоке, в той стороне, где находится Айвали¹, распространяется какое-то необычное сияние. Внезапно я увидела, как в этом надмирном свете появилась икона святых Рафаила и Николая. Она стала приближаться к Ферми по воздуху.

Этот сон нашёл своё объяснение, когда митрополит Иаков сообщил нам, что Фотий (Кондоглу) написал икону святых, и к Рождеству она будет доставлена в наше село. Услышав о моём сновидении, владыка сказал взволнованно:

— Фотий, как и я, родом из Айвали. Вот почему именно оттуда, с нашей утерянной, многострадальной, залитой кровью Отчизны, в твоём сне приходит икона святых, зверски замученных турками, жертвами которых пали и архие-

1. Айвали — город на малоазийском побережье Турции, расположенный прямо напротив села Ферми.— Прим. перев.

реи Смирны, Мосхониси, Кидоньес², а также множество других наших земляков, священнослужителей и мирян.

В какой точно день привезут икону, мы ещё не знали. Тем временем от владыки пришло распоряжение перенести честные останки святых Рафаила и Николая в нашу сельскую церковь. Те же несколько косточек святой Ирины, которые были найдены в глиняном сосуде, по-прежнему должны были оставаться в Карейской церкви.

Декабрь 1960 года.

Девятнадцатого числа этого месяца Мирсини Дургунa увидела во сне святых Рафаила и Николая в храме святого великомученика Димитрия, который находится на окраине села, в том месте, откуда идёт дорога на гору Карея. Они оба были в облачениях, как во время совершения Божественной литургии. Рядом с храмом, запрудив дорогу, стояло много народа, дети держали в руках хоругви. Звучали, не переставая удары в церковный колокол. Когда Мирсини зашла в церковь, чтобы приложиться к иконам, святой Рафаил, обратившись к ней, сказал:

— Видишь, Мирсини, какое торжество! Я хочу, чтобы наши мощи пронесли через это место. Чтобы здесь остановились и совершили молитву.

2. Другое название города Айвали.— Прим. перев.

Примерно в то же самое время матушка Сапфо, супруга отца Евфимия Цолоса, увидела во сне двух священнослужителей, которые имели вид путников, пришедших откуда-то издалека. Они вошли к ней в комнату и сказали:

— Сапфо, скажи отцу Евфимию, что мы грядём.

Матушка забеспокаилась, где бы ей разместить двух гостей, так как в доме у них не было достаточно места. Один из вошедших, словно прочитав её мысли, сказал:

— Не беспокойся, Сапфо, мы остановимся не у вас дома, а в церкви.

Подобный сон видела и Мария Кунелли, мать Марка Кунеллиса, одного из членов приходского совета. Ей приснились два клирика — один высокий, а другой небольшого роста. Высокий сказал ей:

— Мария, передай Марку, чтобы он готовил церковь. На днях мы прибудем.

Канун Рождества 1960 года

Митрополит Иаков распорядился в спешном порядке перенести ковчеги с мощами святых в церковь Ферми, так как на следующий день, после праздника Рождества Христова, должна прибыть икона.

ПЕРЕНОСЕНИЕ СВЯТЫХ МОЩЕЙ

День выдался дождливым. Из свинцовых туч, затянувших небо, непрерывно лились холодные потоки воды. Наша задача усложнялась. Тогда ведь ещё не существовало проезжей дороги, по которой можно было бы перевезти ковчеги с мощами на автомобиле. На горе Карея собралось много верующих, пожелавших принять участие в перенесении святых мощей. Был здесь и отец Евфимий. Его окружали дети, державшие в руках рипиды.

На колокольне церкви Ферми скорбно звонил колокол — как в Великую Пятницу. Укрывшись в церкви и во дворе под навесом, мы все с нетерпением ожидали, когда же закончится дождь. А он и не думал переставать. Было столько людей, но не слышалось даже шёпота... Никто не разговаривал. Только печальные звуки колокола, едва доносившиеся издалека и сливавшиеся с грустным шумом дождя, походили на горестное безостановочное причитание...

Шло время, исполненное томительного ожидания. Дождь наконец вроде бы стал затихать.

— Вперёд, братия! — нарушает молчание Ангелос.— Не будем задерживаться... Пора. Святые сотворят чудо. Уберегут мощи от дождя!..

Вместе с Дукой Цолакисом они подняли ковчег с мощами святого Рафаила. Нести его им помогали Костас Канелос и Никос Подарас. Другие мужчины, в числе которых Панайот Бакас, полицейский Манолис Цангаракис и член приходского совета Марк Кунеллис, взяв мощи святого Николая, шли следом. Их сопровождали и прочие наши односельчане, готовые в любой момент на пути подменить кого-то из несущих святыню.

Торжественная процессия медленно движется вниз по тропе. Впереди — священник и дети с рипидами... За ними несут святые мощи... А за мощами идём мы... Все те, кто стал почитателем святых мучеников, исполнился к ним благоговения, невыразимой боли и несказанной любви. На глазах у всех слёзы, а лица выражают такую скорбь, как будто монахов, зверски замученных турками, хоронят именно в эти минуты, а не в ту далекую ночь, когда охваченные страхом и трепетом христиане Ферми погребали их честные тела... В течение нескольких столетий святые мученики прославлялись только на небе, но пришло время, чтобы и на земле воздали им должную славу.

Не прошли мы и полпути, как чёрные тучи на небе расступились, раздвинулись, как будто под воздействием какой-то невидимой силы, и из-за них выглянуло яркое солнце, осветившее своими золотыми лучами всю окрестность. Пас-

мурный зимний день неожиданно-негаданно стал по-весеннему светлым. Озаренные золотым солнечным светом, мы вошли в село. Остановились у храма святого великомученика Димитрия и пропели там славословие, согласно пожеланию святого Рафаила, высказанному им во сне Мирсине Дургуна. Затем отправились дальше — к нашей приходской Введенской церкви.

Весьма примечательно, что не прошло и полчасика с того момента, когда мы вошли в церковь, как солнце снова спряталось за тёмными тучами. Через несколько минут разразилась сильная гроза. Дождь лил, не переставая, до самого вечера.

25 декабря, вторая половина дня.

Множество народа собралось у въезда в село, чтобы встретить икону святых Рафаила и Николая. Стояли рядами школьники, пришедшие сюда вместе со своими учителями, присутствовали представители местной власти, священники из окрестных сёл в праздничных облачениях, оркестр митилинского детского дома.

Не выразить словами волнение тех минут, когда митрополит Иаков и протосингел Никодим (Анагносту), прибыв с иконой, передали её двум иеромонахам — отцу Фотию (Лавриоту) и отцу Пахомию (Суюлдзису)¹.

1. Оба этих достойнейших иеромонаха, будучи совсем юными, приняли постриг на Святой Афонской Горе. — Прим. авт.

С благоговейным трепетом они приложились к иконе и взяли её в руки. Под музыку оркестра и праздничный колокольный звон началось торжественное шествие. Впереди шагали дети с рипидами, за ними священники, митрополит Иаков с протосингелом, певчие и отцы-иеромонахи с иконой. Позади них школьники, представители властей и все те, в чьём сердце возгорелась вера и любовь к новоявленным святым. Присутствовали, конечно, и многие из тех, кто прежде сомневался в их святости, они шли молча...

Я держала маму под руку и чувствовала, что она дрожит от волнения. Она вспоминала слова святого Рафаила:

— Ангелики, до каких пор я буду оставаться неизвестным? Иди к митрополиту и скажи, чтобы написали мою икону и составили мне службу.

Я сама чувствовала такое сильное волнение, что не передать словами... В подобном же состоянии находился и мой супруг, который шёл вместе с хором и пел, стараясь, как он потом рассказывал, сдерживать слёзы. Наши чувства разделяли и супруги Цолакис, Дука и Мария, сёстры Мирсини, Мария и Евангелия Дургуна, Никос Фикьяс, Костас Канелос, Никос Подарас, Панайот Бакас и многие-многие другие. Об этом свидетельствовали волнение на их лицах и слёзы в глазах. Да, как мечтали мы об этом дне, и вот наконец он настал!.. О, незабываемые, непередаваемые минуты! Память навсегда сохранит их...

По прибытии в церковь был отслужен благодарственный молебен. Икону поместили в проскинитарий², и все присутствующие к ней приложились. Владыка сказал проникновенное слово, назвав новоявленных святых Рафаила и Николая «мучениками за Веру и Отечество», так как они пострадали во время первого восстания, которое христиане острова Лесбос подняли против турок, горя желанием освободить свою Родину от захватчиков.

В то время как в Митилини и в окрестных сёлах шли ливневые дожди, на Ферми не упало ни капли. Гроза разразилась здесь только после окончания молебна и отъезда митрополита.

На следующий день в церкви была отслужена праздничная литургия по случаю прибытия иконы. В тот момент, когда владыка, стоя в Царских вратах, рассказывал о святых, Елена Карадимитраки, находившаяся на гинеконите³, видела стоящую рядом с ним (со стороны иконы Спасителя) девочку. Видела её совершенно отчетливо, но лишь верхнюю часть туловища — ноги незнакомки были в тени. А над головой её сияли две крупные буквы — А и Р⁴.

2. Своего рода аналой для праздничной или храмовой иконы, обычно богато украшен резьбой и имеет сверху навес, или сень. — Прим. перев.

3. Гинеконит (греч. — γυναικωνίτης) — балкон в западной части или по периметру храма — место для женщин. — Прим. перев.

4. Первые буквы слов Ἁγία Ῥηνούλα (греч. Святая Ирина). — Прим. перев.

В первый момент женщина даже не подумала, что видит нечто необычное. Но когда она внезапно разглядела и ноги девочки и увидела, что они не касаются пола, её охватила дрожь. Сказать что-то женщинам, стоявшим по соседству, она не решалась, боясь, что её поднимут на смех. «Господи, что же это такое,— размышляла она про себя,— неужели галлюцинация?» Потом решила найти свою дочь и все ей рассказать. А когда вернулась на прежнее место, девочки уже не было. Но образ её стоял у Елены перед глазами, как и две светящиеся буквы А и Р.

Дочь, услышав её рассказ, засомневалась. Она предположила, что увиденная матерью картина сложилась под воздействием сияния свечей и других огней, каких-то естественных световых бликов. Но в ту же ночь ей приснился святой Рафаил, который сказал такие слова:

— Мария, твоя мать не ошиблась. Всё то время, пока митрополит говорил, мы стояли рядом с ним — и я, и сей маленький ангел, Ирина. Она тоже должна быть прославлена, потому что вместе с нами претерпела страшные муки. Турки заживо сожгли её.

СЛУЧАЙ С ИЕРОМОНАХОМ ФОТИЕМ

Написанная приснопамятным Фотием (Кондоглу) икона святых Рафаила и Николая не была первой, как полагал тогда митрополит Иаков. Ещё раньше появился образ, который написал иконописец-любитель, священник села Морья, отец Василий Бамьяс. Подвигнул его к этому виденный им сон. Отцу Василию предстал святой Рафаил. Он осенил крестным знамением его дочь, которая серьёзно болела паратифом¹, и сказал:

— Василий, я хочу, чтобы ты написал мою икону... Внимательно посмотри на меня и хорошенько запомни, как писать.

На следующий день температура у дочери спала, и отец Василий приступил к работе над иконой, которую писал в посте и молитве. Работа была завершена в те дни, когда мы обнаружили могилу святого диакона Николая. Отец Василий, опасаясь гнева митрополита (так как писал икону новоявленных святых без его бла-

1. Паратиф — острое заразное заболевание, протекающее подобно брюшному тифу и вызываемое микробами, родственными возбудителю брюшного тифа.— Прим. перев.

гословения), тайком привёз её к нам и попросил, чтобы она хранилась у нас в доме до времени официального прославления мучеников.

В этот же день в Ферми приехал иеромонах Фотий (Лавриот), посланный владыкой, чтобы освидетельствовать найденные останки святого диакона Николая, которые тогда ещё находились в могиле, и высказать своё мнение. Как только отец Фотий их увидел, он перекрестился и произнёс:

— Если бы я даже случайно увидел эти останки, то сразу бы сказал, что это монах... Только монахов хоронят таким образом — со скрещёнными на груди руками.

Он долго оставался на горе Карея, пребывая в молитве. Когда же вернулся в село, час был уже поздний, последний автобус ушёл, и ему не на чём было добраться до Митилини. Мы предложили батюшке переночевать у нас. Провожая его в комнату, где он должен был расположиться на ночлег, я вдруг вспомнила, что там на столе осталась стоять икона, которую нам принёс отец Василий. Боясь, как бы гость не увидел её и не поставил в известность владыку, я ускорила шаг, забежала вперед и, схватив икону, быстро спрятала её в шкафу — прямо над изголовьем кровати. Отец Фотий ничего не заметил.

Помолившись перед иконами, висевшими в красном углу, батюшка лёг спать. Легли и мы с мамой в соседней комнате (супруг мой в это

время находился в селе Петра²). Но странное дело... из комнаты, где расположился священник, все время слышался шум. Можно было понять, что он вставал с кровати, молился, а затем снова ложился в постель. Это повторялось несколько раз. Наконец в доме настала тишина... На следующий день первой, очень рано, встала моя мама. Проходя по коридору, чтобы спуститься на кухню, она увидела, что дверь в соседнюю комнату открыта, а сама комната пуста.

— Доченька, вставай скорее!— воскликнула она испуганно.— Батюшки нет в доме. Господи, что же случилось?!

Я встала, спустилась по лестнице на кухню. Мы осмотрели с мамой все комнаты — отца Фотия нигде не было... Мы нашли его во дворе. Он сидел на лавочке, склонив голову на руки, и выглядел крайне измождённым.

— О, Боже!.. Что с вами, отче?!— вскричала мама.— Почему вы здесь сидите?

— Не знаю, что и сказать,— отвечал он дрожащим голосом.— Сижу здесь с ночи... Знали бы вы, какого страха я натерпелся вчера вечером... Лишь только я ложился на кровать, передо мной появлялись двое священнослужителей — один в облачении архимандрита, а другой — диакона. Они подходили ко мне вдвоём, один подле другого, и склонялись к моему лицу. Я в ужасе вскакивал, молился коленопреклоненно — они исчезали. Но как только снова ложился

2. Это село находится на севере острова Лесбос. — Прим. перев.

в постель, они опять были тут как тут, стояли у изголовья кровати и пристально смотрели на меня. Я не выдержал... тихонько, чтобы вас не разбудить, открыл дверь и вышел во двор. С того часа и сижу здесь, на этой скамейке. По всему видно, что это искушение от лукавого.

Мы с мамой потеряли дар речи от изумления. Отец Фотий описал двух клириков именно так, как они были изображены на иконе. Рассказать ему всё как есть мы не решились.

После того как образ святых, написанный Фотием Кондоглу, был привезён в Ферми и установлен в иконостасе нашей сельской церкви, мы отнесли икону отца Василия в Карейский храм. В эти дни снова случилось там побывать отцу Фотию. Как только он увидел икону, сразу же пришёл в смятение и воскликнул:

— Боже мой! Да ведь это же те самые двое священнослужителей, которых я видел, когда ночевал в доме Ангелоса Раллиса!

Тогда-то мы и рассказали ему всю правду, попросив прощения за то, что не сделали этого сразу.

ДРУГИЕ СЛУЧАИ ЯВЛЕНИЯ СВЯТЫХ

Многие сподобились наяву видеть святых в тот период, когда их честные мощи находились в храме нашего села. Только когда представавшие им внезапно исчезали, люди понимали, что это были святые. В числе свидетелей подобных явлений можно назвать: монахиню Василики Малляру — сестру приснопамятного митрополита Мефимны¹ Иакова, а также наших односельчан — Мариго Кандана, алтарника Христоса Аргириу и Хрисомалли Бака, дом которой расположен прямо напротив храма.

Двух святых видел в церкви и отец Евфимий Цолос. Прежде у отца Евфимия были сильные сомнения по поводу явлений святого Рафаила. Когда кто-нибудь рассказывал о них, он скептически улыбался. И вот однажды после окончания вечерни, когда уже никого в храме не было, он увидел обоих святых стоящими около ковчегов с мощами. Охваченный ужасом, священник заперся в алтаре и не решался из него выйти. Матушка, недоумевая, куда подевался

1. Город на севере Лесбоса.— Прим. перев.

её муж, начала его искать у соседей. Когда поиски окончились безрезультатно, она, испугавшись, что случилась какая-то беда, немедленно поставила в известность членов приходского совета. В него тогда входили мой супруг Ангелос Раллис, Марк Кунеллис и Варвароктитис (Варварис) Сарандинос. Они тоже подключились к поискам... Наконец батюшку нашли в алтаре. Он сидел на стуле бледный как полотно, дрожал всем телом, и глаза его покраснели от слёз... Шёпотом он поведал им о случившемся. Когда же ему было сказано, что он должен не пугаться, да ещё так сильно, а радоваться, что удостоился видеть святых, отец Евфимий ответил:

— Я, братия, испугался того наказания, которого заслужил... Не было у меня должной веры, и я часто сомневался. С той минуты, как я их увидел, я плачу и прошу прощения.

Одним из тех жителей нашего села, кто удостоился видеть святого Рафаила, был пекарь Георгий Вецос. Георгий — благочестивый христианин, с самого начала проникнувшийся доверием к святым мученикам. Но он не верил, что святой может явиться человеку наяву.

Однажды ранним утром он вышел из дома и направился в свою пекарню, чтобы замесить тесто. Не успел он покинуть двор, как увидел, что мимо их калитки быстрой, летящей поход-

кой проходит какой-то высокий монах². Георгий замедлил шаг, пропустил незнакомца, а затем последовал за ним. «Наверное,— подумал он,— на горе Карея служили всенощную, вот и возвращается батюшка на рассвете». Внезапно он потерял монаха из виду. «Надо же ему было так ускорить шаг, чтобы совсем исчезнуть»,— пронеслось у него в голове. Георгий недоумевал... но о том, что стал свидетелем чуда, тогда как-то не подумал. Он пришёл в пекарню и занялся своим делом. Время шло, но мысленно он снова и снова возвращался к одному и тому же вопросу: «Кем был этот монах?» «Нужно выяснить,— решил наконец Георгий,— действительно ли служилась на горе Карея всенощная, и видел ли этого монаха ещё кто-нибудь в селе». И когда узнал, что ни всенощная не служилась, ни монах никакой не спускался в село, то пришёл в волнение и осенил себя крестным знамением. Он понял, что и его Господь сподобил увидеть святого чудотворца Рафаила, к которому он с самого начала возымел веру и чувство глубокого благоговения.

2. Дом Георгия Вецоса — третий по счету от разрушенного дома Сяхоса, т. е. Арифа-эфенди. Монах, как свидетельствовал Георгий, шел именно оттуда. — Прим. авт.

ОБРЕТЕНИЕ МОГИЛЫ УЧИТЕЛЯ ФЁДОРА

Январь 1961 года.

Сны продолжались. Святые дополняли новыми подробностями своё житие, сообщали о двух иконах, одна из которых находилась в алтаре древней церкви, а вторая — во дворе. Упоминали они и о могилах других мучеников, не указывая, впрочем, точного их месторасположения.

В конце декабря одна пожилая жительница нашего села, Константина Дунгури, увидела во сне одетую в чёрное Жену, которая сказала ей:

— Около могилы святого Николая будет обретена и могила другого мученика.

Но какого мученика, сказано не было, поэтому на этот сон тогда не обратили особого внимания.

Примерно в это же время двенадцатилетнему Костасу Псирукису приснился мученик Фёдор. Поведав о своих страданиях и о том, что турки, отрезав ему голову, положили её между ног, он попросил передать учителю Елевферию Дигидикису, чтобы тот проявил активность в поисках

его могилы. Дигидикис же, несмотря на своё благочестие, взять на себя какую-либо ответственность не решался.

Но прошло всего несколько дней, и мученик Фёдор, явившись во сне его тёще, Акиндине Хаджиандониу, просил сказать зятю, чтобы тот не сомневался и сообщил митрополиту о сновидении Костаса Псирукиса. Он просил также начать раскопки его могилы, которая находится в церковном дворе. В заключение мученик добавил:

— Скажи Елевферию, чтобы он водил школьников на гору Карея, как водил своих учеников я — в том числе и в годы турецкого владычества.

«Где же теперь нам копать?» — задавали мы себе вопрос. Точного места, как в случае с могилой святого Николая, мы не знали. И археолог не дал бы разрешения на широкомасштабные раскопки... Наконец было принято решение копать в одном месте двора, в котором многие видели святого Рафаила кадящим ладаном. Наша односельчанка Евангелия Дургуна видела, как он выходит из своей могилы с кадилом в руке и кадит в направлении этого места, воспевая: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою...» (Его сладчайшего голоса, говорила она, ей никогда не забыть.)

Мы решили, что, может быть, именно в этом месте находится и икона Пречистой, обрести которую все так желали. Об иконе мы и сказали археологу, умолчав о снах, в которых шла речь о могиле, и он дал нам разрешение на раскопки.

15 января... В этот день был нестерпимый холод. Археолог не приехал наблюдать за раскопками. Вместо себя он прислал полицейского села Памфилы.

К работе приступили с большим воодушевлением и с тайным волнением. «Что удастся обнаружить? Икону, могилу?.. Или всё закончится безрезультатно?» — эти вопросы волновали всех нас. Полицейский посмеивался... Веры у него, судя по всему, не было. Все присутствовавшие хранили молчание. Только изредка оно прерывалось шутками стража порядка. Раскопки представлялись ему бессмысленными.

Холод всё усиливался. Пошёл дождь со снегом. Работу нужно было заканчивать.

Около четырёх часов пополудни на глубине двух или чуть больше, метров обнаружилась могила. В ней находился человеческий скелет — все его кости, вплоть до шейных позвонков. Голова же была отделена от туловища и лежала между ногами покойника. Рот прикрывала черепица византийской эпохи с изображённым на ней крестом. Отсечённые руки были положены крестообразно рядом с головой. Копавший землю Панайот Дургунас сразу же отложил лопату в сторону и преклонил колени рядом с могилой. Все, кто находился рядом, в том числе и полицейский Ставрос, последовали его примеру. Все были взволнованы... По телу пробегала дрожь — не только от холода, но и от трепета, который охватил душу. Полицейский же, взяв в руки че-

реп мученика, со слезами на глазах стал осенять себя крестным знамением и восклицать:

— Кто бы ты ни был, о страдальче, как не плакать над этой ужасной могилой!.. Кто знает, какие страшные муки ты претерпел!.. Прости, что до того, как мы нашли тебя, я не верил... Воистину, место сие — место мученичества!..

Не успели мы покинуть гору Карея, как к нам прибежал Никос Подарас. В то время он работал в соседнем селе Коми. Там и ночевал. О запланированных раскопках ему ничего не было известно. На рассвете же этого дня он увидел во сне святого Николая, лежащего в своей могиле. Святой сказал ему:

— Никос, бросай работу и иди в Ферми — завтра рядом со мной обнаружат моего брата.

«Какой странный сон, — подумал Никос.— У святого Николая был брат?.. Пойду в Ферми, расскажу про это сновидение». После обеда, оставив свою работу, он пришёл в наше село и рассказал о том, что ему приснилось. Каково же было его изумление, когда он узнал, что рядом с могилой диакона Николая обретено ещё одно захоронение... Он сразу же побежал на гору Карея, чтобы поклониться новоявленному мученику.

Кости учителя-мученика мы оставили на ночь в могиле в полной неприкосновенности, чтобы археологу, священникам и жителям Ферми они предстали в том виде, в каком были найдены. Но ударил мороз... Из-за непрекращавшегося дождя, шедшего вперемешку со снегом, кости

покрылись ледяной коркой, как бы толстым стеклом. И захоронение в течение нескольких дней оставалось точь-в-точь таким, каким было обнаружено, имея вид гроба, накрытого сверху стеклянной крышкой.

Многие спрашивали, действительно ли это учитель Фёдор, или какой-то другой мученик? Ответ был получен опять же через Костаса Псирукиса. Мученик Фёдор явился ему во сне в Карейской церкви и сказал:

— Я, Костас, тот, чьи останки вы нашли рядом с могилой святого Николая. Пусть не сомневаются... а лучше позаботятся о том, чтобы достать мои мощи из земли и льда.

После сна, который видел мальчик, состоялось перенесение мощей. Кости осторожно и с благоговением достал из могилы Панайот Дургунас. Вместе с матерью Костаса Псирукиса Константиной и сёстрами Мирсини, Марией и Евангелией Дургуна мы омыли их и, разложив на чистой скатерти, на какое-то время оставили сушиться в алтаре Карейского храма, а потом поместили в особый ковчег.

СНОС ЦЕРКВИ

После обретения могилы мученика Фёдора сны стали оповещать о могилах других мучеников, а также об иконе, которая находится в алтаре древней церкви. Но чтобы определить, где именно располагался этот алтарь, нужно было провести раскопки всей территории и, следовательно, снести только что построенную церковь. Решиться на это было не просто... Об иконе еще в 1960 году Пресвятая Богородица сообщила во сне племяннице моего мужа Ксении Ралли. Пречистая провела её в алтарь вновь построенной церкви и, указывая на пол, сказала:

— Здесь под землей находится образ.

В 1961 году на то же место было указано во сне Панайотице Пломариту. В другом своем сновидении Панайотица увидела тень человека, по которой трудно было определить, мужчина это или женщина. Явившийся ей начертил на полу церкви прямоугольник и сказал:

— Панайотица, скажи, что копать нужно здесь.

Одной нашей односельчанке, Асимении Вурновали, ещё в 1960 году приснилось, что Карейская церковь объята пламенем. Когда женщина в ужасе закричала: «Сюда! Скорее!.. Церковь горит!» — то услышала голос:

— Горит не церковь, а вы, попирающие ногами гробницы мучеников.

Тогда на это сновидение никто не обратил внимания, а супруг мой даже сказал:

— Этот сон — от лукавого. Ему, естественно, не понравилось, что спустя пятьсот лет на горе Карей воздвигнут храм Божий.

Всё объяснилось год спустя. В феврале 1961 года Харалампии Ликардопулу предстал во сне высокий мужчина. Она увидела его в Карейском храме. Печально взирая на неё, незнакомец сказал:

— Я здесь, в земле, вместе с супругой моей Марией.

Нам было о чём призадуматься. Одни сны сообщали об иконе, другие — о могилах мучеников... И все указывали на одно и то же место — под новопостроенной церковью!

Откровение об иконе дважды во сне получала и я: двенадцатого и восемнадцатого января 1961 года. В первый раз я увидела святого Рафаила вместе с Пресвятой Богородицей. Пав к ногам Пречистой, я просила Её сказать, в каком именно месте находится икона, чтобы нам копать наверняка. Пречистая молчала, взирая на меня с любовью. А потом изрекла такие слова:

— Помните, Я предупреждала вас об испытаниях, которые вам предстоят?.. Икона находится в алтаре древней церкви, под её развалинами...

Я проснулась опечаленная. Слова Пречистой не выходили у меня из головы. «Алтарь... Развалины древней церкви...» Всё это означало, что новая церковь должна быть снесена. Это казалось невероятным... Может быть, подумала я, подобное мне приснилось, потому что я находилась под впечатлением снов других людей... Но восемнадцатого числа того же месяца я снова увидела во сне Пресвятую Богородицу — и снова в Карейской церкви. Я снова пала к Её ногам, лобызала их и молила Пречистую указать мне точное место, где нам следовало бы копать. Пресвятая Дева, устремив на меня взор, полный сочувствия, тихо сказала:

— Не переживай, Василики. Вы найдете икону... Она под алтарем... Когда будут проходить раскопки, возьми с собой Мирсини Дургуна и идите копать вот в этом месте... Вам не придётся много трудиться, потому что икона неглубоко.

Говоря это, Пречистая указала мне на место, находившееся за алтарем новой церкви, но вплотную к стене. Обрадованная, я сообщила про свой сон Мирсини Дургуна.

— Пойдём копать, — сказала она. — Раз это место находится за пределами храма, что нам мешает достать икону прямо сейчас... не дожидаясь официального начала раскопок.

И вот, захватив с собой мотыгу, мы вдвоём с Мирсини отправились на гору Карея. Но указанное мне место располагалось так близко к алтарной стене, что, покопав некоторое время, мы вынуждены были прекратить работу, потому что боялись повредить стену. В ту же ночь Мирсини во сне явилась Царица Небесная и обратилась к ней с такими словами:

— Почему вы остановились? За алтарем новой церкви находится алтарь древнего храма... Икона — там. Если бы вы покопали ещё немного, то обрели бы её...

Через несколько дней Мирсини приснилось, что на этом самом месте ей вручили некую хартию, на которой было написано: «Я свет миру»¹. Кто мог тогда подумать, что позже на месте сем будет найден образ Господа Вседержителя! Мы все полагали, что Пречистая говорила о Своей иконе.

Снова идти копать мы с Мирсини не решились — побоялись археолога, заявившего в ультимативной форме, что накажет нас, если мы будем проводить раскопки без его разрешения.

Спустя ещё какое-то время Мирсини Дургуна увидела такой сон: она якобы находится на горе Карея вместе со мной и Дукой Цолакисом. Вдруг появляется святой Рафаил, ведёт нас за алтарь церкви и велит Дуке копать. Дука копает и обнаруживает некую плиту. Когда он поднимает её, из глубины исходит сияние. Мы

1. Ин. 9, 5. — Прим. перев.

склоняемся над образовавшимся в земле отверстием и видим облачённого в белое покойника, который вдруг открывает глаза, а потом снова их закрывает. Мирсини в испуге спрашивает святого Рафаила: «Кто это?» — «Староста», — отвечает святой. И даёт ей листок бумаги, на котором написано число 12.

В эти же дни святой Рафаил явился в сновидении и Марии Цолаки. Ей он сказал, что новую церковь следует снести и что должны быть проведены генеральные раскопки.

Конец апреля 1961 года.

Один наш односельчанин, Александр Мартис, услышав о снах, в которых люди якобы получают откровения о том, что в алтаре древней церкви находится икона, подумал: «Почему эти сны они стали видеть не тогда, когда на том месте были одни лишь развалины, а сейчас, когда там воздвигнут храм Божий?.. Явно сатана покушается на то, чтобы его разрушить!..»

Двадцатого апреля вечером, погруженный в эти раздумья, Александр заснул. Ему приснилось, что он находится на Карейской горе. Он зашёл в церковь и увидел Пресвятую Богородицу. На Ней было монашеское облачение. Рядом с Пречистой стоял высокий священник в чёрной рясе. От охватившего его ужаса Александр застыл на месте, словно прикованный к полу, и не мог ни пошевелиться, ни что-либо промолвить.

И тогда Пречистая, обратившись к нему, сказала мягко и кротко:

— Александр, не бойся и не сомневайся.

А потом, указав в направлении алтаря, добавила:

— Она в алтаре, под новым храмом. Его строительство было необходимо для обнаружения могилы святого Рафаила и раскрытия тайны, которую в течение нескольких столетий хранила гора Карея.

Этот сон произвёл на Александра сильнейшее впечатление. Мучившие его сомнения разрешила Сама Пресвятая Богородица, явившись ему во сне! На следующий день в доверительной беседе он поведал нам об этом своём сневидении.

— Сейчас, — сказал он, — относительно иконы у меня уже нет никаких сомнений. Но всё-таки как жалко, что новая церковь должна быть снесена!

— Снесена... — повторила я. И слова эти отозвались болью в моём сердце!.. С какой радостью, с какой надеждой мы её строили! Сколько лет прошло в ожидании того момента, когда храм будет возведён!..

Ангелос, понимая моё душевное состояние и желая как-то облегчить охватившую меня скорбь, сказал с улыбкой:

— Не переживай, Василики. Если даже есть воля Божия на снос церкви, для того, чтобы была найдена икона, я потом её снова построю.

Зная его добрую, христианскую душу, я понимала, что это не пустое обещание... Но сердце мое сжималось от боли. А если археолог, после того как церковь будет разрушена, не даст позволения на проведение генеральных раскопок? У нас уже был горький опыт в самом начале, когда он запретил нам даже копать у подножий маслин, в радиусе ста метров от строившегося храма. Это была археологическая зона, и без его разрешения мы не могли здесь ничего делать — ни копать, ни строить. И если он не будет торопиться давать нам такое разрешение, что тогда? Снова вместо церкви будет возвышаться груда развалин? Но до каких же пор?.. Я не переставала задавать себе подобные вопросы и не находила на них ответа... И никак не могла согласиться с тем, что храм должен быть снесён. Но в ночь со 2-го на 3-е мая мне приснился сон, который буквально потряс меня.

Я увидела святого Рафаила в доме Ариф-эфенди, который мне представился таким, каким был до сноса.

Святой сказал очень строго:

— Что за мысли тебя посещают, Василики? Ты и Ангелоса смущаешь своими сомнениями и колебаниями. Церковь должна быть снесена, и начаты генеральные раскопки.

Словно пытаюсь оправдаться, я начала говорить, что нам, наверное, не хватит денег на проведение таких работ... Святой с гневом возразил:

— Начните на те деньги, которые у вас имеются, а когда они закончатся — иди и продай кольцо, которое ты носишь на руке.

Он говорил и еще что-то, чего я не могла разобрать. Речь его походила на бурный поток. Испуганная, потрясённая до глубины души, я не смела сказать ни слова и только молча взидала на Небесного гостя. Первый раз я видела святого Рафаила разгневанным. В этот момент рядом со мной появилась одетая в чёрное Жена. Трепеща от страха, я тихо спросила Её:

— Что такое говорит святой Рафаил?.. Я не понимаю.

— Он говорит, что нужно копать под алтарем церкви, — ответила Она.

Я проснулась в сильном волнении.

— Всё, Ангелос, с сомнениями покончено, — сказала я на следующий день супругу. — Церковь нужно сносить и начинать генеральные раскопки.

Я рассказала ему о своём сне, умолчав только о словах святого Рафаила по поводу кольца, — боялась, что муж воспротивится его продаже, скажет: «Я сам найду деньги». Мне же хотелось обязательно выполнить наказ святого и продать кольцо. В эту свою маленькую тайну я посвятила сначала только протосингела Никодима (Анагносту), а потом, когда начались раскопки, Марию Цолаки, Мирсини Дургунa и двух старших рабочих: Дуку Цолакиса и Панайота Бакаса.

Окончательное решение было принято: церковь сносим и начинаем генеральные раскопки на деньги церковной общины. В тот же день Ангелос отправился в епархиальное управление и сообщил о нашем намерении митрополиту и протосингелу. Последние позаботились о том, чтобы получить соответствующее разрешение от археолога.

5 мая 1961 года.

Эту ночь сёстры Дургуна, Мария Цолаки, Георгия Пломариту, Анфула Алатеру, ещё несколько наших соседок и я решили провести последний раз в молитвенном бдении в Карейской церкви, желая попрощаться с ней.

Все вместе мы поднялись на гору Карея. День уже клонился к вечеру, и расстилавшиеся вокруг нас цветущие весенние просторы окрашивались в особый, неповторимый цвет лучами заходящего солнца.

Затепив в храме лампы и воскурив ладан, мы долгое время потом сидели во дворе, тихо беседуя. А когда уже совсем стемнело, вернулись в церковь, затворили дверь и стали молиться. По богослужебному сборнику, который у меня был с собой, мы пропели различные тропари, а также молебный канон и акафист Пресвятой Богородице. Внезапно в полночь слышались сильные глухие удары. Храм весь затрясся... Одновременно откуда-то снизу, из-под пола,

раздался жалобный детский плач. Потрясённые, испуганные, все молча переглянулись... Встав перед алтарем на колени, мы снова и снова осе-няли себя крестным знамением, будучи не в состоянии произнести ни слова. И, если бы не боялись темноты, немедленно покинули бы гору. Прошло довольно много времени, прежде чем мы пришли в себя после пережитого ужаса.

Так, бок о бок, погруженные в пламенную молитву, мы провели последнюю ночь в Карейской церкви, простившись с ней накануне её разрушения.

5 мая 1961 года.

На этот день был намечен снос храма. С утра на горе Карея находились мы с мужем, сотрудник богословского отдела митрополии Евстратий Климис, Мирсини Дургуна, Мария Цолаки, Дук-ка Цолакис, Панайот Бакас, Георгий Миконья-тис и Феохарис Кирилис.

Мирсини с Марией осторожно сняли со стен иконы и лампы и временно сложили их под одной из маслин. Ангелос и Евстратий пропели тропари святым и Богородице, и рабочие приступили к делу...

Сидя рядом с иконами, я молча с грустью наблюдала за тем, как разрушается церковь, в строительство которой мы вложили столько души. Подобные чувства испытывал и Ангелос, только старался этого не показывать. Он пробыл

с нами до полудня, а потом ушёл, сказав, что отправляется в соседнее село Мистегна, где в тот день в храме святых Акиндинов² был престольный праздник. Евстратий Климис остался.

К вечеру церковь превратилась в груды камней.

Когда всё было окончено, я спустилась в село опечаленная и расстроенная. Мне не хотелось ни с кем разговаривать, даже с мамой. Но вот что было удивительно: печаль, владевшая мною на первых порах, постепенно стала сменяться каким-то светлым чувством, состоянием умиротворённости и облегчения. Желая остаться наедине и, сосредоточившись, попытаться разобраться в этих новых для меня ощущениях, я, сославшись на недомогание, легла в постель.

Когда я заснула, мне представилось, что я нахожусь на горе Карея, рядом с ещё не разрушенным храмом. Во дворе его я увидела святую Ирину, игравшую с двумя другими детьми. Заметив меня, она, улыбаясь, подошла ко мне, обняла за шею и устремила на меня пристальный взор, как будто хотела что-то сказать.

Сначала я не узнала её. С удивлением смотрела на эту белокурую девочку с румяным лицом и голубыми глазами, которая, судя по всему, меня знала.

2. В Греции некоторые храмы строятся в честь сразу нескольких святых, имеющих одно имя, в данном случае Акиндин.— Прим. перев.

— Кто ты? — спросила я её.

— Ирина, дочь старосты,— ответила она,— та, которую замучили здесь турки.

— Ирина!.. — в волнении воскликнула я и крепко сжала её в объятиях, горько рыдая, как будто это был мой собственный ребёнок, замученный турками. Тогда она со слезами на глазах начала мне рассказывать про то, какие она пертерпела муки и как страдали, взирая на всё происходящее, её родители. Потом, взяв меня за руку, она повела меня в церковь. Подошла к иконостасу — к тому месту, где у нас висела икона Спасителя, склонилась к полу и выложила на нём крест из шести красных плиток, так, что четыре образовали его вертикальную перекладину, а три горизонтальную. При этом она сказала:

— Копайте здесь.

Затем, не отпуская моей руки, она вывела меня во двор и там, на довольно значительном расстоянии от храма, наклонившись, начертила на земле палочкой другой крест со словами:

— Здесь находится монастырская крипта.

В этот момент я проснулась в очень сильном волнении. Где находился первый крест, который святая Ирина выложила на полу церкви из красных плиток, я запомнила очень хорошо. Что же касается второго, то точное его местонахождение определить было трудно, потому что наш земельный участок во сне мне предстал таким, каким он был в древнюю эпоху, — без масляных деревьев.

На следующий день я рассказала про этот сон протосингелу Никодиму (Анагносту) и Евстратию Климису, которые вдвоём приехали в Ферми, чтобы наблюдать за ходом раскопок. Старших рабочих, Дуку Цолакиса и Панайота Бакаса, расчищавших территорию от каменных обломков и земли, я попросила отметить то место, где у нас в церкви висела икона Спасителя, и проводить там раскопки с особым вниманием. После обеда приехал также археолог и дал различные указания.

К полудню следующего дня весь участок был освобожден от руин, и раскопки начались. Сначала открылись развалины древней церкви. Её пол был устлан красными плитками византийской эпохи. Выяснилось, что могила святого Рафаила была в полу древнего храма. К счастью, Дука Цолакис, когда в своё время обнаружил эту могилу, не повредил её, а только засыпал землей. Как только рабочие, участвовавшие в раскопках, принялись её расчищать, из неё излилось сладкое благоухание, которое ощутили все, находившиеся рядом. В могиле были найдены ещё несколько маленьких косточек, которые Дука ранее не заметил. С великим благоговением их достали из земли. И после того, как все к ним приложились и они были омыты, отец Никодим (Анагносту) положил их в ковчег с мощами святого Рафаила.

ОБРЕТЕНИЕ МОГИЛ СТАРОСТЫ И ЕГО ЖЕНЫ, А ТАКЖЕ ОСТАВШЕЙСЯ ЧАСТИ МОЩЕЙ СВЯТОЙ ИРИНЫ

12 мая 1961 года.

Рабочие осторожно, под наблюдением археолога Харитонидиса, расчистили развалины древнего храма. Археолог разрешил нам копать в том месте, где святая Ирина в моём сне выложила крест из красных плиток — с внешней стороны левой храмовой стены.

— Вот здесь на иконостасе новой церкви висела икона Спасителя,— сказал Панайот Бакас.— Значит, именно на это место, как явствует из сна Василики, нам нужно обратить особое внимание.

Они не проработали и получаса, как на гору Карея пришла Асимения Вурновали. Она тоже взяла в руки заступ и стала копать вместе с рабочими, заявив:

— Я уверена, что здесь мы найдём могилы других мучеников. Мне никогда не забыть сон, в котором я увидела их лежащие на земле тела,

покрытые золотым покровом. Они находились на этом самом месте.

И... о чудо! На глубине примерно полуметра под уровнем пола древней церкви обнаружилось несколько красных плиток.

— Осторожно, ребята! — воскликнул Ангелос.— Окопайте их со всех сторон, чтобы было видно, какое они занимают пространство.

Это пространство оказалось небольшим. Плиток было шесть, и они располагались в виде креста — четыре по вертикали и три по горизонтали. Крест был выложен поверх двух могил — одной большой и примыкавшей к ней маленькой. Обе могилы сверху были прикрыты узкими длинными камнями, скреплёнными специальным строительным раствором, который использовался в древние времена и именовался курасани¹.

Евстратий Климис приказал рабочим приостановить раскопки до прихода отца протосингела.

В четыре часа дня, в сопровождении журналиста Мимиса Элефтериадиса, прибыл отец Никодим (Анагносту). С благоговением он преклонил колени и собственноручно достал плитки, из которых был выложен крест. Затем велел рабочим осторожно открыть гробницы.

В большой могиле находился скелет крупного мужчины. Его голова была повернута в направлении малой могилы и, похоже, была отделена от туловища, поскольку лежала на некотором расстоя-

1. Этот строительный материал представлял собой перетёртую черепицу, смешанную с известью. — Прим. перев.

нии от него. Рот покойника, как и других, найденных прежде, был прикрыт куском черепицы с изображённым на ней крестом. В маленькой могиле лежали череп и оставшаяся часть косточек святой Ирины, наполовину сторевших, почерневших от огня... несколько позвонков, несколько обугленных рёбрышек, а также ножка — точно такая же, какая была обнаружена в глиняном сосуде!..

Картина, представшая перед нами, никого не оставила равнодушным. Все стояли молча, и только по выражению глаз присутствовавших можно было догадаться о том внутреннем потрясении, которое испытал каждый из нас.

Отец протосингел, стоя на коленях около детской могилы и будучи не в силах сдержать слёзы, взял в руки полуобгоревшую ножку ребёнка, с благоговением облобызал её и срывающимся от волнения голосом произнёс:

— Кто теперь дерзнул бы сказать, что это не останки святой Ирины и что турки не сожгли её заживо? Видите, в могиле обнаружилась вторая её нога, точно такая же, как та, что в прошлом году нашли в глиняном сосуде.

Он сам достал из могилы косточки святой мученицы. Череп её был цел, но, когда Дука попытался очистить его от земли и корешков маслин, проросших через него, он, к сожалению, распался на части. Эти святые мощи мы временно положили в большую картонную коробку, намереваясь затем омыть их, просушить и поместить в особый, красивый ковчег вместе с прочими косточками,

обнаруженными в глиняном сосуде. К вечеру из земли были извлечены и останки старосты.

На следующий день утром мы все снова собрались на горе Карея. Дука Цолакис и Панайот Бакас, тщательно расчищая могилу старосты, вдруг обнаружили, что она имеет продолжение в длину... непосредственно за ней следует другая могила, отделённая от первой всего одним узким продолговатым камнем, положенным поперёк, так что она начинается в 30 сантиметрах от головы покойного. Рабочие осторожно разрыли землю над этой новой могилой и извлекли камни, прикрывавшие её. Взору присутствовавших предстал ещё один человеческий скелет, вид которого заставил всех нас содрогнуться от ужаса!.. Скелет был целым, но неестественно скорченным. Голова повернута влево и склонена к плечу, кисти рук сжаты в кулаки. На рот положена черепица с изображением креста. В области живота находилась округлая кость — часть детского черепа. Мы все были поражены. В первый момент никто и не подумал о том, что это супруга старосты, хотя к тому времени из снов о ней уже было известно немало.

— Это, наверное, какой-то монах, — предположил Дука Цолакис.— Странно только, почему тело его так скорчено и пальцы сжаты... как у людей, когда они испытывают боль... Может быть, и его мучили?

Ответом ему было общее молчание... Все недоумевали. Нам казалось странным, что человек

этот был погребён в общей могиле со старостой. Наше недоумение разрешил пришедший вскоре богослов Евстратий Климис.

— Само положение тела покойника,— сказал он,— свидетельствует о том, что это не кто иной, как жена старосты. Что говорила святая Ирина в снах? «Моя мама, привязанная турками к дереву, видя мои мучения, билась в конвульсиях, плакала, кричала, пока, наконец, её сердце не выдержало, и она умерла». Нет никакого сомнения, что перед нами именно страдальца-мать.

Когда он говорил это, на его глаза навернулись слёзы.

Нет слов, чтобы описать волнение, охватившее нас всех в эту минуту. Все стояли молча, говорить никому не хотелось. Боль, пронзавшая душу каждого, читалась только в помутневших от слёз глазах, устремлённых на эти три простые могилы — место упокоения семьи, члены которой претерпели невыносимые душевные и физические страдания...

Что касается кусочка детского черепа, обнаруженного в могиле жены старосты, то она сама в сновидениях объяснила нам, кому он принадлежал. Вот что она сказала моей матери, явившись ей в ту же ночь:

— Когда христиане во вторник Светлой седмицы ночью тайно похоронили нас, тело моего убитого сыночка Рафаила они положили в мою могилу. Все его косточки разложились, осталась только эта — затылочная часть черепа. Как вы

нас нашли с мужем в одной могиле, так и поместите наши кости — в один общий ковчег.

Эту просьбу страдальцы-матери мы выполнили. С благоговением омыли косточки и сложили вместе в одном ковчеге. Туда же поместили и останки их младенца Рафаила. Мощи святой Ирины после их омовения были положены отдельно — в другой деревянный резной ковчег, который подарил Евстратий Климис.

В этот период мой супруг Ангелос построил на нашем участке, за пределами территории раскопок, новую деревянную церковь. Мы перенесли в неё мощи святых мучеников, а также иконы и лампы из разрушенного храма².

Со второй декады мая начались генеральные раскопки. Мой супруг как владелец участка быстро добился выдачи ему соответствующего разрешения. Работы проводились под наблюдением археолога Харитонидиса. Мы все горели желанием обрести икону, о которой в снах было получено столько извещений от Царицы Небесной и от святых.

Развалины древней церкви обнажились со всех сторон. Но образ, который, как свидетельствовали сны, находился в алтаре, не был найден... а разбирать выложенный плитками пол храма археолог не позволял.

Рабочие копали вокруг с исключительным усердием, с верой и желанием обнаружить святы-

2. Эти иконы и лампы какое-то время находились в нижнем храме вновь отстроенной на горе Карей церкви. Где они находятся теперь, мне неизвестно. — Прим. авт.

ню. Обливаясь потом, некоторые были раздеты до пояса, но они не обращали внимания на жар летнего солнца, обжигающего их своими палящими, раскалёнными лучами. Ангелос Раллис постоянно находился рядом с ними. Пребывать неотлучно на горе Карея мужа обязывали не только те чувства, которые испытывали все работавшие там, но и возложенная на него ответственность за археологические находки. Если бы какая-то из них пропала, археолог спросил бы с него. Во второй половине дня на место раскопок обычно приходили протосингел Никодим (Анагносту) и богослов Евстратий Климис. Они ободряли и воодушевляли рабочих. Воистину эти рабы Божии, так же, как и богослов Георгий Сотириу, оказали нам неоценимую помощь и духовную поддержку в той борьбе, которую мы вели.

В ходе раскопок было обнаружено много археологических находок, которые подтвердили, что на этом святом месте в древности находился монастырь, впоследствии разрушенный. Масличные деревья, растущие на нашем участке, одно за другим приходилось выкорчёвывать. Нужно было копать под ними, чтобы выйти на тот же самый уровень, на котором находились развалины древней церкви. Раскопана огромная, продолговатая стена, ограждавшая, как говорит археолог, монастырский двор. Найдено множество домашней глиняной посуды, осколки стекла от паникадил и лампад, серебряная святая лжица, разбитый сосуд для освящения воды и другие предметы цер-

ковного обихода — всё византийской эпохи, по заключению археолога, который ежедневно увозил с собой в Митилини то, что представлялось ему наиболее ценным, и то, что он в силах был забрать — ведь автомобильная дорога на гору Карея тогда ещё не была проложена³.

Во дворе монастыря, напротив древнего храма, была обнаружена ещё одна стена со следами разделения на комнаты. Затем, неподалёку от неё, — и другие подобного рода стены. «Комплекс жилых помещений», — констатировал археолог. Стены, почерневшие от огня, покрытые сажей, внутри обугленные доски. Рабочие, копавшие там, поднимались на поверхность земли чёрными, как трубочисты.

В углу одной из комнат, рядом с какой-то полюбогревшейся доской, была найдена золотая монета с изображением византийского императора Михаила⁴ и его супруги Ефросинии. Имя Михаила на монете хорошо различимо, а в имени Ефросиния чётко видны лишь последние буквы НН. Археолог утверждает, что эта монета более ранней эпохи, по всей видимости, была украшением, пожертвованным на одну из сгоревших икон.

Все эти находки вдохновили нас и заставили замолчать многих скептиков. Рабочие не расходились вечером по домам, а оставались ночевать на горе Карея под маслинами... А каждую суб-

3. Все находки были переданы археологам Харитонидису и Калокирису. Какова их дальнейшая судьба, мне неизвестно. — Прим. авт.

4. Речь идет об императоре Михаиле II, правившем в 820–829 гг. — Прим. авт.

боту, при получении зарплаты, они от всего сердца жертвовали половину суммы дневного заработка на общее дело.

Дука Цолакис здесь же, на месте раскопок, соорудил временную лачугу и поселился в ней вместе со всей своей семьёй.

Лавочники Ферми, откликнувшись на просьбу Мирсини Дургуна, снабжали рабочих продуктами, а Мария Цолаки для них готовила. Эту простую пищу все ели за общей братской трапезой — иногда под сенью маслин, а иногда прямо среди отвалов выкопанной земли. Многие из жителей села безвозмездно трудились на раскопках. Даже женщины и дети возили тележки с землёй и камнями.

Вместе с рабочими не раз оставался ночевать на горе Карея богослов Евстратий Клиμισ. Эти ночи он проводил в посте и молитве среди развалин древней церкви, почему и сподобился многих чудес и откровений. Приснопамятному Фотию (Кондоглу) он писал так:

«Невозможно передать словами то, что происходит на сем святом месте, где святые Рафаил, Николай и маленькая Ирина пострадали за Христа. Это, воистину, место мученического подвига. Это вторая Голгофа. Это место слёз, но одновременно и радости. Место сие, на котором одни развалины, назидает более, чем могут научить все университеты мира. Это место света, ибо даже самые далёкие от веры люди здесь просвещаются и становятся истинными христианами».

ОТКРЫТИЕ СВЯТОГО ИСТОЧНИКА

Июнь 1961 года.

Во время проведения раскопок святые, являясь многим людям во сне, говорили об источнике, который существовал в обители. Первым, кому приснился такой сон, был наш односельчанин Менелай Плакас. Ему предстала Жена, одетая в чёрное. Она провела его за алтарь древней, лежащей в развалинах церкви и сообщила, что там есть святой источник. Другое откровение было послушнице Василики Малляру. Явившаяся ей Царица Небесная сказала, что источник находится «позади святого алтаря, в тоннеле».

Это место оказалось теперь в центре всеобщего внимания. Рабочие под наблюдением археолога начали здесь раскопки. Когда они углубились примерно на два метра, на гору Карея пришла дотоле не известная никому из нас женщина и, сильно волнуясь, спросила присутствующих:

— Скажите, пожалуйста, кто из вас Ангелос Раллис?

— Я,— ответил Ангелос (он стоял тогда под одним из деревьев и беседовал с Климисом).— А Вы кто?

— Меня зовут Мария Балабани. Я с хутора Сифьяна села Пирги. Пришла сюда впервые, потому что видела этой ночью знаменательный сон и получила от святого Рафаила повеление рассказать вам о нём.

Все с удивлением посмотрели на неё.

— Что же вы видели, дорогая? — спросил Климис.

— Я видела святого Рафаила, который шёл впереди множества монахов. Видно было, что он здесь главный. Его отличал чёрный покров поверх скуфьи (она имела в виду намётку). В руке святой держал глиняную кадильницу. Ей он покадил за алтарем храма, а затем встал на колени рядом вот с этим деревом (женщина указала на большую маслину) и подозвал меня к себе. Я тоже преклонила колени и поцеловала его руку. Тогда он показал мне отверстие, своего рода колодец, шурф или туннель, и сказал: «Мария, вот святой источник. Передай Ангелосу Раллису и всем, кто сейчас на горе Карея пытается найти сию святыню: нужно выкорчевать это дерево, очертить пространство, которое занимают его корни, и копать прямо под ними, не уклоняясь ни вправо, ни влево — строго под корнями. Выкопанная яма будет очень глубокой. Во время раскопок будут найдены и несколько старинных монет».

В этот момент к нам подошел археолог. Внешний облик этой простой женщины, манера речи не вызвали у него доверия, и он скептически покачал головой.

— Но ведь это дерево не занимает такого уж большого пространства,— сказал Климис.— Почему бы не копать рядом с ним? Стоит ли рабочим брать на себя такой труд — выкорчевывать маслину?

— Но так сказал святой Рафаил... удалить дерево и копать точно в том месте, где располагались его корни, — ни правее, ни левее. Так он распорядился. Я передаю вам его слова... я не лгу.

— Послушайте, братья,— вмешался в разговор Ангелос,— мы уже выкорчевали на моём участке столько деревьев. Что нам стоит удалить и это? Сами подумайте, пришла бы эта женщина сюда пешком из далёкого села по такой жаре, чтобы рассказывать нам тут небылицы?

Все согласились. Рабочие отложили в сторону лопаты и взялись за пилу — начали отпиливать ветви дерева. Сначала, впрочем, без особого энтузиазма. Им показалось, что Мария Балабани, возможно, немного не в себе.

На то, чтобы срубить и выкорчевать маслину, ушло два дня. Работали лопатами. В то время не было нынешней техники, которая позволила бы справиться с этой задачей значительно быстрее. К вечеру 12-го числа дерево выкорчевали, очертив участок, который занимали его корни.

13 июня с самого раннего утра, пока было ещё не так жарко, двое рабочих — Дука Цолакис и Панайот Бакас — начали копать. Они работали безостановочно, с рвением, веря и надеясь обрести источник. Прошло несколько часов. Солнце было уже высоко, жара стояла страшная, невыносимая. Пот тёк ручьями по их лицам и обнаженным спинам.

— Святые пролили здесь, на этой горе, свою кровь, — сказал Бакас, — ну а мы хоть пот прольём... Но если под корнями дерева не обнаружится источник, мы эту женщину погоним отсюда лопатами, пусть она только ещё тут появится.

Уже была выкопана яма глубиной примерно два метра.

— Грунт твердый, каменистый, — нервничал Дука. — Нет никаких признаков источника.

Надежда, окрылявшая всех вначале, постепенно стала сменяться разочарованием. Не теряли присутствия духа только мы с Мирсини Дургуна и Марией Цолаки. Стоя рядом с рабочими, мы верили, что сон Марии Балабани сбудется.

Внезапно Панайот Бакас, с глубины приблизительно двух с половиной метров, достал первую находку: серебряную монету, на одной стороне которой был изображён двуглавый орел, а на другой — византийский крест с четырьмя буквами «В» по углам.

— Господин Ангелос! — радостно закричал Бакас, подзывая к себе моего мужа, который до

той поры вместе с археологом иронизировал по поводу моей неколебимой уверенности в том, что всё будет именно так, как говорила Мария Балабани.— Я теперь на стороне вашей жены. Смотрите-ка, что я нашёл.

Археолог, взяв в руки монету и, внимательно рассмотрев её, сказал:

— Это монета эпохи Константина Палеолога. Четыре «В» означают «Βασιλεύ Βασιλέων Βοήθει Βασιλεύουσαν»⁷².

Теперь уже никто не посмеивался. Рабочие копали с ещё большим энтузиазмом. Глубже обнаружилась другая монета, подобная первой. Каменистая прежде почва становилась более мягкой. Нашему взору открылись каменные выступы, похожие на ступеньки,— некоторые почерневшие от огня, одни целые, а другие разбитые,— а также осколки различных глиняных сосудов. На семиметровой глубине рабочие обнаружили вход в туннель, высеченный в скале. Из этого входа, наглухо замурованного, превратившегося со временем в сплошной камень, просачивалась струйка воды. Археолог, спустившись по приставной лестнице и тщательно его исследовав, с удивлением воскликнул:

— Ну и ну! Можно подумать, у этой женщины был рентгеновский аппарат, с помощью которого она заглянула на семиметровую глубину... Великие чудеса творит святой Рафаил!..

Стемнело. Вечер близился к ночи.

1. «Царь царствующих, помогай царствующему Граду». — Прим. перев.

Археолог распорядился, чтобы на завтра был вызван специалист, который мог бы, вооружившись ломом, разбить каменную преграду и открыть доступ в обнаруженный туннель.

В село мы вернулись воодушевлённые, с радостным чувством. Сон Марии Балабани сбылся. Вход в подземелье со святым источником находился точно под корнями маслины! Если бы мы копали правее или левее, то источника бы не нашли. Это подтвердил и археолог. Святой чудотворец Рафаил, видя наши труды, помог нам. Дивен Бог во святых Своих!..

Святой источник был обнаружен в тот самый день, в который год тому назад была обретена могила диакона Николая, то есть 13 июня.

Радостная новость разнеслась по всему селу и окрестностям. На следующий день множество народа из Ферми и близлежащих сел, Пирги и Памфила, собралось на горе Карея. Но там нас ожидал «сюрприз». Похожая на колодец яма, которую выкопали накануне, была доверху наполнена водой!..

— Что же делать? Как нам обследовать штольню? — недоумевал архитектор.— Нужно вычерпать всю эту воду...

В голове у него созрел план, и он стал давать указания. Выстроил в цепочку всех, пожелавших оказать помощь, а таких нашлось немало — мужчины, женщины и даже дети. Дука Цолакис и Панайот Бакас черпали вёдрами воду и наполняли этой водой банки. Их люди предавали по

цепочке из рук в руки и выливали на краю склона. Несколько раз казалось, что дело уже близится к концу, вода заканчивается, но она снова и снова каким-то необъяснимым образом поднималась до самого верха ямы. Так продолжалось в течение всего дня. Наконец было принято решение принести на следующий день специальный насос, чтобы откачать воду. Но вода отступила сама (опять же неизвестно почему), и открылось дно колодца. Наши односельчане Костас Пагонис и Христос Христодулу немедленно спустились вниз, чтобы ломами разрушить каменный завал, преграждавший вход в туннель.

Христос Христодулу рассказал, что на рассвете этого дня видел сон.

Он поднимается на гору Карея, а навстречу ему идут два монаха. Он остановился, чтобы пропустить их, но они тоже остановились, поприветствовали его, и один из них дружелюбно, как старый знакомый, обратился к нему с такими словами:

— Христос, сколько раз ты уже хотел прийти поработать на горе Карея, и всё никак не соберешься. Завтра приходи обязательно — ты нам будешь нужен.

В это мгновение Христос проснулся и сразу же подумал: «Это святые Рафаил и Николай... Почему они сказали, что завтра я им понадобится? Обязательно надо пойти».

В период, когда шли раскопки, Христодулу несколько раз собирался пожертвовать одним из

своих рабочих дней и поучаствовать в общих трудах, но всё время откладывал выполнение этого намерения, будучи очень занят: он был хозяином бакалейной лавки.

Рано утром, закрыв свой магазин, он пришел на гору Карея. И когда археолог спросил: «Кто возьмётся разбить камень, преграждающий вход в штольню?» — Христодулу сразу же воскликнул взволнованно: «Я!» А потом прошептал: «Вот зачем я был здесь нужен... Благодарю тебя, святой Рафаил, что ты позвал меня» (в молодости Христос был каменотёсом, у него была своя известковая печь).

Много пришлось приложить усилий, чтобы освободить проход. Когда это было сделано, открылся тёмный туннель, полный сталактитов и уходящий на неизвестную глубину.

— Осторожно, ребята! — сказал археолог. — Пока что не заходите туда... Спускаться в пещеру опасно.

— Я пойду первый, — решительно заявил Дука Цолакис. — Если погибну, значит, такова воля Божия... ради святых мне и жизни своей не жалко. Дайте мне только зажжённый фонарь освещать путь и какую-нибудь палку, чтобы на неё можно было опираться и быть уверенным, что под ногами твёрдый грунт.

Мы переглянулись. Никого не оставила равнодушным такая решимость Дуки, который совсем недавно и в Бога-то не верил, а ныне возымел такую веру, что готов был пожертвовать

своей жизнью ради святых... Он осенил себя крестным знамением, взял в одну руку зажжённый фонарь, а в другую посох и, войдя в туннель, медленно и осторожно стал продвигаться вперёд. За ним напряженно, с тревогой следили Ангелос и Бакас, оставшиеся стоять у входа.

— Как ты там, Дука? — всё время спрашивал Ангелос. — Смотри в оба!

— Смотрю, господин Ангелос, не беспокойтесь, у меня всё в порядке, — отвечал тот...

Наконец откуда-то издалека донёсся его голос:

— Всё, конец!.. Источник здесь — в скале!

Ангелос с Бакасом немедленно спустились в туннель... Когда через какое-то время все трое выбрались наружу, их одежда была мокрой от воды, стекавшей со сталактитов, а глаза — влажными от слёз.

— Одна мысль о том, что по прошествии пятисот лет мы первые вошли туда, где ходили святые, где была пролита их мученическая кровь, одна эта мысль, — говорил Ангелос, — заставляла сердце биться так, что оно, казалось, готово было разорваться на части...

Затем Дука с Бакасом хорошенько закрепили опущенную в яму приставную лестницу. С их помощью мы все спустились вниз, чтобы поклониться святыне. Длина туннеля составляла семь с половиной метров. В конце она поворачивала направо. Родник истекал из отверстия в скале,

под которым находился своего рода жёлоб или корыто, высеченное из особого камня — так называемой сармусакопетры².

Под сводом штольни, словно хрустальные лампы, висели сталактиты, которые переливались всеми цветами радуги, отражая сияние горевших в наших руках свечей. Это придавало незатейливому подземному туннелю особую, неземную красоту. Он представлялся нам каким-то сказочным дворцом. Меня снова и снова охватывает трепет, когда в памяти оживают эти незабываемые минуты, это время, ставшее в моей жизни важнейшей вехой. Само воспоминание о нём не раз окрыляло душу и придавало ей новые силы³.

Археолог, внимательно исследовав штольню, заявил, что источник находился прямо за алтарем древней церкви.

— Это было в византийской традиции, — добавил он, — строить церковь так, чтобы алтарь находился над «источником вод».

То же самое сказал и византолог Калокирис, посетивший место раскопок несколько дней спустя.

2. Этот камень добывали на горе Сармусак в Малой Азии. — Прим. авт.

3. В июле 1964 года арка, в которой находился святой источник, была полностью разрушена при возведении на этом месте часовни, существующей и поныне. Несмотря на мои протесты, лица, руководившие строительством, не позаботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности этот естественный памятник. Все зацементировали, а оставшаяся в первозданном виде часть скалы, из которой истекал родник, недавно, по указанию игуменьи Евгении Клидара, была обложена мрамором. — Прим. авт.

Во второй половине того же дня на гору Карея пришли протосингел Никодим (Анагносту) и богослов Евстратий Климис. Помолившись с умилением в туннеле и поднявшись затем наверх, они отслужили молебен Пресвятой Богородице и пропели тропари святым.

Через три дня приехал и митрополит Иаков (Клеомвроту). Он был очень взволнован — когда говорил, его глаза всё время увлажнялись слезами. Владыка дал несколько указаний Ангелосу и старшим рабочим, Дуке Цолакису и Панайоту Бакасу: напротив туннеля со святым источником выкопать ещё один ров, в который могла бы уходить вода, а в стене ямы, ведущей к туннелю, высечь ступеньки, чтобы облегчить и сделать более безопасным доступ паломникам.

Распоряжение митрополита было немедленно выполнено. Рабочие в тот же день принялись копать вторую яму, предназначенную для спуска воды. Но нас ждала новая неожиданность...

Прямо напротив арки со святым источником обнаружилась другая — высеченная не в скале, а в твёрдом грунте. Вход в неё был завален камнями. Как только рабочие разобрали завал, открылся ещё один тёмный туннель, уходивший на неизвестную глубину. Высота его была около полутора метров, а ширина такая, что могли поместиться бок о бок два человека. Археолог и инженер, осмотрев туннель снаружи, запретили рабочим входить внутрь, опасаясь, что свод его может обрушиться.

Движимые любопытством, Дука и Бакас всё-таки пробрались на какое-то расстояние вглубь него. То, что они там увидели, заставило их содрогнуться от ужаса!.. Их взору предстал скорченный человеческий скелет, кости которого были перемешаны с землей. Ноги находились в вертикальном положении... По всему было видно, что какой-то человек спрятался здесь от турок и, когда церковь взорвали, погиб, заваленный землей.

Мужчины собрали все косточки, которые они смогли отделить от земли, и передали нам. Мы их промыли, высушили и положили в картонную коробку. Кто был этот неизвестный, святые нам в сновидениях не открыли... Для всех нас сие осталось тайной. Археолог Харитонидис и инженер Апостолеллис распорядились засыпать вход в этот туннель, чтобы никто больше не попытался проникнуть внутрь,— они опасались несчастного случая. Нам казалось, что лучше было бы всё-таки исследовать его и выяснить, куда он ведёт и не скрывается ли там ещё что-либо... Сейчас над ним находится высланный плитами двор церкви святого Рафаила.

ПЕРВЫЕ ЧУДЕСА ОТ СВЯТОГО ИСТОЧНИКА

Один восьмилетний мальчик из села Памфилы заболел остеомиелитом¹. В поликлинике в Митилини ему наложили на ногу гипс, но состояние больного продолжало ухудшаться, нога болела невыносимо. В конце концов врачи заявили его матери, Каллиопе Василеллис, что необходимо хирургическое вмешательство и ребёнка нужно везти в Афины. Бедная женщина не имела средств ни на поездку в Афины, ни на операцию.

Одна её родственница и односельчанка в тот самый день, когда был обнаружен святой источник, набрала из него воды и привезла ей немного в бутылочке. Каллиопа с верой помазала ногу сынишки этой водой, умоляя Пречистую и святых сотворить чудо. В ту ночь больной спал спокойно, а когда проснулся, с радостью сообщил матери, что нога совсем не болела. Каллиопа с удивлением обнаружила, что опухоль на ноге спала, и гипс теперь сво-

1. Воспаление костного мозга, распространяющееся обычно на всю кость.— Прим. перев.

бодно болтается. Она немедленно повезла мальчика в Митилини, чтобы показать врачам. Те сняли гипс и констатировали неоспоримый факт: ребёнок совершенно поправился и ни в какой операции не нуждается.

В благодарность за чудесное исцеление сына Каллиопа, не имея возможности пожертвовать деньги, пришла на гору Карея и три дня проработала там, непрерывно таская на тачке камни и землю.

Как чудо расценил это исцеление и врач-ортопед из Салоник Александр Каломирос. Оказавшись в те дни на Лесбосе, он совершил паломничество на гору Карея, где познакомился с Каллиопой Василеллис и узнал от неё о случившемся с её сыном. Желая лично убедиться в том, что дело обстояло именно так, как рассказывала женщина, он отправился в Митилини и посмотрел рентгеновские снимки, сделанные врачами до и после исцеления. Ознакомившись с ними, он перекрестился и сказал взволнованно:

— Это явное чудо!.. Внезапно исцелиться нога ребёнка никак не могла. В лучшем случае могло бы только длительное лечение.

Помню слова, которые он произнёс, находясь у нас в гостях перед отъездом в Салоники:

— Об этом чудесном исцелении я расскажу в Салониках некоторым своим коллегам, которые не верят в чудеса. Дивны дела Твои, Господи!..

Второе чудо

В те дни, когда был обнаружен святой источник, наш односельчанин, рыбак Апостолос Вецос, вытряхивал сети. Случайно ему в глаз попала чешуйка сардины и серьёзно повредила роговицу. Окулист Торолопулос, обследовавший рыбака в Митилини, сказал, что тот должен немедленно ехать в Афины, если не хочет лишиться зрения. Апостолос и его жена, перед тем как отправиться в путь, взошли на гору Карея, поклонились там святым, попросили у них помощи и благословения в дорогу, а затем спустились в пещеру и промыли больной глаз водой из источника. В то же мгновение, как рассказывал потом Апостолос, он почувствовал облегчение. Когда они вернулись в село, он прилёг немного отдохнуть, потому что была ещё середина дня, а уезжать предстояло в шесть часов вечера. Вскоре он проснулся и сказал жене:

— Захаро, глаз ничуть не болит... Я чувствую, что он совершенно исцелился.

Захаро развязала повязку, закрывавшую глаз, и, взволнованная, осенила себя крестным знаменем. Состояние глаза не просто улучшилось, как она предположила вначале, — глаз был абсолютно здоровым, словно никакой травмы и в помине не было!..

Супруги не только воздали хвалу Господу и святым, но и повсюду возвестили о случившемся чуде. Журналист Мимис Элефтериадис написал

тогда об этом чудесном исцелении статью, которая была опубликована в местной газете. А Апостолос Вецос с тех пор стал раз в неделю приходить на гору Карея и трудиться на раскопках.

От святого источника происходили и другие чудеса. Так, многие люди не раз видели его озарённым таинственным, небесным светом.

Один случай рассказала Елена Хадзарас. Сама она родом из Ферми, но в ту пору жила в Митилини вместе со своими родителями, Янисом и Марией Димакис. Елена — внучка Виргинии Адам, благочестивой христианки, удостоившейся во сне откровения о том, где находится глиняный сосуд, в котором турки заживо сожгли святую Ирину.

Рассказ Елены Хадзарас

«Однажды во второй половине дня, — рассказывала женщина, — в то время, когда обычно совершается вечерня, мы с мамой поднялись на гору Карея, чтобы помолиться там святым и набрать воды из источника в дивной пещере со сталактитами, о которой с восхищением отзывались все её видевшие. Сначала мы зашли во временную деревянную церковку, построенную наверху после сноса первого храма. Мы зажгли свечи, покадили перед иконами и сердечно помолились. Мы пребывали в такой тишине, в та-

ком уединении, такие святые чувства переполняли наши души, что уходить из этого благословенного места никуда не хотелось. Но время шло, нужно было управиться до темноты — мы ведь ещё хотели побывать в пещере.

Когда мы, покинув храм, начали спускаться по тропинке вниз и ещё находились среди земляных валов, нагромождённых в ходе раскопок, я оглянулась назад, как бы прощаясь с этой церквушкой, в которой нам было так хорошо. И — дивное дело! — я увидела, что за алтарем храма стоит одетая в чёрное пожилая женщина и смотрит в нашу сторону.

— Мама, посмотри, — сказала я, — какая-то старица стоит около церкви. Где она была раньше, почему мы её не видели? Это, наверное, одна из жительниц Ферми. Может, ей надо помочь спуститься в село? Я сбегаю назад — возьму её под руку, помогу ей.

Мама осталась стоять на своём месте, а я побежала назад, чтобы помочь старице спуститься вместе с нами в село. Но как только я прилизила к храму, старица внезапно исчезла!.. Я посмотрела направо, налево, зашла в храм, но её нигде не было — она словно растаяла в воздухе!..

В растерянности и недоумении я вернулась к маме и рассказала ей о происшедшем. Мама, естественно, тоже растерялась, не зная, как объяснить исчезновение таинственной женщины в чёрном, которую мы обе так отчётливо видели.

Из-за задержки мы упустили время. Начинало уже смеркаться. Когда мы приблизились к яме, в которую надо было спуститься, чтобы попасть к источнику, то заколебались: зайти в пещеру нам представилось невозможным — было темно. Мы расстроились, постояли немножко и собрались уходить, решив, что в следующий раз придем на гору Карея пораньше и тогда уже наберём святой воды. Не успели, однако, мы и шагу ступить назад, как пещера вся озарилась светом, словно внутри неё зажгли сотни свечей. Обрадованные, полагая, что там находятся другие паломники, которые и затеплили свечи, мы быстро спустились вниз по ступенькам, высеченным в стене ямы, и зашли в пещеру. Ни одного паломника, кроме нас, здесь не было. Но свет, яркий, таинственный и непостижимый, разливался повсюду, давая нам возможность двигаться свободно и уверенно. Мы не ощущали никакого страха, только священный трепет охватывал душу и на глаза наворачивались слёзы... Набрав святой воды и облобызав стены пещеры, мы так же легко покинули её. Свет продолжал сиять до тех пор, пока мы не поднялись по ступенькам, ведущим из ямы, а потом внезапно погас — как гаснет электрический светильник, — и пещера опять погрузилась в темноту...

Прошло столько лет, но всякий раз, вспоминая об этом чуде, которого мы с мамой удостоились, я трепещу от волнения и плачу».

Многим благочестивым христианам были явлены чудеса в пещере святого источника. Некоторые сподобились видеть там воочию и самого святого Рафаила, который потом вдруг внезапно исчезал, осиянный как бы вспышкой молнии. Чтобы не утомить читателя, я рассказала здесь лишь о первых чудесах, произошедших после обретения святого источника.

ГОРЯЧЕЕ ЖЕЛАНИЕ НАЙТИ ИКОНУ БОГОРОДИЦЫ

Раскопки продолжались. Мы все горели желанием найти икону, о которой столько раз извещали в снах Пресвятая Богородица и святые. В этот период часто совершались всенощные бдения, иногда во временной деревянной церквушке, где бледный свет лампад словно оживлял образы святых на иконах, а иной раз — под открытым небом, среди земляных валов, образовавшихся в ходе раскопок. Эти бдения в самой скромной, непритязательной обстановке, воистину, мне никогда не забыть. Всякий раз, когда впечатления тех дней воскресают в моей памяти, я не могу справиться с волнением... Господь чудесным образом преображал всё вокруг: свет луны, дрожащее сияние звёзд и свечей, и мы, собравшиеся вместе, составлявшие как бы одно тело и объединённые братской любовью. Мы, верующие христиане, совершенно явственно ощущали тогда, как некая особая, благодатная волна охватывала всё наше естество, вырывала нас из этого суетного, тленного мира с его страстями, с господству-

ющими в нём мелочностью, тщеславием и эгоизмом и возносила в мир иной — туда, где царствуют красота, непорочность, любовь и смирение.

В службах участвовали протосингел Никодим (Анагносту), а также богословы Евстратий Клиμισ и Георгий Сотириу. Их вдохновенная проповедь захватывала слушателей, наполняла душу умилением, придавала сил и решимости бороться с грехом. А сладкогласное пение моего супруга Ангелоса Раллиса и секретаря митрополита Харалампия Вуяса, разносившееся по окрестным просторам, приводило сердца в состояние невыразимого, священного трепета. Некоторые благочестивые христиане, часто даже когда не было всенощных, оставались на горе Карея до утра вместе с рабочими, которые там ночевали. Частенько с рабочими оставался Александр Наум, близкий друг приснопамятного Фотия Кондоглу, возглавлявший в ту пору филиал компании Philips в Афинах.

Как-то раз, летом 1961 года, Александр Наум решил провести ночь на святой горе. Он поднялся туда, когда уже сгущались сумерки и на небе одна за другой загорались первые звёзды. Сначала Александр зашёл во временную деревянную церковку, заменившую собой снесённый храм, и с благоговением там помолился. Выйдя потом во двор, он присел под маслиной и завёл беседу с рабочими.

— Сегодня останешься здесь, Александр? — спросил его Дука.— Где же ты будешь спать?

— Да я вообще не буду спать, Дука... Буду бодрствовать в одиночестве.

«Ну что ж, в добрый час,— подумал про себя Дука.— Видно, он хочет чудо увидеть, а потом от страха как пустится бежать среди ночи... Вот только как он в темноте спустится с горы? Нужно быть начеку: как бы с ним чего не случилось, а то нам потом отвечать...»

Александр ещё какое-то время беседовал с рабочими, а когда они улеглись спать, расстелив коврики, которые днём складывали на штабель из выкорчеванных деревьев, встал и пошёл бродить среди древних развалин. Потом сел на землю под деревом, прислонился спиной к стволу и стал, как потом рассказывал, наслаждаться очарованием ночи. Порой закрывал глаза и шептал какую-нибудь молитву, затем снова их открывал и устремлял взор на небо, светившиеся мириадами звёзд. Было уже за полночь, когда он вдруг увидел издалека, что деревянная церковка вся охвачена каким-то сиянием. «Странно,— подумал он,— от лампад не может исходить столько света... Может быть, в церкви начался пожар из-за непотушенной лампы или свечи?» Александр тут же вскочил и побежал узнать, что случилось.

Когда он приблизился к храму, то с изумлением увидел, что перед входом стоит высокий священнослужитель в архиерейском облачении золотистого цвета. Александр был не из робких, а кроме того, ему и в голову не приходи-

ло, что святой может вот так, въяве, предстать обычному человеку. Поэтому он пошёл навстречу к незнакомцу, движимый любопытством. Но, подойдя ближе, застыл как громом поражённый!.. Человек, пристально смотревший на него и улыбавшийся, был святой Рафаил!.. Окружавшее его сияние позволяло до мельчайших подробностей рассмотреть внешность небесного гостя. «Величественный взор, буквально пригвоздивший меня к месту, — говорил нам Александр, — я не забуду до конца своих дней». Он почувствовал, что от волнения у него начинает кружиться голова, а ноги подкашиваются, и громко вскрикнул, разбудив рабочих. Святой исчез. Померкло и сияние, освещавшее всю церковь. Дука Цолакис тут же подбежал к Александру, взял его под руку, отвёл к тому дереву, под которым тот сидел прежде, и усадил на землю. Вокруг собрались и другие рабочие. Александр тихим и срывающимся от волнения голосом рассказал им о том чуде, которое он сподобился видеть. Оставшуюся часть ночи Дука провел без сна подле него, а когда забрезжил рассвет, проводил Александра в село и привёл к нам домой. Тот никак не мог оправиться от пережитого потрясения, был до глубины души взволнован, но в то же время, как он сам говорил, испытывал несказанную радость: ведь он удостоился воочию лицезреть великого чудотворца — святого Рафаила.

Это был не единственный случай во время раскопок, когда святой Рафаил наяву являлся паломникам. Его сподобились видеть очень многие. Особенно часто это происходило во время всенощных бдений. Я никогда не забуду одно из них, которое служилось 9 апреля 1961 года (день мученической кончины святого Рафаила). Ночь была лунная и тихая. Кроме наших односельчан, на горе Карея собралось и немало жителей села Памфилы, пришедших сюда вместе со своим священником, отцом Константином Скалистисом.

Служба совершалась во дворе временной церквушки, которую мы построили в пятнадцати—двадцати метрах от развалин древнего храма. Без четверти двенадцать Евстратий Климис предложил всем встать на колени, чтобы почтить минутой молчания мученическую кончину святого Рафаила, который, как явствовало из сновидений, именно в это время был зарезан турками. Все молча, с умилением в сердце, преклонили колени. Воцарилась полная тишина.

Внезапно среди развалин старой церкви, перед могилой святого Рафаила, мы увидели высокого священника в чёрном. Он стоял неподвижно, словно погружённый в молитву. В лунном свете его фигура различалась отчётливо, и сначала мы подумали, что это отец Пахомий — священник села Пирги. Один господин из Памфил, Савва Зафириу, стоявший на коленях рядом со мной, проговорил тихо:

— Бедный отец Пахомий, у него ведь был такой сильный грипп... И надо же, всё-таки не захотел пропустить всюнощную, пусть и с опозданием, но пришёл.

— Не думаю, что это отец Пахомий,— прошептала Христина Фирингу, находившаяся подле нас.— Как только мы встанем с колен, я сразу же пойду посмотрю, кто это.

Минута молчания подошла к концу. Мы поднялись с земли, но не успела Христина приблизиться к таинственному батюшке, как на наших глазах его окутало мягкое, нежное сияние, и он внезапно исчез. В первое мгновение все совершенно растерялись!.. Потом стали недоуменно переглядываться и спрашивать один другого, что он видел, чтобы убедиться, не было ли это обманом зрения.

И когда выяснилось, что священника и вспышку света, в которой он растворился, видели все без исключения, мы поняли, что это был святой чудотворец Рафаил. И нет слов, чтобы описать охватившие нас тогда чувства умиления, потрясения, радости.

Попытки обрести икону, о которой в стольких снах оповещали нас святые и Царица Небесная, продолжались. Была раскопана большая территория вокруг развалин древнего храма, но образ так и не был найден. Шло время. Часто деньги на оплату труда рабочих заканчивались, однако

бригадиры Дука Цолакис и Панайот Бакас заявляли приходскому совету, что раскопки будут продолжаться, а потом обращались ко мне, как заговорщики:

— Госпожа Василики, пора пускать в дело перстень!..

Им обоим было известно о сне, который я видела перед тем, как были начаты работы, и о приказании святого Рафаила: «Немедленно начинайте раскопки, а когда кончатся деньги, иди и продай свой перстень». Я и вправду несколько раз пыталась продать это кольцо, отсылая его через Марию Цолаки или Мирсини Дургуна, но — о чудо! — оно всё время ко мне возвращалось, ибо в самый последний момент приходила неожиданная помощь. Так что, когда раскопки были завершены, я пожертвовала его для украшения иконы святых. Это было первое пожертвование...

А вторым пожертвованием стал золотой крест Александра Наума, который он, волнуясь, снял со своей шеи и повесил на икону рядом с моим перстнем. Там, внутри, по его словам, находилась и частица Древа Животворящего Креста Господня.

ОБРЕТЕНИЕ ИКОНЫ ГОСПОДА ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ

23 июля 1961 года.

Рыбак Костас Канелос ловил рыбу на судне в районе Пломари⁷⁶. В час отдыха он прилёг в трюме корабля и заснул. Проснулся же крайне взволнованный, потому что увидел сон.

Ему приснилось, что он у дверей своего дома в Ферми, мимо него проходит и поднимается по тропинке, ведущей на гору Карея, множество людей. Он спросил у одного из них, куда они идут. Тот ответил:

— На горе сейчас совершается литургия. Служат святые.

Костас немедленно последовал за всеми. Думая, что литургия заканчивается, он ускорил шаг, боясь опоздать. Около святого источника он увидел святых Рафаила и Николая. Они пели, а вокруг них множество народа стояло на коленях. Увидев Костаса, святой Рафаил тут же подозвал его к себе, обратившись к нему по

1. Населённый пункт на юге Лесбоса. — Прим. перев.

имени, а затем отвёл за алтарь церкви, которая была в первозданном своём виде — такой, как в древние времена, а не разрушенной, как ныне. Костас поклонился святому и облобызал его десницу. Святой вручил ему кирку и приказал разрушить стену алтаря. Костас стоял в нерешительности ... Как ему поднять руку на святыню? Но святой настойчиво повторил приказ... Костас испугался и, взяв кирку, стал наносить удары по стене алтаря. Он успел ударить только три раза, как алтарь разрушился сам собой. Через образовавшийся проём Костас вошёл в церковь. Там он увидел святую Ирину, сидевшую около могилы святого Рафаила. На ней было длинное платье, доходившее до пола, в руке она держала чёрный крест. Увидев Канелоса, девочка улыбнулась, вручила ему крест и сказала:

— Иди в село и возгласи: «Да здравствует наша Вера!..»

Потом слегка приподняла край платья и указала на лежавшую на полу круглую золотую иконку небольшого размера:

— Эта икона находится на том самом месте, на котором ты меня сейчас видишь, под плитами, которыми устлан пол. Выкопайте её.

В это мгновение Костас проснулся. Приподнявшись, он сел на своём ложе и стал размышлять: «Как я им скажу, чтобы разобрали пол в алтаре, ведь археолог запретил прикасаться к развалинам церкви? Хорошо, если икона бу-

дет найдена... А если нет? Мне тогда ото всех достанется...»

Весь день его не оставляли эти мысли. Он ходил сам не свой, но никому ничего не сказал. Наконец, решил совсем умолчать о своём сне, никому о нём не рассказывать. Приняв такое решение, он успокоился. Но на следующую ночь ему опять приснилась святая Ирина. Она стояла перед ним, держала в руке икону и говорила:

— Почему, Костас, ты не решаешься рассказывать о виденном тобою сне? Этот образ находится там, где я тебе показала, под плитами.

На этот раз Костас проснулся ещё более взволнованным. «Что делать, Господи, вразуми... говорить или не говорить? Если будут копать и не найдут, мне несдобровать!.. Но ведь сон был таким явным, что всё казалось происходящим в действительности... Если он не сбывается, я никаким снам больше не поверю, так и заявлю: это всё плод нашей фантазии». С этими мыслями в голове, всё ещё сомневаясь, он снова предпочел хранить молчание.

На следующую ночь, 25-го числа, он проснулся в великом страхе. Ему приснился святой Рафаил в мундире офицера. Двое воинов вошли в дом и сказали:

— Собирайся немедленно и иди с нами на гору Карея. Тебя требует к себе наш офицер, чтобы наказать — не только за то, что ты никого не оповещаешь о своём сне, но и за то, что хочешь поставить под сомнение все сны, если икона не

будет найдена. Святой Рафаил очень разгневан... Идём скорее, поторапливайся!..

Костас, как ошпаренный, вскочил с постели. Он буквально дрожал от страха.

Рано утром он уже был в Ферми, сразу же пришёл к нам домой и поведал о своих сновидениях.

— А скажи-ка, Костас, хорошо ли ты запомнил то место, на которое тебе указала святая Ирина? — спросил его мой супруг.

— Да, господин Ангелос, я очень хорошо его помню,— отвечал тот.— Идём прямо сейчас на гору Карея, я вам его покажу.

Они тут же отправились на гору, и Костас показал мужу это место.

Ангелос, не теряя времени, поехал в Митилини и уведомил обо всем митрополита Иакова и протосингела Никодима (Анагносту).

— Послушай, Ангелос,— сказал митрополит,— в поступающих ко мне докладах сновидцев говорится, что Пречистая и святые указывают на пребывание иконы в алтаре древней церкви. Этот алтарь в ходе раскопок был обнаружен, но икону там не нашли. Может быть, она, в соответствии со сном Канелоса, действительно сокрыта в земле под плитами пола? Сделайте вот что: осторожно, чтобы не разбить, выньте четыре плиты в том месте, на которое указала святая Ирина, и немного прокопайте в глубину. Если не найдёте икону — положите плиты обратно, чтобы археолог не поднял шума.

Ангелос вернулся в село радостный и рассказал о своём разговоре с митрополитом священнику Евфимию Цолосу, а также членам приходского совета — Марку Кунеллису, Ваянису Пандерманлису и Варвароктитису Сарандиносу.

Первого августа они все поднялись на гору Карея. Копать предстояло рабочим — Дуке Цолакису, Панайоту Бакасу и Парасхосу Дзанносу. Собралось и немалое количество паломников, так как в этот день здесь должна была быть отслужена первая в наступившем Успенском посту литургия. Присутствовали, в частности, сёстры Мирсини и Мария Дургунa, а также Панайот Фикьяс, отец Никоса Фикьяса, который сподобился и во сне, и наяву видеть святых.

Отец Евфимий во временной деревянной церкви начал служить литургию, а Дука Цолакис, под наблюдением моего мужа, — готовиться к раскопкам.

— Осторожнее, Дука,— постоянно просил его Ангелос, — плиты нужно вынуть обязательно целыми.

Но как тот ни старался, плиты раскалывались!.. Ангелос рвал на себе волосы.

— Ну и достанется же нам и от митрополита, и от археолога!..— восклицал он в отчаянии.

— Что я могу сделать, хозяин? — нервничал Дука.— Как ни стараюсь, целыми они не вынимаются. Да и то сказать — пятьсот лет пролежали в земле... настолько вросли в неё, что уже так просто их не отделить.

Ангелос понимал, конечно, что Дука прав, но как ему было не переживать, ведь он взял на себя в тот день такую большую ответственность...

С большим трудом были извлечены четыре плитки — в том самом месте, на которое указала Костасу Канелосу святая Ирина.

— Достаточно, Дука,— сказал Ангелос.— Теперь копай здесь, только очень аккуратно.

Не прошло и получаса, как к ногам Ангелоса вдруг упал комок земли, в котором что-то блеснуло. Ангелос быстро нагнулся, взял его в руки и в неописуемой радости воскликнул:

— Икона!.. Ребята, икона! Мы нашли её!.. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!..

Что творилось потом, словами не передать. Если бы мы стали обладателями всех сокровищ мира, то не радовались бы так, как в эти минуты. Священник прервал службу и выбежал из церкви. Он взял икону в руки и, дрожа от волнения, облобызал её. Образ был небольшого размера, металлический, округлой формы. Ангелос не позволил его омыть: надо было представить митрополиту в том виде, в каком он был найден. Поэтому вначале мы подумали, что это икона Пресвятой Богородицы. Когда все с благоговением приложились к образу, священник поставил его на Святой Престол и продолжил служение литургии.

Я в тот же час поспешила в епархиальное управление с радостной вестью. Митрополит отсутствовал, отъехав в Ахладери² на сельскохо-

2. Небольшое село в центральной части Лесбоса. — Прим. перев.

зяйственную ферму, обслуживающую сеть благотворительных магазинов. Но я застала протосингела Никодима (Анагносту) и богослова Евстратия Климиса. Вместе мы вернулись в Ферми и поднялись на гору Карея.

Отец протосингел, с нескрываемым волнением приложившись к святыне, попросил принести ему святую воду, чтобы омыть образ. Мирсини Дургунa принесла вместе с водой и кусок чистой белой материи, которой можно было бы потом насухо вытереть икону. Мирсини почувствовала, что икона сегодня будет обретена, поэтому утром, уходя из дома, захватила с собой чистый плат.

Когда протосингел хорошенько вымыл и вытер образ, выяснилось, что он был позолоченным и представлял собой барельефное изображение Господа Вседержителя. Вот о какой иконе извещала в снах Пресвятая Богородица, указывая, что святыня находится в алтаре древнего храма. Митрополит и археологи, ознакомившись с находкой, сказали, что это архиерейская панагия³ XIV века. По словам приснопамятного Фотия Кондоглу, образ Спаса Вседержителя написан в строгом соответствии с иконописными канонами эпохи Палеологов.

Таким образом, сбылся и сон Мирсини Дургунa, в котором из алтаря церкви ей передали таинственную хартию со словами Спасителя

3. Наперсный образ, икона Божией Матери или Спасителя, которую носят на груди православные архиереи. — Прим. перев.

«Я свет миру»⁴, а также сон другой нашей односельчанки, Евстратии Михелли, которая на рассвете того дня, когда была обретена икона, увидела Господа Иисуса Христа, в окружении ангелов спускающегося с небес в алтарь древнего храма, а рядом святого Рафаила, держащего за цепь зажжённое паникадило. Знаменательно, что женщина находилась тогда в селе Памфилы и ничего не знала о раскопках, намеченных на этот день. Рано утром 1 августа она пришла в Ферми, рассказала про свой сон и добавила:

— Сегодня на горе Карея произойдёт какое-то чудо... Я поэтому и пришла сюда так рано, чтобы подняться на гору и помолиться.

Икона Спасителя пробыла на Карейской горе три дня и три ночи. Каждую ночь служились всенощные бдения. Во время этих служб очень многие люди, взрослые и дети, сподобились наяву лицезреть трёх святых, которые потом внезапно исчезали в сиянии таинственного света.

Затем икону забрал митрополит и распорядился выставить её в кафедральном соборе для всенародного поклонения. Множество народа со всего Лесбоса с благоговением приложилось к святыне. Достаточно долгое время она находилась в проскинитарии⁵ собора, после чего владыка отвёз её в Афины Фотию Кондоглу. Тот на свои средства заказал для неё серебряный оклад, в нижней части которого выгравировали краткое

4. Ин. 9, 5. — Прим. перев.

5. См. сноску 59 на стр. 219 (глава «Перенесение святых мощей»).— Прим. перев.

повествование об истории обретения образа. «Сия панагия — редкий по своей красоте образец византийского искусства,— отмечает Фотий Кондоглу в своей книге «Знамение велие».— Он представляет собой барельеф, но, в отличие от барельефных изображений, характерных для древнегреческой традиции, это барельеф живописный. К его созданию, несомненно, приложил руку искуснейший мастер. Помимо того, что образ исполнен Божественной благодати, ибо обрётён чудесным образом, он одновременно является и шедевром церковного искусства».

Обретение образа Господа Вседержителя подтвердило полученные в снах извещения о том, что в алтаре древней церкви находится икона — хотя это и не была икона Пресвятой Богородицы, как все полагали. «Но где же образ Пречистой, о котором столько людей имели откровения?» — задавали мы себе вопрос, недоумевая и переживая. В надежде, что эта икона будет найдена, раскопки решено было продолжить.

Время шло, а икона не обреталась. Надежда, горевшая в наших сердцах, стала постепенно угасать. Всё чаще нас охватывало разочарование, посещали тягостные раздумья и сомнения. Их разрешила Сама Царица Небесная, явившаяся в новых снах-откровениях и сообщившая о тайнике, в котором хранится этот образ, завёрнутый в рукописи святого Рафаила, а также

церковные священные сосуды. Но в каком конкретно месте нужно копать, Пречистая не сказала — ещё не пришло время, и нет человека, через которого может быть открыта эта тайна.

Первым увидел во сне и подробно описал тайник покойный ныне приснопамятный митрополит Иаков (Клеомвроту). Его провёл туда святой Рафаил и показал ему икону Пресвятой Богородицы, церковные сосуды и свои лучшие облачения. Когда же владыка после этого сновидения, радостный и ликующий, поднялся на гору Карея, то, как ни пытался, не смог определить точного месторасположения тайника, поскольку во сне гора предстала ему такой, какой была в древности, а не поросшей маслинами, как сегодня.

В это же время тайник видела во сне и благочестивая матушка Димитра Вастаки, супруга священника Константина Вастакиса, служившего тогда в храме святого великомученика Георгия, что в афинском районе Кипсели. Отец Константин и его супруга были близкими друзьями незабвенного Фотия Кондоглу. С самого начала они с глубокой верой отнеслись к событиям на горе Карея, почему и удостоились знаменательных снов-откровений.

Сны, имевшие отношение к тайнику, видела и я.

Когда раскопки уже заканчивались, я очень переживала: ведь икона Пречистой так и не была найдена. Несколько раз лукавый пытался внушить мне мысль, что этого образа вообще не существует. И вот однажды ночью мне предста-

ла во сне Пресвятая Богородица. На Ней было монашеское одеяние, и Её сопровождали две инокини — одна пожилая, а другая юная. Как сказала Пречистая, первой была преподобная Пелагия, которая увидела во сне Её чудотворный Тиносский образ⁶. Я пала к ногам Пречистой, стала их целовать и просить Владычицу открыть местонахождение Её иконы через чело века, которого Она сочтёт достойным. Некоторое время Царица Небесная молча взидала на меня... Потом негромко, с выражением сострадания на лице, произнесла такие слова:

— Василики, Моя икона существует, не сомневайся. Она находится в тайнике монастыря и завернута в рукописи святого Рафаила. Но ещё не пришло время указать вам точное место, где нужно копать. Я жду подходящего человека.

Я проснулась сильно взволнованная и одновременно радостная. У меня больше не оставалось сомнений в существовании иконы. «Но где же находится тайник?» — мучилась я в догадках, молясь, чтобы кому-нибудь это, наконец, было открыто в сновидении — мне ли или кому-то ещё.

Вскоре мне приснилось, что в Карейской церкви совершается всенощное бдение. Народу в храме немного. Я вышла во двор покадить⁷ и

6. Речь идёт о знаменитой иконе Богоматери с острова Тинос, которая была чудесным образом обретена после откровения, полученного во сне преподобной Пелагией.— Прим. перев.

7. Кажение при помощи особой кадиланицы с ручкой, так называемой кации, в Греции в некоторых случаях доверяется и мирянам.— Прим. перев.

внезапно увидела, что вдали от храма на оливковую рощу с неба льётся поток света — такой сильный, как от полной луны. Я осенила себя крестным знамением и закричала:

— Чудо!.. Чудо!.. Идите все сюда, смотрите, какое чудо!

В этот момент передо мной предстал святой Рафаил.

— Василики,— сказал он,— не надо кричать... Там, где ты видишь свет, находится монастырская крипта. В нём сокрыты чудотворная икона Матери Божией и другие святыни...

Проснувшись, я могла только приблизительно вспомнить то место рощи — а она занимает очень большое пространство — куда падал свет, указать же точные координаты не могла.

Третий сон

По прошествии нескольких лет мне приснилось, что я нахожусь в каком-то тёмном подземелье. Внезапно его осиял мягкий, таинственный свет. Тогда я разглядела, что это подземное помещение представляет собой крохотную комнатку без окон и без дверей. Посередине комнаты стоял монах, очень пожилой, аскетической внешности. Длинная белая борода украшала его иконописный лик. Старец словно сошёл с древней византийской иконы.

— Боже мой, где я? — воскликнула я, дрожа от страха.

— В монастырском тайнике, Василики... Не бойся... Сейчас ты увидишь всё, что здесь хранится,— тихо ответил незнакомец.

Увидев выражение его лица, услышав спокойный голос, я избавилась от страха и дерзнула спросить:

— А ты кто, отче?

— Отец Евстафий, — последовал ответ.— Я один из монахов, которые подвизались на горе Карея и достигли святости... Но мучеником я не был... скончался своей смертью.

В этот момент в одной из стен тайника образовалось отверстие, подобное жерлу печи. В нём стали показываться, медленно сменяя друг друга, освещенные каким-то сиянием разнообразные церковные сосуды, иконы и архиерейские облачения. Одновременно кроткий женский голос называл каждый из предметов. Помню, что, когда появились золотые потир и дискос, голос сообщил, что это дар монастырю старосты Василия.

Когда видение окончилось и отверстие в стене исчезло, я, пав к ногам старца, умоляла его поведать, где находится тайник.

— В ваших владениях,— отвечал он.— Придёт час, и о его точном местонахождении вам сообщит Сама Владычица Богородица.

Он помолчал какое-то время... потом, подняв свою худую, иссохшую десницу как бы для иерейского благословения, добавил:

— На горе Карея достигли святости не только пролившие мученическую кровь, но и многие

другие... поэтому здесь должна быть воздвигнута часовня в честь всех святых. Гора Карея — это гора святых!..⁸

В этот момент я проснулась — взволнованная до глубины души. Облик святого старца-аскета доныне не померк в моей памяти, хотя с той поры прошло вот уже столько лет.

Раскопки некоторое время ещё продолжались. Помимо иконы, спрятанной в тайнике, Пречистая, являясь в сновидениях, упоминала и о каком-то ином образе, находившемся в монастырском дворе. На правой стороне двора перед древним храмом рабочие при раскопках обнаружили стену, огораживавшую четырехугольный участок земли, на котором было найдено несколько захоронений, причём могилы располагались одна над другой. Археолог заявил, что это монастырское кладбище. Полуистлевшие косточки, обнаруженные в могилах, мы вместе с сёстрами Дургуна омыли, а когда они высохли, отец Евфимий сложил их в один большой короб.

Икона, которая должна была находиться во дворе, к сожалению, не обнаружилась. Как явствовало из одного моего недавнего сна, она сокрыта в арке, найденной напротив туннеля со святым источником. По распоряжению ин-

8. Это выражение отца Евстафия «Карейя — гора святых» я сделала названием своей книги. Что касается Всехсвятской часовни, то она, к сожалению, до сих пор ещё не построена. — Прим. авт.

женера Апостолеллиса и археолога Харитонидиса, вход в неё был засыпан землей, и никаких исследований там не проводилось. Мы с супругом тогда протестовали, но свод арки, как утверждал инженер, мог обрушиться и кто-нибудь из людей мог пострадать, поэтому мы вынуждены были уступить. Эта арка, в отличие от первой, была выкопана в твёрдом грунте, а не высечена в скале.

Относительно монастырского тайника мне во сне было открыто, что он расположен достаточно далеко от нынешней церкви святого Рафаила, и в нём хранятся, помимо иконы Пресвятой Богородицы и других церковных предметов, некоторые императорские реликвии, а также какой-то исключительно ценный пергаментный свиток.

Когда наступит благословенный день обнаружения этого тайника, знает Один Господь. Впрочем, святой Рафаил, явившись во сне Костасу Канелосу, сказал, что тайник найдёт уже другое поколение...

Ещё один мой недавний сон свидетельствовал о том, что в нашей оливковой роще, в отдалении от тайника, о котором говорилось выше, монах Ставрос и смотритель Акиндин, после того как погребли мучеников, спрятали в земле некоторые святыни: три иконы (Иоанна Богослова, святого Никодима и ещё какую-то, точно не помню), панагию овальной формы с массивной серебряной цепочкой, а также лоскут ткани с запёкшейся на

нём кровью. Это часть нижней одежды святого Рафаила, как пояснила Пресвятая Богородица. Пречистая, явившаяся мне во сне в сопровождении моего покойного супруга Ангелоса Раллиса, была одета как монахиня. Она провела меня на то место, о котором идёт речь, объяснила, что за святыни предстали моему взору, и рассказала, что спрятавшие их «в спешке» люди были объаты страхом и трепетом.

Согласно откровению, которое было во сне иеромонаху Феологосу (Сакалису), кроме древней церкви, обнаруженной в ходе раскопок, на горе Карея в земле сокрыты и развалины другого храма. Много лет назад его видели в сновидениях и отец Пахомий (Суюлдзис), и один двенадцатилетний мальчик, Апостолос Хаджиантониу. Бог знает, когда придёт время для явления миру и этого храма.

РАСКОПКИ РАЗВАЛИН ДРЕВНЕГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ И МОГИЛЫ МОНАХА СТАВРОСА

Сентябрь 1961 года.

Раскопки прекратились. Митрополит пожелал до наступления зимы положить закладной камень новой церкви святого Рафаила. Инженер-строитель Панайот Апостолеллис заявил, что для закладки фундамента большого храма необходимо копать на более значительную глубину, чем та, на которой находятся древние развалины, — чтобы достичь более твёрдых слоёв грунта. События развивались, конечно же, по Промыслу Божию. Богу было угодно, чтобы обнаружались руины женского монастыря, сожжённого пиратами в 1235 году, и могила мученицы игуменьи святой Олимпии. Работы возобновились. Примерно на метр ниже развалин древней церкви открылась другая стена — более крупного, по периметру основания, храма, а также часть его левой алтарной апсиды. Кроме того, были найдены расколотые мраморные плиты

с изображёнными на них крестами и огромная мраморная лестница, передвинуть которую удалось только при помощи подъёмного крана.

Октябрь 1961 года

Перед входом в разрушенный древний храм в земле были найдены две или три каменные ступеньки, высеченные из сармусакоптры¹.

Однажды ночью Костас Канелос, участвовавший в раскопках на горе Карея, увидел во сне монаха Ставроса, который, указав ему некое место около ступенек, заявил, что здесь находится его могила.

— Вместе с Акиндином, — сказал святой, — мы похоронили мучеников, но и нас ожидала их участь. Турки разыскивали нас, пока, наконец, не схватили и не умертвили. Наши тела христиане ночью тайком погребли здесь же.

На следующий день утром Канелос и Апостолос Вецос начали осторожно копать рядом со ступеньками. И действительно, на этом месте обнаружилась могила с лежащим в ней человеческим скелетом. Уста покойника прикрывала черепица с изображённым на ней крестом. По всему было видно, что погребали в спешке и в ночной темноте, потому что могила представляла собою наскоро вырытую в земле яму, закрытую сверху беспорядочно наложенными камнями — из руин разрушенной церкви.

1. См. сноску 2 на стр. 282.— Прим. ред.

Косточки монаха Ставроса, после того как мы с Мирсини Дургуна омыли их, священник нашего села Евфимий Цолос поместил в ковчег, в котором уже хранились останки других монахов².

Могилу смотрителя Акиндина обнаружить не удалось. Возможно, что она — одна из тех могил, которые были найдены на монастырском кладбище. Ведь, как стало известно из сновидений, там были похоронены его родители. В одном из снов Мирсини Дургуна явившийся ей святой Рафаил сказал:

— Вся семья Мельпомены покоится здесь.

В числе тех захоронений, скорее всего, находится и могила племянницы старосты, сиротки Елены, которая, как она сама поведала об этом в снах, претерпев от турок надругательство, скончалась от боли и ужаса. Её также похоронили на горе Карея.

2. Ковчег с этими останками находится сейчас в Покровской часовне, расположенной позади келейного корпуса монастыря. — Прим. авт.

ОБРЕТЕНИЕ МОГИЛЫ ИГУМЕНИ ОЛИМПЦИИ

Сентябрь 1961 года.

По причине наступления зимы работы были на время приостановлены. Они снова возобновились в апреле 1962 года, в соответствии с решением комиссии по возрождению монастыря¹. Инженер-строитель П. Апостолеллис распорядился, чтобы рабочие до начала строительства новой церкви разобрали обнаруженную стену и расчистили строительную площадку от камней и земли.

Однажды ночью рыбак Костас Канелос, работавший тогда на раскопках на горе Карея, увидел во сне монахиню, которая лежала на земле со скрещенными на груди руками, как мёртвая. Он подошёл ближе, склонился над ней и взял её за руку. Инокня тут же встала с земли и, обратившись к Костасу, спросила:

— Костас, что мне для тебя сделать?

1. Об этой комиссии речь пойдёт далее, в отдельной главе.—
Прим. перев.

— Что сделать?.. Покажи нам, где находится икона Пречистой, которую мы пытаемся обрести и до сих пор не нашли,— сказал Костас.

— Я хочу, чтобы вы очень осторожно копали здесь, на том месте, где ты меня видел лежащей,— последовал ответ, и монахиня исчезла.

Утром Канелос рассказал про свой сон Ангелосу и Евстратию Климису.

— Ты хорошо запомнил то место, где лежала монахиня? — спросили они его.

— Конечно! — ответил тот и показал им это место.

Оно находилось прямо за разрушенной стеной алтаря. Ожидая найти здесь образ Пресвятой Богородицы, Дуке Цолакису, Апостолосу Вецосу и Костасу Канелосу поручили начать раскопки. Нам казалось вполне вероятным обрести в этом месте какую-нибудь икону, относящуюся ко времени разрушения женского монастыря. В нетерпеливом ожидании все окружили копавших рабочих... И вот неожиданность! На метровой примерно глубине обнаружилась не икона, а могила! Когда Дука Цолакис вскрыл её, мы были потрясены. В могиле лежал скелет человека среднего роста, а среди полуистлевших костей мы увидели огромные ржавые гвозди. Апостолос Вецос взял в руки череп, чтобы очистить его от земли, и увидел нечто похожее на прутья, которые проходили через виски и челюсть. Думая, что это древесные корни, он попытался их удалить. Череп,

к несчастью, развалился на отдельные куски, и оказалось, что в нём были не корни, а три громадных гвоздя!..

Все буквально ужаснулись!.. Двадцать гвоздей среди полуистлевших костей и три — самых крупных — вонзённых в череп! Мы молча смотрели друг на друга, и только по нашим глазам можно было судить о том, что переживал каждый из нас в эти минуты.

Было очевидно, что это могила мученика, которого подвергли жесточайшим истязаниям... Мы сразу же поняли, что это игуменья женского монастыря, которую, как явствовало из снов послушника Захарии Пафлиотиса, пираты умертвили, вонзив в голову железные прутья. Но сказать публично, что это именно она, мы не решались. Климис, не мешкая, отправился в епархиальное управление и сообщил о находке митрополиту.

Владыка немедленно приехал в Ферми в сопровождении гостившего у него тогда издателя Александра Пападимитриу. Увидев кости с гвоздями, митрополит тоже подумал в первую очередь о снах, имевших отношение к игуменье-мученице Олимпии. Один гвоздь он отдал Александру Пападимитриу, усердно просившему его об этом, а другие, вместе с косточками, велел нам омыть и бережно сохранять до тех пор, пока какие-нибудь новые сны-откровения не подтвердят со всей определенностью, что это могила преподобномученицы Олимпии.

Первый сон видела в ту же ночь наша односельчанка Анфула Алатеру. Ей приснился святой Рафаил, держащий в руках куски черепа. Сложив их воедино, он обвинил череп какой-то гирляндой, которая образовала нимб. Святого окружали несколько монахинь. В тазу со святой водой они омывали остальные косточки. Анфула Алатеру, видя, что святой Рафаил с благоговением и умилением взирает на окружённый нимбом череп, робко спросила его:

— Святой Рафаил, чьи это мощи?

— Игуменьи Олимпии,— ответил он.— Верьте в неё, она тоже великомученица, как и я.

На следующий день Анфула, взволнованная, рассказала всем об этом сне, сообщила о нём и митрополиту.

Второй сон, следующей ночью, приснился Мирсине Дургуна. Она увидела преподобномученицу Олимпию, которая поведала ей о мучениях, которые претерпела.

— Пираты,— сказала она,— обнажив меня, положили на дверную створку и прибили к ней гвоздями — теми, которые вы нашли в могиле. Боль была невыносимая!.. Потом, втыкая мне в голову раскаленные гвозди, меня умертвили. Христиане как нашли меня прибитой к двери, так и похоронили. Вырвать гвозди не удалось. Они настолько глубоко вошли в тело, что, ког-

да их пытались вытащить, плоть моя разрывалась в клочья. Дверная створка истлела, а гвозди остались среди костей.

Забрав косточки преподобномученицы Олимпии в село, мы вместе с Марией Дургуна омыли их в доме моей тёти Марии Марангу. Дом тёти практически всё время пустовал, потому что она жила с нами. Там сделать это можно было спокойно, в тишине, оставив косточки потом сушиться и сохраняя в неприкосновенности, пока не будет готов заказанный для них специальный ковчег.

Омыв эти святые мощи, мы положили их на террасе дома, на чистой скатерти, чтобы они высохли на солнце, и я присела рядом — присматривать за ними. Через некоторое время я почувствовала головокружение и пошла в спальню, решив ненадолго прилечь. Меня сразу же сморил сон. И вот что мне приснилось. В комнату вошла молодая монахиня среднего роста с красивым бледным лицом. Она грустно посмотрела на меня и сказала:

— Василики, если бы ты знала, каким страшным истязаниям подвергли меня пираты, сердце бы твоё не выдержало, разорвалось. Благодарю тебя, что ты омыла мои косточки...

Тогда я поняла, что это монахиня Олимпия, обняла её и заплакала. Она тоже обняла меня и со слезами на глазах стала рассказывать о своей

жизни и о своих страданиях. Когда мученица поведала, как злодеи вбивали гвозди в её тело, я проснулась, трепеща от ужаса, с физическим ощущением боли. Святой и печальный облик этой страдальцы навсегда сохранится в моей памяти.

Историю своей жизни святая Олимпия поэтапно, во всех подробностях, рассказала в сновидениях Захарии Пафлиотису, который был тогда послушником. И в настоящее время, когда он принял уже монашеский постриг с именем Феофилакт, она продолжает, по его словам, являться ему во сне.

Вот что рассказал Захария.

«Мой отец,— сказала ему святая,— служил священником в храме святого Апостола Андрея Первозванного в Патрах². Мать родилась в Константинополе в семье иерея. Кроме трёх сестёр, у неё был ещё брат, который стал архимандритом. Одна из сестёр матери, Дорофея, приняла монашество и пришла в Карейский монастырь, где стала игуменьей. Когда в десять лет я осиротела, потеряв обоих родителей, родные отправили меня к тётке. Я постриглась в монахини совсем юной и в двадцатипятилетнем возрасте, после кончины тёти, возглавила обитель.

11 мая 1235 года пираты совершили набег на наш монастырь и разорили его. Одних сестёр

2. Город на Пелопоннесе.— Прим. перев.

(а в монастыре тогда было тридцать насельниц) они убили, другие, обезумев от ужаса, бежали в горы. Нас с одной пожилой монахиней по имени Ефросиния подвергли самым жестоким истязаниям. Меня пронзили гвоздями, а её заживо сожгли. Один из пиратов снял с меня крест и повесил себе на шею. Разорив монастырь, разбойники погрузились на своё судно и отплыли в направлении малоазийского побережья.

Но на море разыгралась сильнейшая буря, и корабль затонул. Все, находившиеся на нём, погибли, кроме одного пирата — того, на котором был мой крест. Ему удалось вплавь добраться до какого-то из противоположащих островов³.

Раскаиваясь в совершённых преступлениях и прижимая к груди мой крест, пират проливал горькие слёзы. Он отправился в один из монастырей и принял там иноческий постриг с именем Зосима. Прожил в обители несколько лет, а затем, желая усугубить аскетический подвиг, чтобы заслужить прощение грехов, удалился в Причерноморье, где на некоей горе провёл сорок лет в посте, молитве и слезах. Поняв, что приближается конец его жизни, он восхотел прийти на гору Карея, чтобы помолиться на том месте, где по его вине пролилась кровь. В течение сорока дней он жил среди развалин нашего монастыря, питаясь одной лишь травой и пре-

3. Это острова имеют общее название Мосхонисья. На них было множество монастырей, два из которых представляли собой подворья афонской Великой Лавры. — Прим. перев.

бывая в непрестанной молитве. Однажды его нашли мёртвым другие отшельники, которые и погребли его — с моим крестом на груди. Этот крест цел, и ещё при твоей жизни, Захария, он будет обретён. Ты должен ему поклониться».

Этимися словами преподобномученица Олимпия закончила свой рассказ.

Поведаю теперь об одном чуде от гвоздя, который митрополит отдал Александру Пападимитриу. Я слышала этот рассказ от него и от его благочестивой супруги Марии.

Гвоздь Мария с благоговением поместила в молитвенный уголок своей комнаты рядом с иконами. Однажды она заметила, что он покрылся какой-то маслянистой жидкостью, а взяв его в руки, чтобы протереть, почувствовала благоухание. Она предположила, что масло попало на гвоздь из лампы, а запах — следствие возгорания ладана. Мария насухо протерла гвоздь и положила на место. Но через какое-то время таинственное явление повторилось. Потом ещё раз. Не зная, как объяснить его, Мария рассказала о нём одному афонскому монаху, отцу Ефрему. Тот сказал ей:

— Дай мне гвоздь, Мария. Я приложу его к глазам моей сестры, которая вот-вот может ослепнуть. Она сейчас находится в больнице и готовится к операции. Если это действительно миро, а не лампадное масло — сестра исцелится.

Мария дала ему гвоздь. Отец Ефрем немедленно поехал в больницу и приложил его к глазам сестры. И — о чудо! — глаза совершенно исцелились, и никакой операции не понадобилось!..

«ПРИХОДИ ОДНА...»

Рассказывая о насельницах женского монастыря, разорённого пиратами в 1235 году, стоит упомянуть о видении, которое было трём детям из семей беженцев, переживших Малоазийскую катастрофу. Долгие годы это видение оставалось загадкой.

В первое время после прибытия беженцев на Лесбос трое мальчиков, живших с нами в доме Арифа-эфенди: Димитрий Пандавос, его младший брат Георгий и Афанасий Портокаллидис, чтобы помочь своим семьям как-то прокормиться, поднимались на гору Пандера, примыкающую к Карейскому холму, собирали там шишки, которые шли на растопку, и продавали их в селе. Я очень хорошо помню, как несколько раз ребята возвращались испуганные, говоря, что на горе Карея они видели девушек, одетых в белое. Девушки шли цепочкой, одна за другой, а затем неожиданно исчезали. Георгию запомнилось — он об этом рассказывает и по сей день, — как однажды одна из них помахала детям рукой, подзывая

к себе. Но они не осмелились приблизиться к таинственным незнакомкам, думая, что это — нимфы или nereиды, и в испуге бросились наутёк, оставив на горе собранные шишки. Вернувшись в дом Арифа и дрожа от страха, они заявили:

— Больше мы туда не пойдём. В тех местах живут привидения. Сегодня мы увидели там множество nereид, которые стали подзывать нас к себе. Хорошо, что мы не подошли к ним, а убежали прочь. Они сотворили бы нам какое-нибудь зло... это же призраки!..

— Ныне,— говорит Георгий Пандавос,— когда тайна горы Карея открыта, каждый раз, вспоминая тех девушек в белом, подзывавших нас к себе, я несказанно волнуюсь, ведь это были не нимфы, как мы тогда полагали, а святые монахини-мученицы.

То, что невинные дети видели воочию, подтверждается и сновидением Асимении Вурновали. 17 ноября 1962 года она увидела во сне монахинь, шествовавших одна за другой среди развалин древнего монастыря. На груди у каждой была лента с именем инокини. Шедшая первой имела вид начальствующей над остальными. Она была среднего роста, с очень красивым лицом, на ленте у неё было написано Олимпия. Монахини остановились у могилы святого Рафаила и тихо запели. Асимения приблизилась к ним и спросила одну из них (её звали Мария), откуда она.

— Родом я из Петры¹,— ответила та,— но была монахиней в обители на горе Карея. Это святое место, ибо многие сподобились здесь мученического венца. Нас истязали, резали, жгли... Однако мы не умерли... мы живы.

Тогда Асимения робко спросила:

— Почему же, если вы живы, вы не выходите, чтобы мы вас видели?

— Выходим — как только стемнеет,— последовал ответ.— Нам разрешает наша игуменья Олимпия. Приходи в этот час одна, и ты увидишь нас.

Те же слова «приходи одна...» или «один» слышали и другие люди из уст святых Рафаила и Николая. Их сказал святой Рафаил Никосу Фикьясу, их произнес святой Николай в одном из моих снов, перед тем как была снесена построенная нами церковь.

— Поднимись на гору Карея одна в час вечера,— сказал он.— Я поведаю тебе о всех тайнах этого места и покажу икону Пресвятой Богородицы.

Весь его облик, исполненный мира и тишины, его ласковый голос придали мне дерзновения, и я сказала:

— Мне страшно прийти одной, святой Николай...

— Не бойся,— молвил он,— ведь там с тобой буду я.

1. Село на Лесбосе. — Прим. перев.

Я проснулась в сильнейшем волнении, потрясённая до глубины души. И подумала тогда: если сон так меня взволновал, то что мне предстоит пережить там, на горе Карея, когда я одна в час вечерни приду туда. Последовать совету святого у меня не хватило духу. Кроме того, мне пришёл на память случай с моим супругом, который однажды очень сильно перепугался, хотя всегда отличался необычайной смелостью. Однажды в дождливый день он поднялся на гору Карея, в нашу оливковую рощу, проследить, как идёт сбор маслин. Внезапно дождь полил как из ведра, женщины, собиравшие маслины, разошлись, и муж остался один. Укрывшись от ливня в церкви и пережидая там непогоду, он взял в руки богослужебный сборник, лежавший на подоконнике, и принялся читать акафист Пречистой. Внезапно до его слуха донёсся звон колокольчиков, как во время священнического каждения. Он прервал чтение и прислушался. Звон прекратился. Тогда муж снова взял книгу и продолжил молитву. Опять раздалось позвякивание колокольчиков — на этот раз более громкое, как будто кадили два человека. Церковь наполнилась запахом ладана. Ангелос был потрясён... От волнения, как он рассказывал, он онемел. Понимая, что рядом с ним невидимо присутствуют святые, он осенил себя крестным знамением. Но мысль о том, что сейчас, оказавшись здесь в полном одиночестве, он может увидеть их и наяву, настолько его испугала, что,

невзирая на ливень, он немедленно покинул церковь и вернулся домой промокший до нитки.

Нечто подобное произошло и с одним нашим соседом, Стратисом Вакалисом. Его оливковая роща располагалась рядом с нашей. Как-то раз он соорудил у себя на участке печь для обжига угля. Разведя в печи огонь, он собрался переночевать рядом с ней, чтобы вовремя вынуть угли и не дать им сгореть дотла. Поднявшись на гору Карея, Стратис увидел издалика, что в храме горит свет и оттуда доносится сладкозвучное мужское пение. «Служат всенощную,— мелькнуло у него в голове,— и поёт Раллис... Голос у него громкий и сладкозвучный... Схожу, поставлю и я свечку». Привязав своего осла к дереву, он направился к церкви. Когда же подошёл к дверям храма, свет внезапно погас и пение прекратилось. «Странно,— подумал он,— почему потушили свет и прекратили петь?» Он открыл дверь и заглянул внутрь, желая узнать, кто находится в храме. Церковь была пуста. Его взору предстал лишь тускло мерцающий огонёк лампадки перед иконой Пресвятой Богородицы... Отважный деревенский житель, не раз ночевавший в поле под открытым небом, в панике бежал с горы Карея, оставив и печь без присмотра, и осла привязанным к дереву.

Никто из сновидцев, которым святые говорили прийти в одиночку на гору Карея, не отважился на это... Одно дело внезапно увидеть перед собой святого и понять, что это святой,

когда он так же неожиданно исчезнет, и совсем другое — идти куда-то одному, зная, что тебе предстоит наяву лицезреть святых. Для этого требуется особая духовная сила. Такой силой обладают только аскеты-пустынники. У них есть и духовная мудрость, позволяющая им распознать, какое явление от Бога, а где ловушка лукавого, который зачастую принимает вид «ангела света», чтобы прельстить христианина.

КАК ВЫЯСНИЛОСЬ, ГДЕ НАХОДИЛОСЬ СЕЛО МИЛЫ НА ИТАКЕ, РОДИНА СВЯТОГО РАФАИЛА

В конце июня 1961 года, в день Святой Троицы, на гору Карея прибыл первый паломник родом с Итаки, Евангелос Вальсамакис¹. Поклонившись могилам мучеников и побывав у святого источника, он спустился в село и зашёл к нам домой, чтобы познакомиться с нами и услышать подробный рассказ о том, как были обретены святыни.

Его особенно заинтересовал сон, в котором святой Рафаил сообщил, что мирское его имя было Георгий Ласкаридис и что родился он в Милах на Итаке. С той поры Вальсамакис (постоянно проживавший в Афинах), когда приезжал на родину предпринимал усиленные попытки установить, что это за Милы, в которых родился святой, ибо ни одного населённого пункта с таким

1. На рассвете Троицына дня Мирсини Дургунa приснился святой Рафаил, который сказал ей: «Завтра впервые придёт поклониться мне мой земляк». С приездом Евангелоса Вальсамакиса это предсказание сбылось. Вальсамакис привёз на Итаку первый образ святых Рафаила, Николая и Ирины. Икону поместили в кафедральном соборе. — Прим. авт.

названием в настоящее время на острове не существует. Разрешить недоумение ему удалось лишь по прошествии нескольких лет. Он тут же послал нам письмо такого содержания:

«Большое впечатление, как вы знаете, на меня произвел сон, в котором было откровение о том, что святой Рафаил родился в Милах на Итаке и что в миру его звали Георгий Ласкаридис. И вот сегодня я спешу поделиться с вами радостными известиями.

Начну по порядку. Сначала я предположил, что Милами назывался в древности нынешний приморский район столицы² Милос. Но это мнение оказалось ошибочным, так как мне удалось установить, что столица Итаки в те времена из-за пиратских набегов была не приморским городом, а располагалась в глубине острова. Я надеялся на то, что святой чудотворец Рафаил поможет мне в поисках и укажет место своего рождения. И эта надежда оправдалась. От своей соотечественницы, госпожи Кондило Дендрину, я узнал, что на Итаке в районе города Вафи, неподалёку от села Перахори, есть место с разрушенными старинными ветряными мельницами, которое носит название Милы³. Но самое важное — то, что там находится оливковая роща из нескольких редко растущих, очень старых маслин, одна из которых с древ-

2. Столица острова носит то же название, что и сам остров — Итака.— Прим. перев.

3. Греч. Μύλοι — Мельницы. — Прим. перев.

них времен называется маслиной Ласкариса. Владелец сего имения долгие годы отсутствовал, живя в Америке. Но недавно он вернулся на родину, и, когда его спросили, как он стал собственником этой земли, он сказал, что она досталась ему в наследство от предков, те же в своё время купили её у некоей семьи Ласкарисов. Существует предание, что кто-то из этого семейства в далёкие времена стал мучеником в чужой стране. Итак, нет сомнения, что святой Рафаил родился именно в этих Милах».

Письмо Евангелоса Вальсамакиса доставило нам неописуемую радость. Во вторник Светлой седмицы 1974 года в трапезной нового монастыря в присутствии сновидцев и множества паломников я зачитала его митрополиту Иакову (Клеомвроту). Взмолванный до слёз владыка перекрестился и сказал:

— Велий Господь наш! Наконец-то выяснилось, в каких Милах на Итаке родился святой Рафаил. Старинная маслина, которая, согласно древнему преданию, носит его родовое имя, служит несомненным тому подтверждением... А мученик в чужой стране из семьи Ласкарисов это, конечно же, сам святой Рафаил...⁴

4. Около маслины Ласкариса жители Итаки в настоящее время построили церковь. С пламенной верой и благоговением они относятся к своему соотечественнику — святому Рафаилу, гордясь им и считая небесным покровителем острова. Я очень хотела побывать на родине святого, поклониться тому месту, где он появился на свет и где прошли его детские годы. Это моё желание осуществилось лишь в августе 1995 года. О поездке на Итаку у меня сохранились самые светлые воспоминания. — Прим. авт.

СТРОИТЕЛЬСТВО ДОРОГИ

Сентябрь 1962 года.

Предстояла закладка фундамента новой церкви. Но прежде нужно было проложить дорогу из села Ферми на гору Карея. За дело с горячим желанием взялся Ангелос Раллис.

Некоторые из землевладельцев, через владения которых должна была проходить дорога, сначала возражали, но потом всё же уступили. Оставался непреклонным только один человек — Игнатий Даглис, в распоряжении которого находился участок его тестя Яниса Псарьяноса, жившего в Афинах. Как ни уговаривали его Ангелос и протосингел епархии Никодим (Анагносту), обещая выплатить компенсацию, он их и слушать не хотел. Дорогу проложили только до его участка — бульдозер остановился.

Время шло. Начались первые осенние дожди. Как-то раз Ангелос спросил митрополита:

— Что же делать, Ваше Преосвященство? Время идёт, приближается зима. Даглис, как мы его ни просили, уступать не хочет. Может, Вы как-

то посодействуете? Поговорите с прокурором, пусть он нам посоветует, что предпринять.

— Я уже беседовал с ним, Ангелос. К сожалению, положение безвыходное... Разве что,— добавил владыка, улыбнувшись,— найдётся какой-нибудь смельчак и рубанёт, как говорится, с плеча — пойдёт туда ночью и противозаконно, невзирая на последствия, проложит дорогу через участок Даглиса.

— Я пойду,— решительно заявил Ангелос.— Возьму с собой надёжных людей — Бакаса и Дуку. Уговорю бульдозериста, и в какую-нибудь из дождливых ночей мы проложим дорогу.

— Что ты такое говоришь, Ангелос! — испугался митрополит.— Если вас поймают, дело и до убийства может дойти! Это очень рискованная затея... Я сказал, не подумав, а ты и рад стараться. Буду теперь себя непрестанно корить.

— Не бойтесь, Ваше Преосвященство, ничего страшного не произойдет... С нами будет святой Рафаил. Всю ответственность я беру на себя...

Сказано — сделано.

Дождавшись дождливой ночи с раскатами грома и вспышками молний и захватив с собой бульдозериста — он сопротивлялся, но потом уступил, (не без помощи некоторого количества узо¹), Ангелос с Дукой Цолакисом, Панайотом Бакасом и его другом Марком Кунеллисом поднялись около полуночи на гору Карея, завели бульдозер и проложили дорогу через участок Даглиса.

1. Греческая водка. — Прим. перев.

Когда они ночью ушли из дома на это рискованное мероприятие, я в страхе и трепете преклонила колени перед иконами и стала умолять Пречистую и святых, чтобы они взяли их под свою защиту и сохранили от всякого зла. Стоя на коленях, я, склонив голову на кровать, задремала... И увидела святого Рафаила. Облачённый в белые священнические одежды, он стремительно вошёл в комнату, пристально посмотрел мне в глаза и спросил строго:

— Веришь, Василики?

— Верю, святой Рафаил! — воскликнула я.

— Ну, а раз веришь,— сказал он уже более мягко, — что же тогда малодушествуешь?

В это мгновение я проснулась с лёгким сердцем и в мирном расположении духа продолжила молитву.

В четыре часа утра раздался тихий стук в дверь. Пришли Ангелос с бульдозеристом. Улыбаясь, они сообщили:

— Всё получилось как нельзя лучше. Дорога проложена, и бульдозер теперь стоит на соседнем участке.

— Никогда в жизни мне так легко не работалось,— сказал бульдозерист.— Бульдозер словно обрёл крылья и летал... Я сам удивляюсь, как мы смогли за короткое время выворотить и разгрести столько камней.

Самым удивительным было то, что, когда в селе шёл настоящий ливень, на горе Карея моросил лишь мелкий дождичек!.. Так что рабо-

чим не составило никакого труда даже пересадить две молодые маслины, которые росли в том месте, где должна была проходить дорога.

На следующий день в селе поднялся переполох. Дорога проложена!.. Как это могло случиться?! Нашему односельчанину Георгию Вамвакеллису, который каждое утро отводил козу пастись на свой участок по соседству с участком Даглиса, в эту ночь приснился сон, о котором он рассказал своей дочери.

— Я так мечтаю об этой дороге, что вот теперь мне приснилось, будто её прокладывает на бульдозере сам святой Рафаил.

Каково же было его удивление, когда он, по обычаю отправившись с козой на гору Карея, увидел, что дорога проложена!.. Он тут же поспешил в село, прибежал на базарную площадь и стал призывать сидевших там в кафе односельчан подняться наверх и убедиться самим, что появилась дорога, проходящая через участок Даглиса, и это не галлюцинация. Многие, в том числе и сам Даглис, немедленно отправились туда и убедились, что Вамвакеллис говорит правду. Все, разумеется, поняли, что это дело рук Ангелоса. Тот и не думал отпираться — смело заявлял, что вся ответственность лежит на нём.

Каких только оскорблений и угроз ему не пришлось выслушать от владельцев участка... Наконец, они подали на него в суд.

Судебное заседание состоялось 4 декабря, в день памяти святой великомученицы Варвары.

Ангелос, вопреки советам отца протосингела и митрополита, отказался прибегнуть к помощи адвоката. «Пусть меня осудят или даже в тюрьму посадят, — говорил он, — ради святых я готов на всё». С улыбкой он сидел на скамье подсудимых, взяв на себя всю ответственность и выгораживая других участников событий, даже бульдозериста, о котором говорил, что специально напоил его.

Истцы наняли лучшего адвоката Митилини — господина Тассаса.

В ходе судебного заседания судья внезапно обнаружил ошибку, которую по невнимательности допустил адвокат. Подлинный хозяин участка Янис Псарьянос, живший в Афинах, выписал своему зятю Игнатию Даглису доверенность на подачу в суд иска. Ошибка же адвоката состояла в том, что он поставил на искомом заявлении дату, более раннюю, чем та, которая была указана в доверенности. Иск, следовательно, оказался недействительным!.. Растерянный адвокат сразу же заявил:

— За всё время моей адвокатской практики это первый случай, когда я сделал такую непростительную ошибку. Эти святые действительно являются чудотворцами — никак иначе свою невнимательность я объяснить не могу.

После этой неудачи Игнатий Даглис начал переговоры с епархией, получил компенсацию и уступил.

КОМИССИЯ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ МОНАСТЫРЯ И ЕЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ РЯДА ЛЕТ

Комиссия по возрождению монастыря и сбору пожертвований была создана 25 апреля 1962 года приснопамятным митрополитом Иаковом (Клеомвроту).

Председателем её был назначен протосингел епархии отец Никодим (Анагносту), заместителем председателя — священник села Ферми отец Евфимий Цолос, секретарём — директор начальной школы Ферми Елевферий Дигидикис, казначеем — Панайот Литрас. В состав Комиссии вошли также Ангелос Раллис, мэр Ферми Янис Пападаниил, Панайот Кунеллис, председатель фермийского кооператива по производству оливкового масла Марк Кунеллис и инженер-строитель Панайот Апостолеллис, который безвозмездно курировал строительство зданий.

Впоследствии членами Комиссии стали богослов Евстратий Климис и священник села Памфилы отец Константин Скалистис.

За период с осени 1961 до весны 1962 года в епархиальном управлении накопилась значительная сумма средств, которые поступили в виде добровольных взносов и пожертвований от благочестивых христиан как из Греции, так и из-за границы. Имея в своём распоряжении эти средства, Комиссия немедленно приступила к своей созидательной деятельности на территории нашего участка, от всего сердца пожертвованного моим приснопамятным супругом Ангелосом Раллисом на дело возрождения монастыря святого Рафаила¹.

Сначала были построены нижний храм и колокольня. После завершения строительных работ храм, усердием верующих, был украшен внутри, и к концу 1962 года в нем уже регулярно совершались богослужения. Обязанности священника исполнял иеромонах Пахомий (Суюлдзис), прислуживали ему послушник Захария Пафлиотис и Мирсини Дургуна, а сторожами были Дука Цолакис и Костас Канелос. Послушник Захария постоянно жил при храме, в комнате на колокольне.

Комиссия также организовала работу по благоустройству большого церковного двора, кото-

1. Из книги Георгия П. Сотириу «Миртовые и лавровые венки святым острова Лесбос» (Издание Митилинской Митрополии, Митилини, 1966, с. 59): «Постановлением № 100450/12-9-1962 основывается женский монастырь с официальным названием «Святенная обитель святого Рафаила» на месте, именуемом Карея, в границах пожертвованного на эти цели земельного владения Ангелоса Раллиса, где в Византийскую эпоху также существовала монашеская обитель». — Прим. авт.

рый приобрёл вид красивой площади, и строительству опорной стены на горном склоне для предотвращения оползней. Праздник Пасхи и торжества во вторник Светлой седмицы 1963 года прошли на горе Каря с особым благолепием, при стечении множества народа, в присутствии всех высших должностных лиц. Необычайно трогательными были минуты, когда совершалось обнесение святых мощей вокруг храма под музыку военного духового оркестра. Не было человека, чьё сердце тогда не трепетало бы и на глаза которого не навернулись бы слёзы.

Следующим деянием Комиссии явилась постройка надкладезной часовни над пещерой со сталактитами, которая была обнаружена 13 июня 1961 года².

Затем Комиссия позаботилась об организации водоснабжения монастыря с использованием старого родника. Для нужд паломников был

2. Мы все придерживались того мнения, что пещеру нужно сохранить в неприкосновенности, в том виде, в каком она была найдена, а часовню строить рядом с ней. Но, к сожалению, митрополит посчитал более убедительными доводы инженеров, утверждавших, что своды пещеры могут когда-нибудь сами собой рухнуть, и распорядился её разрушить, заменив искусственным, бетонированным помещением. И я, и мой супруг тогда сильно протестовали, но, увы, не были услышаны. Так была совершена эта непростительная ошибка, которая доставила нам немало огорчение. Впоследствии и сам владыка осознал её, раскаивался и переживал. Нетронутой оставалась поверхность скалы, из которой истекала вода, падавшая в каменный желоб из сармусакоптры. К сожалению, лет пять тому назад и здесь всё было закрыто мрамором, так что исчезли последние следы древности, самобытной атмосферы этого места, которая производила сильнейшее, неизгладимое впечатление на паломников. — Прим. авт.

выведен источник питьевой воды. В основе его архитектурного оформления лежал проект господина Яннулеллиса. После этого началось строительство зданий, в которых должны были разместиться монашеские кельи, гостиница, трапезная и подсобные помещения. Комиссия приобрела небольшой земельный участок позади братского корпуса, граничивший в этом месте с нашим и принадлежавший нашему односельчанину Павлу Цолосу. Там оборудовали другие вспомогательные помещения и маленькую келлею для монастырского сторожа.

Деятельность Комиссии продолжалась вплоть до середины 70-х годов. Над нижним храмом в честь Рождества Пресвятой Богородицы был построен главный соборный храм монастыря, благоуукрашенный внутри усердием благочестивых жертвователей. Мраморный архиерейский трон, например, был выполнен по заказу афинянина Федора Пациса, а святой престол, изготовленный также из мрамора, пожертвовала храму жительница американского города Балтимор Анна Стратаку. Она же дополнительно прислала в Епархиальное управление ещё 1000 долларов в благодарность, как она говорила, за чудо, которое совершили для неё новоявленные святые. Эти деньги позволили начать строительство братского корпуса. В течение ряда лет, вплоть до самой своей кончины, госпожа Стратаку посылала в обитель денежные переводы.

В финансировании строительства первых монастырских зданий огромную роль сыграл сбор пожертвований, проведённый госпожой Екатериной Литра по благословению митрополита Иакова (Клеомвроту). Значительная сумма денег была получена от продажи книги «Знамение велие», написанной Фотием Кондоглу и выпущенной безвозмездно издателями Александром и Евангелосом Пападимитриу. В стране и за рубежом были проданы тысячи экземпляров, средства от реализации пошли на возрождение обители. В этом благородном деле приняли участие многие наши соотечественники из Америки, среди которых можно упомянуть Ставрицу Захариу, проживавшую тогда в Нью-Йорке, а ныне занимающуюся миссионерской деятельностью в Африке.

Архитектурный проект главного храма монастыря разработал Е. Стикас, возглавлявший в то время Управление реставрации Министерства при премьер-министре, а руководил строительством инженер В. Гавриил. Другие здания были спроектированы архитектором В. Яннакисом. Бескорыстное участие во всех мероприятиях, связанных с организацией и осуществлением строительства, принимал инженер П. Апостолеллис, член Комиссии по возрождению монастыря. Подрядчиком всех работ выступал К. Базикос, помогал ему Васос Евстафиу.

В величественном соборном храме монастыря находится ныне гробница святого Рафаила,

а в нижней церкви — места захоронения других мучеников, за исключением могил монаха Ставра и святой мученицы Олимпии, которые сохранить не удалось.

Комиссия по возрождению монастыря позаботилась также о том, чтобы заасфальтировать дорогу, ведущую к обители, и продолжить её соединение с шоссе.

Каждую субботу во второй половине дня члены Комиссии собирались в епархиальном управлении в кабинете отца протосингела и анализировали баланс доходов и расходов. Сведения об этом балансе и о поступающих пожертвованиях ежемесячно публиковались в периодическом издании епархии, журнале «Пастырь», а отчёт об общем годовом балансе в конце каждого года появлялся в местных газетах Лесбоса. Работа Комиссии была строго упорядоченной и организованной и никогда не давала повода ни к каким кривотолкам. Она продолжалась более двенадцати лет, в том числе и после смерти моего супруга Ангелоса Раллиса в 1974 году. Комиссия прекратила своё существование с отъездом из Митилини протосингела Никодима (Анагносту).

Я посчитала своим долгом хотя бы кратко рассказать о многолетней деятельности Комиссии по возрождению монастыря, которая, к сожалению, совсем не нашла своего отражения в «Истории обители», написанной игуменьей Евгенией Клидара. Эту деятельность подробно описывает приснопамятный митрополит Иаков (Клеомвро-

ту) в своей небольшой книге под названием «Святой Рафаил и Карейская обитель», изданной в 1968 году и до его кончины продававшейся в монастыре. (После же того как он отошёл в вечность, книги этой, увы, уже не найти в продаже.) Деяния Комиссии во всех подробностях описываются и в недавно выпущенной епархиальным издательством книге «Миртовые и лавровые венки святым острова Лесбос», написанной богословом Георгием Сотириу.

После того как Комиссия прекратила своё существование, а митрополит Иаков скончался, начатую ими деятельность продолжила игуменья Евгения, усилиями которой монастырь значительно разросся.

Все работы осуществлялись за счёт пожертвований благочестивых христиан, проживающих как в Греции, так и за рубежом, а также монастырских доходов. Огромное количество паломников круглый год стекается в Карейский монастырь, чтобы испросить у новоявленных святых помощи и молитвенного предстательства пред Господом, столь необходимого всем нам, шествующим тернистыми тропами нелегкого земного бытия. Заканчивая своё повествование, могу лишь засвидетельствовать неопровержимую истину слов Георгия Сотириу из его книги «Святые Лесбоса»: «Вера христиан, стечение в Карейский монастырь тысяч верующих и чудеса святых — вот что вызвало к жизни все эти здания».

ОФИЦИАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО РАФАИЛА И ПЕРВЫЕ МОНАХИНИ

12 сентября 1962 года Министерство просвещения, рассмотрев предложение Священного Синода, издало Постановление, учреждавшее в Ферми на горе Карея женский монастырь во имя святого Рафаила.

Первые монахини, Евгения Клидара и Парфения Карлангици, приехали вдвоём в апреле 1964 года. Евгения стала игуменьей, а Парфения первой её келейницей. Я познакомилась с ними в июне 1963 года, когда они приезжали в Ферми поклониться мощам новоявленных святых и зашли к нам домой, желая услышать рассказ об истории обретения святынь.

Парфения была тогда ещё мирянкой и звали её Артемида. Родилась она на острове Хиос, к тому времени уже вышла на пенсию и, как мне сообщила, собиралась принять монашество. Евгения была родом из Пломари¹. В монахини она

1. Населённый пункт на южной оконечности Лесбоса.— Прим. перев.

постриглась совсем юной. На мой вопрос, в какой обители она подвизается, Евгения ответила мне, что некоторое время жила в двух монастырях на Хиосе (Покрова Пресвятой Богородицы и в Новом монастыре), но сейчас живёт в собственном доме со своей матерью и подругой Артемидой. Она сказала также, что хотела бы построить во дворе своего дома (расположенного в сельской местности) небольшой храм во имя святой равноапостольной Марии Магдалины и превратить дом в маленькую монашескую обитель.

Когда в 1964 году митрополит Иаков стал искать для монастыря святого Рафаила насельниц, я сразу же вспомнила о монахине Евгении и о её подруге, собиравшейся принять постриг. Я с радостью рассказала о них владыке. Он поручил написать им письмо и пригласить в Карейский монастырь. В тот же день я послала письмо Евгении, взяв её адрес у своей односельчанки Марианфи Орфанелли, с которой они дружили и переписывались. В ответном письме она поблагодарила меня, а через несколько дней вдвоём с Артемидой, которая к тому времени уже стала монахиней Филофеей, они приехали в Ферми. В Карейском монастыре Филофея приняла великую схиму и была наречена Парфенией.

Так как жилой корпус ко времени приезда двух монахинь ещё только строился, Комиссия по возрождению монастыря временно разместила их в доме Марианфи Орфанелли, а затем в доме Марии Кунелли, матери одного из чле-

нов Комиссии, взяв на себя все расходы по их содержанию. В распоряжении матушек было предоставлено такси, на котором водитель Стратис Мадзорос ежедневно возил их в монастырь и обратно, чтобы они не так уставали. В скором времени, когда строительство сестринского корпуса было завершено, монахини окончательно перебрались в обитель. Зимой 1964—1965 годов они провели в помещениях второго этажа, а после того, как 8 марта 1965 года состоялось освящение всего здания, община, в состав которой вошли ещё четыре сестры, поселилась на третьем этаже, отведя первый и второй этажи под гостиницу для паломников.

В состав Игуменского совета монастыря² вошли игуменья Евгения, монахиня Парфения и монахиня Синклитикия. Комиссия по возрождению монастыря ввела их в состав своих членов.

2. Совещательный орган при игуменье, состоящий из самых старых и опытных насельниц обители. — Прим. перев.

СЛУЖБЫ И МОЛЕБНЫЕ КАНОНЫ СВЯТЫМ РАФАИЛУ, НИКОЛАЮ И ИРИНЕ

В 1963 году митрополит Иаков (Клеомвроту) поручил выдающемуся песнописцу монаху Герасиму из афонского скита Малой Анны составить службу и молебный канон святым мученикам. Написанная отцом Герасимом служба была одобрена Священным Синодом и выпущена тиражом 4000 экземпляров издательством «Астир» — безвозмездно, как пожертвование Александра Пападимитриу и его супруги Марии на монастырь.

В 1966 году митрополит Мифимны¹, движимый верой и любовью к новоявленным святым, составил ещё одну службу с каноном. Она поётся 3 июля, в день обретения мощей святого Рафаила, и в другие дни — когда празднуется обретение мощей святого мученика Николая и святой девы-мученицы Ирины.

Прекрасную службу и молебный канон написал также иеромонах Пахомий (Суюлдзис). Служба эта появилась чудесным образом. Навыков, необходимых для составления службы,

1. Одна из епархий Лесбоса. — Прим. перев.

у отца Пахомия не было. Но, благоговая перед святыми, которые столько раз являлись ему во сне и наяву, он чувствовал в своём сердце непреодолимое желание прославить их в слове. И вот как-то раз, придя в церковь Трульской Божией Матери, в которой служил, он запер за собой двери, чтобы ему никто не мешал, сел за столик и начал писать. Поразительным было то, что слова и фразы, которые он писал, приходили ему на ум так быстро и легко, как будто кто-то их диктовал!.. Удивляясь этому, он на некоторое время останавливался, молился, а потом снова продолжал работу. Трудился батюшка до поздней ночи. Его никто не побеспокоил, и никакого утомления он не чувствовал. Закончив составление службы, он удалился к себе в келью, поражённый тем необъяснимым и сверхъестественным вдохновением, которое на него снизошло. Помолившись, отец Пахомий уснул.

На следующий день во время утрени в храм пришла Мария Балабани и сказала ему:

— Батюшка, сегодня ночью я видела удивительный сон, о котором хочу вам рассказать. Мне приснилось, что вы сидите в церкви вот перед этим столиком, пред вами лежит развернутая тетрадь с чистыми белыми листами. Молча, в задумчивости, вы смотрите на неё. Вдруг вижу, в храм входит святой Рафаил, улыбаясь, приближается к вам, склоняется над вами и говорит: «Ну же, Пахомий, пиши!» И Вы сразу

же начали писать в тетради то, что вам диктовал святой. Он постоянно что-то говорил и говорил — что именно, я не могла разобрать, — а вы, не останавливаясь, писали. Я же забилась в угол и не дерзала шагу ступить. Да и святой Рафаил, всецело занятый диктовкой, не обращал на меня никакого внимания... Сон этот очень взволновал меня. Что бы он мог означать, отче?

Отец Пахомий был поражён... Столик, на который ему указала Мария Балабани, развёрнутая тетрадь на нём — всё это было точное воспроизведение той обстановки, в какой он трудился накануне вечером. Так было найдено объяснение снизошедшему на него необычному вдохновению.

ЭПИЛОГ

Рассказ о святом Карейском деле, историю которого я изложила подробно и в хронологической последовательности, не содержит в себе ни тени какого-либо преувеличения или неправды. Я была непосредственной участницей событий и как владелица земельного участка, на котором были обретены святыни, и как одна из тех, кто сподобился во сне откровений о страданиях мучеников на горе Карея. Происходившие на протяжении ряда лет чудесные, поразительные события, о которых шла речь выше, навечно сохранит память моего сердца. Пусть для многих они пока ещё «сумнительное слышание», но для нас, переживших их, это «известная похвала»¹.

Бесчисленное множество людей сподобилось видеть во сне и наяву новоявленных святых. Многие из тех, кто первоначально не только не верили откровениям, но и иронизировали по поводу происходящего, после обретения святынь обрели в своём сердце непоколебимую веру. На-

1. Слова из акафиста Пресвятой Богородице (8-й икос). — Прим. перев.

ходились, конечно, и злопыхатели, которые, даже вложив свою руку в «язвы гвоздинные»², продолжали и насмехаться, и сплетничать, и гнусно клеветать, пытаясь всё смешать с грязью и очернить имена тех, кто с твёрдой верой и самоотверженностью прилагал нечеловеческие усилия, чтобы восторжествовала правда. Их ядовитые стрелы были нацелены в первую очередь в того, кто стоял у истоков событий и был одним из самых деятельных их участников,— Ангелоса Раллиса. Не передать в нескольких строчках, насколько безжалостной была развязанная против него война, особенно в первые годы после обретения мощей святого Рафаила. К сожалению, определённые поступки христиан не могут быть поняты людьми, поработанными земным и материальным, смотрящими через призму лукавства на жертвы того, чьё сердце и разум не принадлежат этому суетному и тленному миру.

Священное Карейское дело — это великое, неопишное чудо, превосходящее всякое разумение!..

Бесчисленное множество раз я рассказывала о нём устно и письменно друзьям и знакомым. Написать книгу я посчитала своим священным долгом: во-первых, желая выполнить многочисленные настоячивые просьбы благочестивых христиан, а во-вторых — потому, что чувствова-

2. Раны от гвоздей. «[Фома] сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей... не поверю» (Ин. 20, 25). — Прим. перев.

ла себя в неоплатном долгу перед новоявленными святыми Рафаилом, Николаем и Ириной, по молитвам которых я удостоилась видеть такое количество знаменательных снов-откровений.

Об удивительных событиях своей жизни святые поведали сами, постепенно, в откровениях — детям и взрослым, людям образованным и необразованным, верующим и не имеющим крепкой веры. Они являлись и благочестивым христианам, жившим за границей, таким, например, как профессор чикагского университета Фотис Лицас, который, сподобившись получить во сне важные откровения и проведя собственное исследование, пролил через несколько лет свет на многие остававшиеся не вполне ясными моменты. Так что сегодня мы имеем более полную и объемную картину жизни, трудов и мученического подвига наших святых в той исторической обстановке, в которой они жили.

Да отверзет Господь, по молитвам Пресвятой Богородицы и всех святых, духовные очи тех, кто наглухо затворил их своим неверием и эгоизмом, — чтобы эти люди перестали блуждать по тёмным закоулкам сомнений, увидели свет истины, сияющий на страницах сей книги, и возрадовались ему.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
СВЯЩЕННЫЙ ХОЛМ КАРЕЯ	15
ОБРЕТЕНИЕ МОГИЛЫ СВЯТОГО РАФАИЛА . . .	22
ПРИБЫТИЕ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ МАЛОЙ АЗИИ НА ОСТРОВ ЛЕСБОС. КАК ОЛИВКОВАЯ РОЩА ХАСАНА-ЭФЕНДИ СТАЛА ВЛАДЕНИЕМ НАШЕЙ СЕМЬИ	39
СВЯЩЕННАЯ МИССИЯ	47
НАЧАЛО ОТКРОВЕНИЙ	49
ПЕРВОЕ ЧУДО	52
ПЕРВОЕ ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ	58
ВТОРОЕ ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ	60
«ИЗМУЧЕННЫЕ БЕЖЕНЦЫ...»	68
МОЯ ИСПОВЕДЬ У СВЯЩЕННИКА ВАСИЛИЯ БАМЬЯСА	79
СВЯТЫЕ НИКОЛАЙ И ИРИНА	84
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ СВЯТОГО РАФАИЛА И ДРУГИХ МУЧЕНИКОВ, ЯВЛЕННАЯ В СНАХ И ВИДЕНИЯХ	97
СВЯТОЙ РАФАИЛ – ПРОТОСИНГЕЛ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИИ	103
КОГДА И КАК СВЯТОЙ РАФАИЛ СТАЛ ПРОТОСИНГЕЛОМ ПАТРИАРХИИ	109
КОГДА СВЯТОЙ РАФАИЛ И ДИАКОН НИКОЛАЙ ПРИБЫЛИ НА ЛЕСБОС . . .	110

КАК СВЯТЫЕ РАФАИЛ И НИКОЛАЙ ОКАЗАЛИСЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ВО ВРЕМЯ ЕГО ОСАДЫ .	112
ИСТОРИЯ ПЕРВОГО (ЖЕНСКОГО) МОНАСТЫРЯ НА ГОРЕ КАРЕЯ.	114
ВОЗОБНОВЛЕНИЕ КАРЕЙСКОЙ ОБИТЕЛИ В 1433 ГОДУ	118
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СВЯТОГО РАФАИЛА .	122
ТРЕТИЙ МОНАХ	125
УСАДЬБА СТАРОСТЫ.	127
ЧТО ИЗВЕСТНО О СЕМЬЕ СТАРОСТЫ ИЗ СНОВИДЕНИЙ МНОГИХ ЛИЦ	136
УЧИТЕЛЬ ФЁДОР.	141
ВОССТАНИЕ ХРИСТИАН НА ЛЕСБОСЕ В 1463 ГОДУ	143
ДАТА МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ СВЯТОГО РАФАИЛА	148
МУЧЕНИЧЕСТВО СЕМЬИ СТАРОСТЫ И УЧИТЕЛЯ ФЁДОРА.	151
ТРАГЕДИЯ МОНАХА СТАВРОСА И СМОТРИТЕЛЯ АКИНДИНА.	158
ДОМ АРИФА	161
ОБРЕТЕНИЕ СВЯТЫНЬ НА ГОРЕ КАРЕЯ	163
ПЕРВОЕ ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ, СОВЕРШЁННОЕ СВЯТЫМ НИКОЛАЕМ	203
ВТОРОЕ ЧУДО	205
ТРЕТЬЕ ЧУДО, СОВЕРШЁННОЕ СВЯТЫМ ДИАКОНОМ НИКОЛАЕМ	207
ЧТО ПРОИЗОШЛО СО СВЯЩЕННИКОМ ЕВСТРАТИЕМ СИТАРАСОМ И ХАРИКЛИЕЙ КАРАГЕОРГИУ	210
НЕИЗВЕСТНЫЙ КЛИРИК.	218

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ	223
ПЕРЕНЕСЕНИЕ СВЯТЫХ МОЩЕЙ	233
СЛУЧАЙ С ИЕРОМОНАХОМ ФОТИЕМ	239
ДРУГИЕ СЛУЧАИ ЯВЛЕНИЯ СВЯТЫХ	243
ОБРЕТЕНИЕ МОГИЛЫ УЧИТЕЛЯ ФЁДОРА	246
СНОС ЦЕРКВИ.	251
ОБРЕТЕНИЕ МОГИЛ СТАРОСТЫ И ЕГО ЖЕНЫ, А ТАКЖЕ ОСТАВШЕЙСЯ ЧАСТИ МОЩЕЙ СВЯТОЙ ИРИНЫ	264
ОТКРЫТИЕ СВЯТОГО ИСТОЧНИКА.	273
ПЕРВЫЕ ЧУДЕСА ОТ СВЯТОГО ИСТОЧНИКА . .	285
ГОРЯЧЕЕ ЖЕЛАНИЕ НАЙТИ ИКОНУ БОГОРОДИЦЫ	292
ОБРЕТЕНИЕ ИКОНЫ ГОСПОДА ВСЕДЕРЖИТЕЛЯ.	299
РАСКОПКИ РАЗВАЛИН ДРЕВНЕГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ И МОГИЛЫ МОНАХА СТАВРОСА.	315
ОБРЕТЕНИЕ МОГИЛЫ ИГУМЕНЬИ ОЛИМПЦИИ .	318
«ПРИХОДИ ОДНА...».	327
КАК ВЫЯСНИЛОСЬ, ГДЕ НАХОДИЛОСЬ СЕЛО МИЛЫ НА ИТАКЕ, РОДИНА СВЯТОГО РАФАИЛА	333
СТРОИТЕЛЬСТВО ДОРОГИ	336
КОМИССИЯ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ МОНАСТЫРЯ И ЕЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ РЯДА ЛЕТ	341
ОФИЦИАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО РАФАИЛА И ПЕРВЫЕ МОНАХИНИ . .	348
СЛУЖБЫ И МОЛЕБНЫЕ КАНОНЫ СВЯТЫМ РАФАИЛУ, НИКОЛАЮ И ИРИНЕ	351
ЭПИЛОГ.	354

В НАШЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ КНИГИ:

- Иеромонах Исаак. Житие Старца Паисия Святогорца.
- Блаженной памяти Старец Паисий Святогорец. Слова. Том V.
- Архимандрит Епифаний Феодоропулос. Две крайности: экуменизм и зилотство.
- Архимандрит Епифаний Феодоропулос. Масонство в свете истины.
- Архимандрит Епифаний Феодоропулос. Статьи, беседы, письма. Т. I.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Книги нашего издательства вы можете получить
по почте, оплата наложенным платежом.

Ваши заказы присылайте по адресу:

107082, Москва, а/я 93.

E-mail: info@agionoros.ru

Тел.: (095) 540-11-40; факс: (095) 246-69-39.

Лицензия ИД № 05182 от 25.06.2001

Подписано в печать 16.11.04. Формат 60х100^{1/16}

Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Гарнитура «Кудряшов». Усл. печ. л. 22,5

Тираж 5 000 экз. Заказ № 5038

Издательство «Εκδόσεις Ακρίτας», Афины, Греция

Издательский Дом «Святая Гора»

107082, Москва, а/я 93

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, Можайск, ул. Мира, 93